

Моим учителям-наставникам
Николаю Павловичу
Лаверову
и Виктору Михайловичу
Третьякову
посвящается

МОИ УЧИТЕЛЯ

В начале моей книги «Поморье» из трехтомника «Русский Север» помещено фото Николая Павловича Лаверова и Виктора Михайловича Третьякова. Оба они родились на Севере, в Архангельской области. Николай Павлович родом из деревни Пожарище Климовского сельсовета Коношского района, а Виктор Михайлович — из села Холмогоры.

Как истинные поморы, своим умом, талантом, упорством они достигли многого в жизни, стали известными людьми не только на Севере.

Н. П. Лаверов — видный организатор науки в нашей стране, доктор геолого-минералогических наук, профессор, академик, вице-президент Российской Академии наук. Он тесно связан с нашим краем как президент Ломоносовского фонда, Поморского землячества в Москве, председатель Архангельского объединенного научного центра.

В. М. Третьяков — действительный член Международной академии экологии и безопасности жизнедеятельности, лауреат премии Ломоносовского фонда, в 90-е годы ставший его генеральным директором. Будучи председателем Архангельского облисполкома, он внес большой вклад в развитие новых отраслей промышленности.

Именно они помогли становлению на Севере классического вуза — Поморского университета, в котором избраны почетными докторами. Я делюсь с ними радостью и горем, заботами и проблемами, которыми живет наш университетский дом. И всегда нахожу у них отклик.

Низкий поклон вам, мои учителя!

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОМОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА

**ВЛАДИМИР
БУЛАТОВ**

**Русский
декор**

КНИГА ТРЕТЬЯ

ПОМОРЬЕ

(XVI — начало XVIII в.)

Поморский
государственный
университет
им. М. В. Ломоносова
БИБЛИОТЕКА

АРХАНГЕЛЬСК

Издательство Поморского государственного университета
имени М.В.Ломоносова

1999

УДК 947.04
ББК 63.3(2Р31)
Б—907

Рецензенты: кандидат исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Поморского государственного университета **А.А.Куратов**,
доктор философских наук, заведующий кафедрой культурологии и религиоведения профессор **Н.М.Теребихин**

Печатается по решению
редакционно-издательского совета Поморского университета

Булатов В.Н.
Б 907 РУССКИЙ СЕВЕР. Книга третья: Поморье (XVI-начало XVIII в.). — Архангельск: Изд-во Поморского университета, 1999. — 336 с.

ISBN 5-88086-170-8 (Кн. 3)
5-88086-138-4

Третья книга трилогии “Русский Север” — “Поморье” — освещает различные стороны жизни нашего края в XVI — начале XVIII в. Основное внимание уделяется истории создания отечественного флота и роли Поморья в развитии экономики и культуры России.

ББК 63,3 (2Р31)

ISBN 5-88086-170-8 (Кн. 3)
5-88086-138-4

© Булатов В.Н., 1999
© Климов Р.С. Оформление, 1999
© Издательство Поморского государственного университета, 1999

ОТ АВТОРА

НИГ о Русском Севере не так уж много. Есть издания, рассказывающие об истории Архангельска, Соловков, о северном деревянном зодчестве, ремеслах и фольклоре, но практически нет обобщающих научно-популярных работ об истории, культуре и экономике Поморья. Почему? Размышляя над этим вопросом, я пришел к выводу, что виной тому — границы, территориальная раздробленность Поморья на губернии, а позднее на автономные республики, области и округа как субъекты федерации. Сейчас уже забыты многие народные северные традиции, исчезают теплота и сердечность человеческого, зачастую родственного, общения, вырастает стена отчуждения между властными структурами районов, областей, республик. Историки, краеведы и специалисты в различных областях гуманитарных знаний, изучающие Русский Север, углубленно исследовали только свой край, замыкаясь в пределах пресловутых границ. Иногда такой подход к истории исходил из негласных инструкций “отцов-губернаторов”, а позднее — партийных и советских властей. Так появились “местные” истории Карелии и Коми республик, Мурманской, Архангельской, Вологодской, Кировской и Пермской областей.

А ведь были совсем другие времена. Русский Север с XVI века носил название Поморье, а его земли, лежащие в бассейнах рек Северной Двины, Сухоны, Онеги, Мезени, Печоры, Камы и Вятки, занимали тогда территории, составлявшие почти половину Русского государства (до присоединения к России Среднего и Нижнего Поволжья, Сибири и Дальнего Востока).

Напомним читателю о том, что в процессе освоения Русского Севера в XII-XVI веках наблюдались три крупных потока переселенцев: ладожский-новгородский-псковский, владимирский-ростовский-суздальский и, наконец, московский.

Взглянув на карту Поморья, читатель без труда сможет убедиться в причудливости или, как говорят специалисты, в гнездовой группировке населения на сравнительно небольших площадях, разделенных огромными пустующими пространствами. Первоначально русское население размещалось преимущественно вблизи рек и соединяющихся между собой озер, которые служили "дорогами" для последующей "ползучей" колонизации Русского Севера. Заселение земель было не сплошным, а шло оазисами. Надо отдать должное нашим далеким предшественникам, умевшим отыскивать самые живописные и красивые места для своего проживания. Еще одной важной особенностью освоения северных земель было то обстоятельство, что крестьяне редко отправлялись в путь в одиночку, а шли в основном малыми дружинами в 10-12 "другов". Из этих-то дружин, поясняют академики С.Ф.Платонов и А.И.Андреев, слагалось мало-помалу, веками, то свободное население Поморья, которое в последующее время образовало в крае демократическую основу русского крестьянского населения в "погостах" или "волостях"¹. Прежде всего первопроходцы осваивали земли по берегам Онеги, Северной Двины, Выга, Мезени, Печоры и их притоков. Ядром этих поселений были Важская и Двинская земли. Самый многочисленный поток поселенцев составляли новгородцы, они первыми вышли на "студеное" или "дышащее" Белое море и постепенно заселили его берега. С Белым морем была связана русско-язычная группа этноса — поморы. Этимология названий "помор", "поморец" в настоящее время ни у кого не вызывает сомнений — живущие "по морю".

¹ Платонов С.Ф., Андреев А.И. Новгородская колонизация Севера // Очерки по истории колонизации Севера. — Пг., 1922. — С. 29.

Дух вольности и товарищества, просвещения и свободомыслия издавна витал в Поморье. Суровая северная природа и огромные территориальные пространства сформировали особые поморские черты национального характера, предопределили необычайный путь Русского Севера. Жизнь на берегах “студеного” моря сделала поморов сильными, мужественными и трудолюбивыми. Потомки вольных новгородских ушкуйников, “лихих людей”, а также крестьян, бежавших на Русский Север от боярского батога, крепостного “ошейника”, монголо-татарского ига, предприимчивые и бесстрашные, они творили всем миром свой устав жизни, приноравливая его к особым условиям края с его скудной на урожай “землицей” и богатыми пушниной и дичью лесами, с его изобилующими деликатесной красной и белой “рыбицей” водоемами, с его долгой студеной зимой и коротким, но светоносным летом.

Кто заселял эту древнюю северную землю до появления здесь новгородских пионеров? Летописи, народные предания, археологические памятники свидетельствуют о проживании в этих местах финно-угорских племен, объединенных названием “заволочская чудь”. Но почему русские летописи не говорят о завоевании Заволочья?

На этот вопрос обстоятельно ответила почетный доктор истории Александра Яковлевна Ефименко: “Во-первых, оттого, что завоевания, в настоящем смысле этого слова, не было, — было медленное, наступательное, тянувшееся столетиями движение, в котором насильственный кровавый эпизод чередовался с мирной уступкой, с договором; во-вторых, потому, что завоевательная сторона этого движения исполнялась не государственными силами Новгорода, а инициативой и средствами частных лиц: богатых и предприимчивых новгородских бояр, купцов и промышленников”¹.

Постепенно, год за годом, поморы осваивали новые земли, продвигаясь все дальше на юг и юго-восток, север и северо-восток. А на картах, чертежах и росписях появились по-

¹ Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. — М., 1884. — Вып. 1. — С. 191.

морские города: Холмогоры, Вага (Шенкурск), Вельск, Каргополь, Турчасово, Пустозерск, Тотьма, Сольвычегодск, Великий Устюг, Хлынов (Вятка) и другие.

Многие из этих городов с самого своего зарождения, а некоторые — впоследствии переняли от Великого Новгорода, колыбели демократии на Руси, все его демократические и вечевые порядки. Именно в Поморье был силен “мир”, здесь процветало самоуправление. В обычаях, традициях и нравах жителей Русского Севера, в его богатой письменности, “мирских актах” административного и судебного характера сохранились устои свободных организаций Великого Новгорода.

Крестьяне Поморья получали особые жалованные грамоты, устанавливавшие у них выборные должности для суда и исполнения приговоров. Уставная грамота волостей Двинского уезда, данная в 1552 году царем Иваном Грозным, представляет собой своего рода судебник. Москва жалует крестьян выборным судом, уничтожая должности волостеля и тиуна. Во главе самоуправления стали “излюбленные головы”, которых выбирали северные волостные крестьяне¹.

В Поморье всегда господствовало черное крестьянское землевладение. Это был край дворцовых и черных волостей. Здесь крестьяне землю пахали “по государеву жалованью великого князя да по разьешикову отводу”. С давних пор в их среде устанавливались товарищеские отношения, северные крестьяне заключали между собой договоры-условия на совместную уборку сена, на раздел участков земли (“жеребьев”), строительство домов и церквей.

Начиная с возвышения Москвы и создания централизованного российского государства, “добром и злом, силой и ласкою, — по образному выражению историка С.Ф.Платонова, — собирала Москва Северную Русь”². В течение нескольких последующих веков изменялось и положение независимых поморских волостей. Не лишено оснований предположение директора Института географии РАН, академика Владимира Михайловича Котлякова: “И если бы республи-

¹ Исторический архив. — М., 1953. — Т. VIII. — С. 9—20.

² Платонов С.Ф. Низовская колонизация на Севере // Очерки по истории колонизации Севера. — Пг., 1922. — С. 53.

канские и иные традиции не были бы жестоко подавлены в XVI—XVIII веках Москвой, кто знает, может быть, вместе с русскими, украинцами и белорусами мы имели бы четвертую по счету восточнославянскую нацию — северороссов...”¹

Действительно, налицо были почти все признаки нации: общность территории с выходом к морю (Поморье); общность экономической жизни поморских уездов, волостей и городов; особые черты характера, психологического и духовного облика поморов; своеобразие северной культуры. Складывался северорусский язык, от которого нам остались в наследство местные говоры, диалекты и наречия, ставшие предметом тщательного изучения филологов, диалектологов и этнологов.

Вполне возможно, титул российских царей звучал бы так: “Великий государь, царь и Великий князь всея Великия и Малыя и Белые и Северныя России самодержец и прочее, прочее, прочее”. Но этого не случилось...

Приведу высказывание мудрейшего Дмитрия Сергеевича Лихачева: “Самое главное, чем Север не может не тронуть сердце каждого русского человека, — это то, что он самый русский. Он не только душевно русский — он русский тем, что сыграл выдающуюся роль в русской культуре. Он спас нам от забвения русские былины, русские старинные обычаи, русскую деревянную архитектуру, русскую музыкальную культуру, русскую великую лирическую стихию — песенную, словесную, русские трудовые традиции — крестьянские, ремесленные, мореходные. Отсюда вышли замечательные землепроходцы, полярники и беспримерные по стойкости воины...”²

¹ Котляков В.М. Наука. Общество. Окружающая среда. — М., 1997. — С. 136.

² Лихачев Д.С. Предисловие // Гемп К.П. Сказ о Беломорье. — Архангельск, 1983. — С. 7.

Предлагаю заинтересованному читателю сведения о том, каким было административно-территориальное деление Поморья и всего Русского Севера в XV—XVIII веках.

В 1478 году после присоединения Новгорода к Москве Двинская земля была разделена на три части — Двинскую, Важскую и Онежскую. Управление Двинской землей поручалось земским сотским, избираемым самими двинянами. В конце XV века во главе Двинской земли был поставлен двинской тиун, в 1534 году — двинской наместник, в 1556 году — двинской излюбленный голова, в 1587 году — двинской воевода.

С середины XVI века в Поморье проводится земская реформа, в ходе которой вместо наместников и волостелей стали избираться “излюбленные головы”, судьи, губные старосты с помощниками — губными целовальниками. Основной административно-территориальной единицей стала волость, делившаяся на сотни, погосты-округа, станы. Волость объединяла городские и сельские поселения: посады, слободы, села, деревни, погосты, починки, пустоши, селища и займища. Управление в волостях и погостах сосредоточивалось в руках сотских, волостных и погостных старост¹.

К XVI веку в Поморье начинают складываться уезды (уезды-волости). Важская земля оформилась в Важский уезд с устьянскими сохами (волостями). Из Двинской земли выделились Двинской, Кеврольский и Мезенский уезды. Земли-волости Тре и Печора образовали Кольский и Пустозерский уезды.

В XVI веке в бассейнах рек Сухоны, Юга, верховьев Северной Двины из Устюжской земли сложился Великоустюжский уезд, позднее из него выделился Сольвычегодский уезд, занимавший территории в нижнем течении реки Вычегды и земли в верховьях Северной Двины. В начале XVII века в бассейне рек Вычегды, Сысолы и Выми образовался Яренский уезд. В XVI веке из Онежской земли в бассейне озе-

¹ История северного крестьянства. — Архангельск, 1984. — Т. 1. — С. 37—93.

ра Лаче и реки Онеги оформился Каргопольский уезд, делившийся на две половины: Каргопольскую и Турчасовскую¹.

Первой столицей Русского Севера были Холмогоры. Поморская столица отличалась от других северных городов одной особенностью. Холмогоры состояли из четырех отдельных посадов: Курцева, Глинского, Никольского и Ивановского концов, каждый из которых представлял из себя самоуправляющуюся единицу, напоминающую самостоятельные концы Великого Новгорода. В официальных документах город именовался собирательным термином — "Холмогорские посады"². Заволочье, Двинская земля управлялись двинским посадником, сидевшим вначале в Матигорах и Ухтоострове, а затем в Холмогорах. В конце XVII века в Поморье учреждается архиепископия с центром ее в Холмогорах. Преосвященный Афанасий при посвящении в архиерейский сан стал именоваться архиепископом Холмогорским и Важским.

4 марта 1583 года двинские воеводы П.А.Нащокин и А.Н.Волохов (Залешанин) по грамоте царя Ивана Грозного основали Архангельск — крепость на мысе Пур-Наволок правого берега реки Северной Двины, вокруг Архангельского Михайловского монастыря³.

Гарнизон крепости составляли около 200 московских и холмогорских стрельцов. С переселением 130 семейств двинских крестьян по грамоте царя Федора Ивановича от 12 февраля 1587 года близ крепости возник Новохолмогорский (или Архангелогородский) посад, подчиненный Холмогорам. Независимость от Холмогор посад получил по грамоте царя Михаила Федоровича Романова от 1 августа 1613 года, а город стал именоваться Архангельским, позднее — Архангельском.

¹ Аграрная история Северо-Запада России XVI века. — Л., 1978. — С. 5—79; Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII—XX веках: Справочник. Архангельск, 1997. — С. 9—10.

² Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. — М., 1909. — Т. 1. — С. 119.

³ ААЭ. — СПб., 1836. — Т. 1. — С. 380; ПСРЛ. — Л., 1977. — Т. 33. — С. 150, 169.

До начала XVIII века Архангельск был единственным международным морским портом России. В 1702 году административное управление Поморьем было переведено из Холмогор в Архангельск. Указом царя Петра Первого от 18 декабря 1708 года в числе восьми губерний Российского государства была образована Архангельская губерния. Она занимала Кольский полуостров с Карельским и Поморским берегами Белого моря и территорию от Летнего берега Онежского полуострова до Урала¹.

* * *

Ретроспективный взгляд на события русской истории позволяет обнаружить определенную закономерность: в наиболее трудные для страны времена взор ее правителей неизменно обращается к Поморью и его населению. В царствование Ивана Грозного, когда страна была изнурена многолетней Ливонской войной и отрезана от торговых путей на Балтике, срочно создается первый международный торговый порт России — Архангельск. В XVI веке Россия обратилась лицом к северу, к “божьей дороге” — великому морю-океану.оборот Архангельской ярмарки доходил до 3 миллионов рублей. Чтобы читатель мог судить о том, много это или мало, напомним, что к началу XVII века население России не превышало 12 миллионов человек, а весь государственный доход в 1724 году исчислялся в 8 миллионов рублей². Кроме доходов от ярмарки, были еще многочисленные налоги, сборы и другие финансовые поступления, собираемые с богатого чернососного населения Поморья. О значении главной торговой “улицы” России — Сухоно-Двинского пути — говорят следующие цифры: для перевозки грузов только между Вологодой и Архангельском в XVII веке требовались тысячи речных судов разной грузоподъемности, а общий грузооборот,

¹ Административно-территориальное деление Архангельской губернии... — С. 12—13.

² Чиркин Г.Ф. Историко-экономические предпосылки колонизации Севера // Очерки по истории колонизации Севера. — Пг., 1922. — С. 19.

по подсчетам профессора П.А.Колесникова, составлял 2—3 миллиона пудов¹.

Заметной была роль Русского Севера и в так называемое “смутное время”. “Миры” Поморья проявили большую жизнеспособность и самостоятельность. Были найдены средства, подготовлены ратные люди, построены города-крепости, остроги как для целей внутренней обороны, так и для защиты страны, восстановления ее государственного единства.

Неслучайно Петр Первый начал создавать “молодую Россию” после своего трехкратного посещения Русского Севера. Здесь он основал государственную верфь, начал строительство первых военно-торговых кораблей. Для строительства северной столицы и Балтийского военно-морского флота царь в полной мере использовал материальный, людской и творческий потенциал Русского Севера, зачастую действуя жесткими методами.

...Начало XX века. Русско-японская и первая мировая войны, революции и гражданская война, страна напоминала избитого до полусмерти человека. И вновь Русский Север становится опорой для вывода страны из затяжного политического и экономического кризиса. Первыми привлекли внимание общественности страны к Русскому Северу профессиональные историки: С.Ф.Платонов, А.И.Андреев, В.Г.Дружинин, М.М.Богословский, П.Н.Милюков, А.А.Кизеветтер и многие другие². Их книги и очерки побудили советское правительство, научные, плановые и торгово-промышленные организации использовать богатый потенциал Поморья. Месторождения меди, никеля, нефти, каменного угля, “камня плодородия” — апатитов и других полезных ископаемых на территории Мурманской области, Карелии и Коми республик были поставлены на службу народнохозяйственному комплек-

¹ Колесников П.А. Северная Русь (XVIII столетие). — Вологда, 1973. — С. 4.

² Кизеветтер А.А. Русский Север. Роль Северного края Европейской России в истории Русского государства. — Вологда, 1919; Очерки по истории колонизации Севера. — Пг., 1922; Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. — М., 1995 и другие.

су страны. Архангельская область стала "всесоюзной лесопилкой", а драгоценная валюта пошла на восстановление промышленности и в дальнейшем — на нужды индустриализации и коллективизации всей страны. В том, что этой валюты было немало, убеждают факты: в 1923 году "фонд, который лежит в подвалах Госбанка", обеспечивал выпуск советских банкнот на 50 процентов из оплат только одного треста "Северолес"¹. В 30-е годы Архангельская область по валютным вложениям в экономику страны стояла на втором месте после Украины. Секретарь обкома партии С.П.Логинов как-то проговорился, что если бы на Архангельск упала хоть одна капля из валютного потока, шедшего в столицу с Севера, то можно было бы все мостовые в городе позолотить². Чтобы получить полное представление о вкладе Поморья в развитие Советского Союза, необходимо суммировать достижения Карелии, Коми республики, Мурманской, Архангельской, Вологодской, Кировской и Пермской областей. Полагаю, что эта тема заслуживает подробного исследования.

На исходе XX века, когда Россия переживает не лучшие свои времена, нынешние руководители вновь связывают надежды на возрождение страны с Русским Севером. Как тут не вспомнить крылатые слова нашего прославленного земляка М.В.Ломоносова: "Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном"³. Именно на Русском Севере, на берегах Северного Ледовитого океана в начале следующего тысячелетия Россия будет добывать нефть и газ, алмазы и бокситы, заготавливать лес и рыбу. Возникает только один вопрос: не будет ли население края обойдено вниманием правительства при решении этой грандиозной программы?

К сожалению, в прошлом такое случалось...

¹ Булатов В.Н. Роль Европейского Севера в прорыве экономической блокады (1920-1924 годы) // История СССР. — 1990. — № 3. — С. 169.

² Наш регион между прошлым и будущим: трудные уроки переходного периода: Интервью с А.В.Сметаниным // Архангельские областные ведомости. — 1999. — 26 янв.

³ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. — М.:Л., 1934. — Т. 6. — С.498.

ПОМОРЬЕ

РУССКИЙ Север с XVI века носил название Поморье, так как эти земли примыкали к Белому морю и Северному Ледовитому океану. Открыв словарь С.И.Ожегова, любознательный читатель сможет убедиться, что топоним Поморье обозначает местность, прилегающую к морю¹. В словаре В.Даля читаем: "Поморье — приморье, приморская

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М., 1991. — С. 558.

сторона; от этого название Померания, а в Архангельской губернии это западный берег Белого моря"¹. Значит, было и другое Поморье? В современных словарях отмечается, что Поморье (Pomorze) — северная прибалтийская часть Польши, которая делилась на Западную и Восточную. Длительное время Западная часть — Померания — входила в состав Германии. С X века население Поморья в основном состояло из поморян, группы западнославянских племен².

А в России с XVI века широко употреблялись и другие обозначения: поморские волости, поморские уезды, поморские города. Такие названия в Западной Европе звучали бы, по меньшей мере, очень странно, так как волости страны Ваги были отделены от моря пространством почти в 200 километров, а старинный поморский город Великий Устюг — свыше 600 километров. Тем не менее названия Поморье, поморские уезды, волости и города, объединяющие области, лежащие в бассейнах рек Северной Двины, Сухоны, Онеги, Мезени, Печоры, Камы и Вятки, — почти половину территории России XVI века, — исторически закономерны, так как эти земли были прочно связаны с единственным тогда в России морем. Морская торговля со Скандинавией и Западной Европой, рыбные, зверобойные, соляные, лесные промыслы определяли торговую и ремесленную деятельность населения северорусских уездов, волостей и городов. При некотором различии природных условий отдельных частей Русского Поморья общими были наиболее характерные черты: равнинность, преобладание лесов и болот, лесотундровые пространства. Ледовитый океан с его Баренцевым, Белым и Карским морями, се-

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1980. — Т. 3. — С. 275.

² Советский энциклопедический словарь. — М., 1979. — С. 1049; Географический энциклопедический словарь. — М., 1983. — С. 340.

верные реки и озера оказали решающее влияние на единство природы края, формирование местных географических и историко-экономических районов. Сухоно-Двинская водная магистраль, ведущая от древней Вологды до берегов Белого моря, географически выделила Центральное Поморье с его особыми природными условиями, определившими специфику сельского хозяйства и промыслово-торговой деятельности. Более ста тысяч озер Кольского полуострова, многочисленные озера Карелии, занимающие 12-13 процентов ее суши, способствовали заселению этих земель, обусловили характер хозяйственной деятельности населения. Пойменные долины северных рек с большими площадями сенокосных угодий способствовали развитию животноводства. Обилие пушного зверя, пернатой дичи в лесах, деликатесной рыбы в морях, реках и озерах служило притягательной силой для людей на протяжении многих столетий. Болотные железные руды "Железного поля" в Устюжско-Белозерском крае, в Карелии, Важской земле и в Приуралье, огромные запасы подземных соленосных вод на территории почти всех поморских уездов, месторождения меди, серебра, "земляной крови" — нефти, слюды, речного жемчуга, строительного камня, корабельных и строительных лесов, продуктов смолокурения — все это определяло специфику занятий северного крестьянства, соотношение промыслово-ремесленной и земледельческой деятельности¹.

К началу XVII века территория Русского Севера в основном уже была освоена, активным оставался приток населения лишь в Восточное Поморье. В 1620 году в Западном Поморье проживало около 120 тысяч человек, в Центральном — около 200 тысяч крестьян и посадских людей и в Восточном — около 37 тысяч жите-

¹ Колесников П.А. Северная деревня в XV — первой половине XIX века. — Вологда, 1976. — С. 39—40.

лей. Население на территории Поморья расселялось крайне неравномерно и в основном концентрировалось по берегам рек и озер, а огромные лесные массивы междуречий оставались малонаселенными. Плотность поморского населения оставалась низкой, особенно в Кольском уезде на севере, лопских погостах на западе, Мезенском и Кеврольском уездах на северо-востоке¹.

Историк М.М.Богословский одним из первых исследовал характер административного деления Поморья в своем фундаментальном труде "Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке"². Он пишет: "Административная карта Поморья в XVII веке — это причудливый узор, выведенный историей, создавшей местные разнообразия, а не геометрический чертеж, построенный законодателем, руководившимся началом единства и стиранием все местные особенности"³.

Русское Поморье делилось на двадцать два округа. В свою очередь округа носили название уездов. Исключение составляли семнадцать погостов, расположенных по берегам Онежского озера и называвшихся Заонежскими погостами. Точно так же группа волостей, раскинувшаяся по верхнему течению реки Ваги, ее притокам Вели, Пежме, Устье, Кокшенге, Чадроме, Соденге и Волюге, составляла особый округ, называвшийся Усть-янскими волостями. Небольшая область, охватывающая озеро Воже, именовалась Чарондской округой⁴.

Прежде чем познакомить читателя с географическим положением каждого из двадцати двух округов, входя-

¹ Там же, с. 73—125; Васильев Ю.С. Аграрные отношения в Поморье XVI-XVII вв. — Сыктывкар, 1979. — С. 54—72; История северного крестьянства. — Архангельск, 1984. — Т. 1. — С. 98—101.

² Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. — М., 1909. — Т. I; М., 1912. — Т. 2.

³ Там же. — Т. I. — С. 9.

⁴ Там же. — Т. I. — С. 10.

щих в Поморский край, уточним, что высшее управление этими землями исходило из трех московских ведомств: Новгородской и Устюжской четвертей и приказа Большого Дворца, которым подчинялись воеводы, приказные люди и управляющие уездами. В конце XV — начале XVII века понятие “Карелия” в русской историко-географической терминологии еще не существовало. По административному делению того времени эта территория состояла из четырех районов. Наиболее важным районом в экономическом отношении был Карельский уезд, включавший в себя восточную часть Карельского перешейка и северное Приладожье вместе с обширными, лежащими к северу землями. Второй район — Заонежские погосты — включал в себя Олонецкий перешеек (между Ладожским и Онежским озерами) и земли к северу, западу и югу от Онежского озера. На севере Карелии образовались два административных района: поморские волости — прибрежные земли вдоль западного берега Белого моря — и Лопские погосты — внутренняя часть Северной Карелии.

Основная масса карельской народности в конце XV — начале XVII века жила на территории Карельского уезда, значительно меньшая часть карел жила в Лопских погостах и в Карельском Поморье¹.

А теперь предложим читателю более подробно ознакомиться с этими районами Карелии. В западной части Поморья по восточному берегу Ладожского озера, окружая со всех сторон Онежское озеро, и по рекам Выгу, Суме и Нюхче, впадающим в Онежскую губу Белого моря, лежала область, называвшаяся Заонежскими погостами. Как известно, слово “погост” употреблялось в Древней Руси в двояком значении. В первом случае им обозначалось место, на котором стоял православный храм с кладбищем, с

¹ Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. — М., 1953. — С. 628.

дворами причта, с кельями для нищих и юродивых. Погостом называли также административный сельский округ, в который входила группа селений, связанных общим управлением. Храм служил объединяющим центром для разбросанных вокруг него селений, местом свершения не только религиозных обрядов, но и различных правительственных актов, гражданских сделок. Позднее погостами стали называть даже отдельные округа, не имевшие храмов.

Широкой известностью в России пользовались карельские плотники. По всей стране расходилась карельская деревянная посуда. Развито здесь было и судостроение.

В 1556 году проезжавший по этим местам англичанин Т. Соутэм писал, что в Суме "найдется сколько угодно барок для перевозки наших товаров из Сум на рейд Св. Николая"¹.

Некоторые Заонежские погосты упоминаются в документах уже XIV века. До XVII века эти погосты входили в состав Новгородского уезда, образуя Заонежскую половину Обонежской пятины. С 1624 года они сделались самостоятельным административным округом. В 1649 году к Заонежским погостам были присоединены восемь Лопских погостов и здесь было введено самостоятельное воеводское управление. Первым воеводой был назначен Дорофей Карпович Ельчанинов, которого сменили Федор Федорович Волконский и Степан Парфеньевич Елагин. В эти же годы в погосты были посланы специалисты с заданием подыскать подходящее место для постройки города-крепости. Такое место было выбрано в Олонецком погосте на Олонце, у устья речки Мегреги². Город Олонец

¹ Готье Ю.В. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. — Л., 1937. — С. 88.

² Мюллер Р.Б. Очерки истории Карелии в XVI-XVII вв. — Петрозаводск, 1947. — С. 152; Витов М.В., Власова И.В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI-XVIII веках. — М., 1974. — С. 3—11.

стал резиденцией воевод. Воеводы сразу начали привлекать местных жителей — русских и лопарей — к исполнению разных повинностей наравне с населением Заонежских погостов. В 1649 году царю Алексею Михайловичу была отправлена челобитная следующего содержания: "...быют челом и плачутся твои государевы бедные и последние сиротишка Новгородского уезду Водские пятины от Студенаго моря от Каенских (финских — В.Б.) немев Лопских погостишков крестьянишка Селецкого погоста Степанко Яковлев да Паданского погостишка Ондреянко Савин во всех Лопских погостишков вместо крестьянишек и лопарей в том: блаженных памятей великих государей царей и отца твоего государева... и нас велено судити выборным судьейкам, кого выберут всею Лопскою землею. И те выборные судьейки нас судят и управу чинять, а в чем будет управы учинити не могут, и они судные списки посылают в доклад в Великий Новгород..."¹. Правительство предписало олонецким воеводам жителей Лопских погостов оберегать и "налоги им никакой не чинить", подтвердило их право выбирать себе старост. Таким образом Лопские погосты составили особый земский мир и находились вместе с Заонежскими погостами под покровительством олонецких воевод.

К северу от Заонежских и Лопских погостов, гранича со шведами и "мурманскими немцами" — норвежцами, охватывая обширный Кольский полуостров (кроме побережья рек Умбы и Варзуги), простирался Кольский уезд. Его южной границей служила река Кереть, впадающая в Кандалакшскую губу. На западе этот уезд даже в XVIII веке не имел четких границ. Лопари считались подданными России и Швеции, так как постоянно кочевали из одного государства в другое и платили дань русским царям и шведским королям. Административный

¹ Богословский М.М. Земское самоуправление... — Т. 1. — С. 12-13.

центр этого уезда находился в городе Коле. По данным Торговой книги, в 1570—1580 годы здесь регулярно проходили ярмарки, начинавшиеся в иванов или петров день.

В 1582 году в Коле был построен гостиный двор. По письму Михайлова 1608—1611 годов, в кольском остроге находилось 94 двора и 107 торговых помещений. В 50—60-е годы XVI века международная торговля велась главным образом в становище Кегор (Вайда-Губа), расположенном в северо-западной части полуострова Рыбачьего. На петров день (29 июня) в Кегор съезжались иностранные купцы для продажи своих товаров. В международной торговле принимали участие Печенгский монастырь и становище Корабельное на острове Кильдин¹.

По писцовой книге 1608 года, в состав уезда входили две небольшие волости — погост Мурмаш и волость Пояргуба, крупные волости — Кандалакша, Ковда и Кереть, населенные русскими, и четырнадцать погостов с проживающими в них лопарями. В XVII веке Кольским уездом правил воевода.

Следует обратить внимание читателя на одно важное обстоятельство. Западный берег Белого моря первоначально заселяли лопари. Позднее они были оттеснены в глубь страны карелами и продолжали жить по верховьям рек Керети, Кеми, Выга и Сумы. Карельский берег Белого моря и “морские” реки Кереть, Шуя, Кемь и другие были богатейшими промысловыми районами. По морским заливам вываривалась соль, а в реке Керети добывался жемчуг. Освоением этого района, который назывался Карельским Поморьем, активно занимался Соловецкий монастырь. Его владения к XVII веку охватывали Белое море и с юга, и с запада, и с севера.

¹ Ушаков И.Ф. Кольская Земля. — Мурманск, 1972. — С. 68—77.

Имевший в своих стенах 270 человек братии и больше 1000 человек работных людей в монастыре и на промыслах, из которых главным была добыча соли, Соловецкий монастырь был крупнейшим экономическим центром Поморья, осуществляя также охрану северных рубежей России. В 1579 году Соловецкая обитель превращается в крепость, а в 1584—1594 годах деревянные стены заменяются каменными. Составлявшие гарнизон крепости стрельцы набирались в поморский уезд и содержались на монастырские средства. В Сумской волости был построен острог, который также содержался “монастырскою казною и крестьяны”, а его гарнизон состоял из двухсот монастырских людей. Позже был сооружен острог в Кеми, и в нем также “устроены ратные люди из монастыря”, а по всему побережью Белого моря были поставлены заставы и сторожевые посты. За то, что монастырь нес особые военные повинности и расходы, правительство одаривало его льготами, освобождало от оброков и пошлин, обращало в монастырскую собственность земли, прикрываемые монастырскими крепостями¹. В качестве примера приведем цитаты только из трех царских грамот, выданных в 1591 году. Первой была выдана “Уставная грамота Соловецкого монастырского собора крестьянам Умбской волости”, по которой “лготы есмя пожаловали дали им в дворовом оброку на два годы”. Во второй — “Таможенной грамоте Соловецкому монастырю о сборе торговых пошлин в поморских волостях” — говорилось: “таможенная пошлина и явка, и рыбная десятина, в ваших волостях, со всяких приезжих с торговых людей и с их товаров собирать”. И, наконец, была направлена из Москвы “Отчинная грамота Соловецкому монастырю, на Кемскую и другие поморские волости”, по которой православная обитель была пожалована царем “полови-

¹ Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты... — С. 10—11.

ною волостью Кемью со крестьяны, и с пашнею, и с лугами, и с рыбными ловлями, и с соляными варницами, и со всякими угоды”¹.

К востоку от Заонежских погостов в бассейне реки Онеги располагался Каргопольский уезд. Он охватывал берега озера Лаче и простирался к северу по всему течению Онеги и ее притокам Кене, Коже, Моше, Шелексе, Тевзе, Мудьюге и Вонгуде. По переписной книге 1648 года, Каргопольский уезд делился на два стана. В челобитных местных жителей эти станы носили названия “полуземель” — Верхней (Каргопольской) и Нижней (Турчасовской). Каргопольский стан объединял тридцать волостей с административным центром городом Каргополем, Турчасовский стан насчитывал сорок восемь волостей во главе с крупным селом Турчасово. Вплоть до первой половины XVI века Каргопольским уездом управляли наместники. Каргопольский наместник в документах упоминается под 1546 годом². Город Каргополь лежал на пересечении нескольких дорог и был важным торговым центром. На юг от города шли дороги на Чаронду (озеро Воже), Белоозеро, Вологду, а дальше — на Москву. Западная дорога вела на реку Вытегру и Онежское озеро и приводила в Неву и Волхов.

Население уезда занималось судостроением. Суда были необходимы для транспортировки соли и рыбы с низовьев реки Онеги. Из центров судостроения известны Ряговская волость близ Каргополя и Пияльская волость в низовьях реки Онеги. Вероятно, суда строились также на озере Коже и в Устьонежской волости. Важными торговыми центрами были Каргополь, Турчасов, Порог, а также погост на озере Моша. Неслучайно здесь в XVI веке были таможенные дворы³.

¹ ААЭ. — СПб., 1836. — Т. 1. — С. 423—428.

² ААЭ — Т.1. — № 211. — С. 200—201.

³ Васильев Ю.С. Борьба с польско-шведской интервенцией на Русском Севере в начале XVII в. : Учебное пособие к спецкурсу. — Вологда, 1985. — С. 24—25.

О населении Каргополя в начале второй половины XVI века мы узнаем очень немногое из частично утраченной сотной: “было 476 тяглых дворов, а людей в них 523 человека, описано только 297 человек в 256 дворах, затем идут два двора и три места, данные на льготу четырем человекам”¹. В первой половине XVI века в Каргопольском уезде не было наместных и монастырских земель. Это был район преимущественно черносошного, отчасти дворцового землевладения. В конце XV — первой половине XVI века здесь усиливается процесс “освоения” монастырями волостных крестьянских земель. Активную помощь в этом оказывала монастырям великокняжеская власть². Так, в княжение Василия Ивановича (28.06. 1553 г.) Кириллову Белозерскому монастырю была выдана несудимая грамота для двора в Каргополе, которая подтверждалась дважды в княжение Ивана Васильевича (1.02.1534 г.) и (17.05.1551 г.)³. В 20-х годах XVII века в Каргополь и в Турчасово назначались воеводы. В 40-х годах всем уездом правил единый воевода, резиденция которого находилась в городе Каргополе.

Центральным и самым густонаселенным уездом Русского Поморья являлся Двинской уезд. Его административный центр Холмогоры по существу и был первой столицей Русского Севера. Холмогоры — один из древнейших поморских городов — стояли на острове ниже впадения реки Пинеги в Северную Двину, как раз на стыке важных водных дорог. Река Пинега связывала северную столицу с Мезенью и далее, морем, с Пе-

¹ Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI веке. — СПб., 1889. — С. 42.

² Рожков Н. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. — М., 1889. — С. 381—383.

³ Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVI века. — М.; Л., 1947. — Т. 1. — С. 34.

чорой. Холмогоры сделались крупным центром, торговавшим солью, рыбой и мехами. В конце XVI века в Холмогорах была основана особая епископия, что подчеркивало значение этого города как столицы Севера России. Двинской уезд располагался по нижнему течению Северной Двины, а его южная граница проходила ниже реки Ваги. Уезд включал в себя многочисленные острова устья Северной Двины и берега Двинской губы. Крайним пунктом на западе был погост Яренга. Перепись 1620 года донесла до нас сведения о том, что это был традиционный русский первоначальный погост с церковью св. Николая Чудотворца и с пятью крестьянскими дворами. Далее располагались слобода Лопшеньга и посад Луда, а на северо-востоке в устье реки Кулоя — слобода Долгая Щель (Долгощелье). В 1678 году произошло недоразумение: двинские писцы приписали ее к Двинскому уезду, а мезенские — к Мезенскому. Это говорит о том, что в то время границы уездов и волостей Поморья были зачастую прозрачны и неточны. В состав Двинского уезда входили также волости Варзуга и Умба, находящиеся в юго-западной части Кольского полуострова, и сорок один округ, из которых шесть носили название станов: в устье реки Двины — Терпилов, Леонтьев, Алексеев; по реке Лодье, впадающей в реку Кузнечиху, — Андреянов; около Холмогорского посада — Загорский; в низовьях реки Пинеги — Сояльский. Слово “стан” первоначально обозначало место остановки правительственного агента, объезжающего округ, где для него местное население обязано было строить и содержать особые хоромы. Стан также служил местом (обыкновенно находившимся у храма) совершения различных официальных актов и сбора населения или его представителей для оглашения правительственных указов и распоряжений. В XVII веке различия между станом и волостью совершенно исчезают, в писцовых книгах нередко называют эти адми-

нистративно-территориальные единицы то одним, то другим именем¹. До первой половины XVI века в Двинской уезд назначались наместники, уступившие с 1556 года место земским властям. С 1587 года уездом правили воеводы, которые летом жили в Архангельске, а зимой переезжали в Холмогоры.

Холмогоры были узлом всех или почти всех торговых путей в северных окраинах государства. Кроме дороги по Выгу в Обонежье и в Приладожье и дороги по Онеге в Каргополь, из всего Поморья не было иного пути на юг, как через Двинское устье. Сюда сходились все товары, какие поставлял Поморский Север: соль, рыба, меха, кожи, ворвань, моржовая кость, ловчие птицы, всякого рода дичь, перья и пух. Создание Архангельского города-порта усложнило и увеличило торговый оборот в Поморье во второй половине XVI века, но не лишило Холмогор их значения для края. В Холмогорах даже в XVII веке (в 1622 году), после того как часть его населения была переведена в Архангельск, число посадских дворов доходило до 500, да столько же было дворов стрелецких. В XVII веке на иностранных купцов Холмогоры производили впечатление "большого города"².

О том, что первая столица Севера не потеряла своего торгово-промышленного значения, свидетельствует царская грамота, отправленная в 1588 году "на Колмогоры, таможенным верным целовальником, Дмитрею Тихонову сыну Попову, да Авраму Мартемьянову, да Ондрону Васильеву сыну Тестову, да Фалелею Константинову, с товарищи". В ней говорится о сборе дворовой, амбарной и поворотной пошлин: "кто приедет на Двину и на Колмогоры москвичи и изо всех московских

¹ Богословский М.М. Земское самоуправление... — Т. 1. — С. 30-31.

² Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты... — С. 12—13.

и поморских городов, и новгородцы, с каким мягким товаром, с соболми, и с куницами, и с песцы, и с бобры, и с белкою, и с заячинами, и со всяким мягким товаром, опричь весчего всякого товару, и с тем торговым людем со всякими товары являться таможенником и ставитися на гостине дворе”¹.

К востоку от Двинского уезда располагались Кеврольский и Мезенский уезды. Территория Кеврольского охватывала верховья реки Пинеги, а его граница с Двинским уездом проходила недалеко от Волока Пинежского. Центром уезда был миниатюрный посад Кеврола, в котором, по переписи 1678 года, насчитывалось всего восемнадцать крестьянских дворов. В конце XVII столетия уезд делился на двадцать один округ, из них одиннадцать, расположенные по реке Пинеге, ближайšie к посаду, образовывали Кеврольский стан. Десять волостей: Пильегорская, Перемская, Чакола, Пиринема, Веркольская, Лавела, Сура, Нюхча, Выя, Малая Пинежка — составляли основу административно-территориального деления. Особняком стояли “деревня по реке Немьюге” и “На Шетигоре деревни”, объединяющие группы из 8—10 деревень.

Остановимся вкратце на истории Кеврольского уезда. Первые поселения на Пинеге — городок Кеврольский и погосты Сура и Чакола — упоминаются еще в 1137 году при князе Святославе. Как уже отмечалось выше, погосты на Русском Севере в ту эпоху были поселениями, в которых новгородцы, а затем и московские князья собирали дань с населения. Волость в то время была также и приходом. В описях Двинских земель, “отложившихся” от Великого Новгорода в 1471 году к Москве, а также в духовных грамотах царя Ивана Грозного 1504 и 1572 годов перечислены волости, известные нам по источникам более позднего времени (Кеврола,

¹ ААЭ. — Т. 1. — № 338. — С. 408—409.

Чакола, Перемское, Сура, Шотогоры, Лавела, Марьяна Гора и Веркола). Писцовые книги XVII века рисуют нам уже сложившуюся систему сельских приходов. Из первой дошедшей до нас книги Кеврольского уезда 1623 года известно, что в это время здесь было пятнадцать волостей-приходов и столько же храмовых комплексов. Три волости (Шотогоры, Карпова Гора и Марьяна Гора) приходов не имели¹.

Мезенский уезд простирался по низовьям Кулой, впадающего в Белое море, и по реке Мезени с ее притоками — Вашкой, Кимжей и Пезой. В конце XVII века Мезенский уезд делился на семь волостей со слободой Лампожней и с тремя прилегающими к ней деревнями. Кевролой и Мезенью управлял один воевода².

Местечко Лампожня было крупным торговым пунктом, куда самоеды (ненцы) приезжали “торговати с русаки” рыбой, мехами и продуктами морских зверобойных промыслов. По сведениям английских путешественников, Лампожня была местом, “куда русские татары и самоеды съезжаются два раза в год для обмена товаров на товары”³. Большим поселением была Окладникова слободка. По местным преданиям, она была основана новгородцами Окладниковыми. Недалеко возникла еще одна слободка — Кузнецова, названная так “будто бы от имени купца, первого в том месте поселившегося”⁴. В 1780 году из этих слободок был образован город Мезень.

¹ Воскобойникова Н.П. Церкви Кеврольского уезда XVI—XX веков (Материалы для изучения) // Памятники архитектуры Русского Севера. — Архангельск, 1998. — С. 59.

² Богословский М.М. Земское самоуправление... — Т.1. — С. 16—17.

³ Готье Ю. Английские путешественники в Московском государстве... — С. 113.

⁴ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. — М., 1962. — С. 254.

На северо-востоке Русского Севера в XVII веке находился Пустозерский острог и две слободки по среднему течению реки Печоры — Усть-Ижемская и Усть-Цылемская. Эти далекие окраины составляли Пустозерский уезд, которым управляли воеводы, жившие в Пустозерске. Пустозерск был самым северным русским городом XVI века. В отличие от других поморских городов он быстро рос. В 1564 году в нем насчитывалось 97 дворов, в которых проживало 230 человек, спустя десять лет здесь уже было 144 двора, а в них числилось 282 человека “русаков и пермяков”. Местные жители занимались рыбной ловлей, морскими, а также птичьими и звериными промыслами. Здесь ловили деликатесную печорскую семгу, платя в казну десятую рыбу от каждого улова. Промышленники с Двинской земли, Великого Устюга и Пинеги били моржей, платя в виде подати по десятой кости от лучших моржовых клыков¹.

К юго-востоку от Кеврольского и Мезенского уездов, захватывая верховья рек Мезени и Вашки, а также в бассейне реки Вычегды простирался Яренский уезд. Верховья Мезени и ее притока Вашки (Удоры) входили в Удорскую волость, которая состояла из нескольких погостов. Самым большим был погост Кривой Наволок с тридцатью крестьянскими дворами. В погосте Венденге насчитывался 151 крестьянский двор. В конце XVI века эта местность не носит еще одного общего названия, а в документах перечисляются отдельные “земли”, представляющие из себя особые земские миры. Писцовые документы 1608 года озаглавлены “Книги Вымские и Вычегодские земли, Еренского городища”. В XVII веке Яренское городище (Яренск) становится административным центром. Однако еще в начале XVII века Вымской землей правил наместник, руководивший земскими выборными властями — сотниками (вычегод-

¹ Там же. — С. 252—256.

ским, вымским, сысольским, удорским). Центром Вымской округи был "владычен" городок, или Усть-Вымь, при впадении реки Выми в Вычегду. В Усть-Вымском городище, прежней резиденции пермских епископов, стояли шатровая церковь Стефана Пермского, собор Архангела Михаила и теплая церковь Николая Чудотворца.

В состав Поморья входила также часть волжского бассейна, а именно верховья рек Вятки и Камы, где располагались Вятская и Пермская земли. В Вятской земле было пять городов: Хлынов (Вятка), Котельнич, Орлов, Слободской и Шестаков, каждый из которых был административным центром отдельного уезда. В конце XV — начале XVI века вятские города, кроме Шестакова, отдавались центральными властями на особое кормление и в них назначался наместник. В 40-х годах XVI века создаются губные учреждения. В XVII столетии города Хлынов, Котельнич и Орлов составляли единый воеводский округ, а в Слободской и Шестаков назначался особый воевода. Во второй половине XVII века вятские города объединились под властью одного воеводы. Другие вятские города с уездами, позднее вошедшие в состав Вятской губернии, — Уржум, Яранск, Царево-Санчурск — в XVII веке причислялись к "понизовным", приволжским и не относились к Поморью. Они отличались даже по социальному строю, так как в этих уездах имелось служилое поместное землевладение¹.

Русская колонизация, шедшая из Московского государства, достигнув Сухоны, вынуждена была в своем распространении на восток огигать дугой с севера Черемисскую сторону и через реки Юг и Молому двигаться в Вятскую землю. К XVII веку Вятская земля, в состав жителей которой на северо-западе входили устюжа-

¹ Там же. — С. 451—455.

не, двиняне, важане, вычегжане, ярославцы и переяславцы, насчитывала 10—12 тысяч дворов¹. Одной из особенностей этой поморской провинции являлось то, что она поздно вошла в состав России. Для того, чтобы вятчане покорились царю Ивану III, понадобился в 1489 году большой военный поход. Таким образом, Вятская земля потеряла свою самостоятельность и вечевые порядки позже, чем ее метрополия — Великий Новгород. Выходцы с Северного Поморья принесли в Вятскую землю и культ своих святых. Главный собор в Хлынове (Вятке) был назван в честь Николая Чудотворца, а в Шестаковском городке были построены соборная церковь архангела Михаила “деревянной кладки” и церковь Николая Чудотворца².

В 1615 году в Хлынове (Вятке) имелось 600 тягловых дворов. В конце XVI века на Вятку легли заботы, связанные с освоением Сибири и Дальнего Востока. Вятское население несло тяжелую повинность — “ямскую гоньбу”. В эти годы на Вятке, как и в других поморских городах, собирали “сибирский хлеб” на корм государевым людям. Хлебный сбор был немалым. Так, в 1596 году вятские целовальники свезли на Лозву 3260 четвертей муки и зерна.

На Вятке, как и вообще в Поморье, шел “прибор” людей на службу в Сибирь. Наряду с вербовкой охотников иногда производилось и принудительное переселение в “сибирскую украину”. В конце XVI века “сибирские проблемы” стали тяготеть над вятским населением и определять направление его общественных интересов, заменив в этом отношении прежний страх татарского набега и “черемисской войны”³.

¹ Чиркин Г.Ф. Историко-экономические предпосылки колонизации Севера... — С. 16.

² Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии... — С.447—455.

³ Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты... — С. 16—17.

Три уезда, расположенные по верхней Каме, — Кайгородский, Чердынский и Соликамский — составляли Пермскую землю, или Пермь Великую. Центром этого обширного края до 30-х годов XVII века была Чердынь, служившая сначала резиденцией наместников, а затем воевод. Быстрый рост города Соликамска связан с тем, что через него был проложен новый путь в Сибирь, по которому направлялись торговые люди, минуя Чердынь. Соликамск становится и административным центром Пермь Великой. Пермские городки были небольшими. В 1579 году в Чердыни было 300 тягловых дворов, в Соликамске — 352 крестьянских двора. Оба города имели цитадели — деревянные “города” небольшого размера, — и у обоих посады были защищены вторыми внешними стенами — “острогами”. Третий город Пермской земли — Кай — был ещё меньше, количество дворов в нем не превышало 150. Значение этого города состояло в том, что он находился на распутье дорог, шедших из Пермь Великой на Двину и Москву, и был самым западным пунктом Пермской земли, через который она сообщалась с соседними областями¹.

К югу от Соликамского уезда по реке Чусовой начинались обширные вотчины Строгановых, составлявшие особый округ, в управление которым администрация Пермь не вмешивалась.

Сольвычегодский уезд охватывал нижнее течение реки Вычегды. В состав этого уезда входили земли по реке Виледи с расположенной здесь Вилегодской волостью. Крупнейшим городом в Южном Поморье был Сольвычегодск. В XVI веке Сольвычегодский посад принадлежал к числу наиболее значительных ремесленно-торговых поселений. Сольвычегодск был резиденцией самых крупных российских купцов и предпринимателей — Строгановых, которым было присвоено звание

¹ Там же. — С. 17—18.

“именитых людей”. Во второй половине XVI столетия Строгановы построили громадный каменный собор Воздвижения Креста, ставший великолепным памятником архитектуры. Прославили Сольвычегодск и строгановские мастера, создавшие удивительные образцы шитья золотом и жемчугом, а также особую школу иконописи. “Именитые люди” занимают почетное место в истории русского искусства и книжности не только Поморья, но и всей России.

Устюжский уезд — наиболее старинное владение московских князей и одна из самых населенных поморских земель — насчитывал по переписи 1620 года 4 стана и 53 волости. До земской реформы в Великом Устюге сидел наместник, а отдельными волостями правили волостели¹. “В лето 1557 с Покрова, — как отмечает “Архангелогородский летописец”, — учили судити по городом и по станом земские судьи”². В XVII веке уездом правил воевода. В Великом Устюге был большой торг, насчитывавший 203 лавки и амбара. Среди поморских городов он выделялся своей хлебной торговлей, но еще более важным было то обстоятельство, что это был центр торговли мехами. Торговое значение Великого Устюга подчеркивалось существованием в столице Устюжского двора, а его важная административная роль объясняет создание особого устюжского приказа, или Устюжской чети, при царе Иване Грозном³. Следует отметить, что Южное Поморье обладало, как и Северное, своим древним Михайло-Архангельским монастырем.

Вверх по реке Сухоне начинался Тотемский уезд, который делился на девятнадцать волостей и два округа. До земской реформы административный центр Тотьмы и отдельные волости были отданы в кормление волосте-

¹ ААЭ. — Т. 1. — С. 96.

² ПСРЛ. — Л., 1982. — Т. 37. — С. 103.

³ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. — С. 247—248.

лям, а уже в XVII веке Тотемским уездом управлял воевода. Тотьма представляла собой типичный посад с промысловым населением, занимающимся добычей соли и подсобными промыслами. В грамоте 1555 года мы находим любопытный расчет добычи соли на одну трубу: из доброго рассола на трубу в год сварят по 5000 пудов соли, из среднего — 4000, из худого — 3000. Духовная Феодосия Тотемского вводит нас в хозяйственный обиход тотемских соляных промышленников. Так, мы узнаем о том, что в один из монастырских дощаников было погружено 3080 пудов, а в другом соль с Тотьмы без веса. В монастырских амбарах хранилось 1500 пудов соли и 806 железных “полиц” для щренов — сковород, употреблявшихся для вываривания соли.

В самой Тотьме был построен укрепленный кремль, а на площади располагались торговые ряды¹.

С Устюжским и Тотемским уездами граничил особый округ, называвшийся (по имени реки Устья) Устьянскими волостями. Он состоял из девяти волостей: Пежемской, Чушевицкой, Чадромы, Ростовской (Заячерецкой), Соденги, Шангалы, Никольской Волюской, Введенской, Дмитриевской. В жалованной царской грамоте 1539 года мы находим сведения о том, что в устьянских волостях находилось 119 деревень, а в них 221 двор². В XVI веке эти волости были предметом раздора между Великим Устюгом и Тотьмой. В 1546 году устьянцы добились от правительства освобождения их от повинности поставлять лошадей в Тотемский ям, а в 1583 году была выдана особая грамота, подтверждающая независимость волостей от Тотьмы. При царе Федоре Иоановиче Устьянские волости были отделены от Устюжского уезда и вместе с Тотемским уездом пожалованы Дмитрию Году-

¹ Там же. — С. 246.

² Там же. — С. 249—250.

нову¹. При новой династии Устьянские волости обособились от того и другого уездов и составили особый административный округ, особый уезд без центрального города. В уставной земской грамоте эти волости назывались “присудом”². Права волостеля, которому отдавались в кормление Устьянские волости, определялись уставной грамотой, выданной великим князем Василием III, подтвержденной царем Иваном IV в 1539 году и дополненной им же в 1553 году. В 1555 году здесь было отменено управление волостеля и введено земское самоуправление. В начале XVII века в эти волости назначался не воевода, а “приказной человек” (подьячий), так как округ был относительно небольшим. В 1622 году по ходатайству Устьянских волостей назначение “приказного человека” прекратилось, а сбор податей и судебные разбирательства передавались земским выборным³.

К западу от Устьянских волостей, гранича с Вологодским, Белозерским и Каргопольским уездами, охватывая со всех сторон озеро Воже (Чаронду), простиралась Чарондская округа. Ее административным центром был посад Чаронда. При царе Федоре Иоановиче Чарондская округа входила в состав Вологодского уезда и принадлежала Д.И.Годунову. При царе Василии Шуйском эта округа была пожалована князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому.

В период “смутного времени” Чарондская округа подверглась значительному разорению, что привело к упадку ее торговых центров. В Писцовой книге 1624 года отмечается на Чаронде “на лугу место, где бывал

¹ Богословский М.М. Земское самоуправление... — Т. I. — С. 25—26.

² ААЭ. — Т. I. — № 243. — С. 264—267.

³ Богословский М.М. Земское самоуправление... — Т. I. — С. 27.

гостиный двор", на Коротецкой — 16 амбаров. Во второй половине XVI века чарондские крестьяне часто торгуют в Белозерье, Каргополе, Обонежье и, видимо, в Вологде. Таможенные дворы имелись в Белозерске, Угле, Чаронде и Коротецкой¹. В течение XVII века Чарондской округой, как и другими землями Поморья, правили воеводы.

В ведомстве Большого Дворца находился один из всех поморских уездов — Важская земля. В этом уезде было три посада: Верховажье, Вельский и Шенкурский. Верховный погост, самый крупный из них, в XVII веке имел свой гостиный двор. Города Вельск и Шенкурск состояли только из посадов, по-видимому, с малочисленным населением². Основное население — "важане" — состояло из крестьян черных, церковных и "своеземцевых" волостей³. В XVI веке Важский уезд подразделялся на два округа: Шенкурский и Вельский. Первый "тянулся" к Шенкурскому посаду и включал в себя три стана: Подвинский на Северной Двине, Ледский на реках Леди и Сюме и Ровдинский к югу от Ледского. Второй тяготел к Вельскому посаду и также состоял из трех станов: Вельского по рекам Ваге и нижней Вели, Слободского по Ваге и нижней Устье и Кокшенгского по реке Кокшенге. До введения земского самоуправления наместник, получавший уезд в кормление, жил в Шенкурском посаде, а в Вельск он посылал своего тиуна для управления округом.

Важнейшим торговым центром края был Благовещенский погост, где в первых числах марта проходила Важская Благовещенская ярмарка, собиравшая купцов и торговцев со всего Поморья и из центральных районов

¹ Васильев Ю.С. Борьба с польско-шведской интервенцией на Русском Севере... — С. 18.

² ААЭ. — Т. 1. — № 243. — С. 231—239.

³ Там же. — С. 416.

страны. В XVII веке Важская Благовещенская ярмарка приобрела всероссийское значение. В 1620 году таможи находились в Шенкурске, Великой Слободе (в устье реки Устьи), Пянде¹.

Как известно, жители Важской земли обратились в Москву о передаче местного самоуправления в руки выборных людей. Именно это ходатайство послужило в 1552 году главным толчком для проведения земской реформы царя Ивана Грозного². При царе Федоре страна Вага была пожалована Борису Годунову, позднее Важским уездом управляли воеводы.

В современной исторической литературе нет единого мнения о районировании Русского Севера в XVI—XVII столетиях.

Академик С.Ф.Платонов, давая характеристику поморских областей и городов, включал в Поморье, кроме земель Вятской и Пермской, следующие части: 1) Двину, или, точнее, Двинской уезд, 2) Карельский берег и Обонежские погосты, 3) Каргопольский край, 4) Важскую землю, 5) земли Устюга и Вычегодские, 6) северо-восточный край по рекам Пинеге, Мезени и Печоре³.

Многие историки-сибиреведы, анализируя приток населения из Русского Поморья в Сибирь, выделяют четыре основных района Поморья, беря за основу бассейны северных рек: Северное Поморье (в основном Двинской, Мезенский, Кеврольский, Пустозерский уезды), Центральное Поморье (Вологодский, Тотемский, Устюжский, Сольвычегодский, Важский уезды, Устьянские волости), Западное Поморье (Каргопольский уезд, Чарондская округа и Заонежские погосты), Восточное

¹ Аграрная история Северо-Запада России. — Л., 1971. — Т. 3. — С. 59—79.

² Богословский М.М. Земское самоуправление... — С. 28.

³ Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты... — С. 9.

Поморье (Соликамский, Пермский, Кайгородский и все уезды Вятской земли)¹. Доктор исторических наук А.А.Преображенский Соликамский и Чердынские уезды, а также образованный в XVII веке Кунгурский уезд и вотчины именитых людей Строгановых относит к Уральскому региону и рассматривает главным образом в тесной связи с Зауральем и Западной Сибирью². Историк Н.Е. Носов центром всего Поморского края в XVI веке считает Подвинье, выделяя как наиболее населенную и экономически развитую с середины этого столетия его часть земли, лежащие в низовьях Северной Двины, между Вагой и Белым морем, — собственно Двинской уезд³.

Изучая территорию расселения государственного крестьянства в конце XVIII — первой половине XIX века, академик Н.М.Дружинин выделяет Северное Поморье в составе Архангельской, Вологодской, Олонецкой губерний, а также Приуралье в составе Пермской губернии⁴. Вологодский профессор П.А.Колесников в ходе изучения социально-экономического развития Русского Севера XVI—XVIII веков определяет пять природно-экономических зон, отличавшихся разной степенью заселенности, различными условиями для развития сельскохозяйственного производства и крестьянских промыслов, порайонной специализацией сельского хозяйства. К первой зоне он относит Центральное Поморье со всеми уездами вдоль Сухоно-Двинского речного пути от Вологды до Архангельска. Общность этой зоны определяется в первую очередь речной магистралью,

¹ Александров В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. — М., 1964. — С. 296—300.

² Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. — М., 1972. — С.57—100.

³ Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. — Л., 1969. — С. 240.

⁴ Колесников П.А. Северная деревня... — С. 51—52.

которая стала не только географическим, но и экономическим ее нервом. Здесь располагались крупные промыслово-торговые центры, оказывавшие влияние на развитие аграрных отношений. Оживленное судоходство, развитое судостроение, солеваренные промыслы в Тотеме, Леденге, Соли Вычегодской и по побережью Белого моря способствовали развитию различных ремесел не только на посадах, но и в волостях. Убедительным подтверждением этому служат материалы о грузообороте по рекам Сухоне и Северной Двине, о рабочей силе, обслуживающей эти магистрали. Так, тотемская таможня с 1 сентября 1634 года по 31 августа 1635 года зарегистрировала более 500 судов, проходивших в оба конца. Из них 120 лодей, барок и дощаников, этих наиболее крупных судов, а также 46 паузков и каюков, груженных солью, хлебом, рыбой, железом и другими разнообразными товарами отечественного и иностранного привоза.¹

С учетом сотен мелких судов и специальных плотов, на которых обычно дворцовые крестьяне Важского уезда сплавляли хлеб к Архангельску, грузооборот увеличивается еще на 5-10 процентов. И это только по сохранившимся данным Тотемской и Устюжской таможен. Большое количество судов, груженных главным образом хлебом, вливалось в товарный поток к Архангельску через Ношульскую и Сольвычегодскую пристани из Вятских уездов².

О значительном привозе хлеба к Архангельску в 1725 году из уездов Центрального Поморья приводит интересные сведения историк С.М.Троицкий. По его подсчетам, из Вологодского, Тотемского, Устюжского, Сольвычегодского, Важского уездов и Устьянских волостей было доставлено к беломорской корабельной при-

¹ Там же. — С.52.

² Там же.

стани 9343,5 четвертей зерна и муки (около 75 тысяч пудов)¹.

В обслуживании речного и гужевого транспорта участвовали многие крестьяне этой зоны. На суда, плывшие вниз по течению от Вологды до Устюга, требовалось в зависимости от размеров и груза от 17 до 40 человек. Суда, идущие от Архангельска до Устюга на Вологду, вверх по течению, требовали значительно больше людей. В этих операциях сполна использовался труд бурлаков, которых в Поморье называли судовыми ярыжными. Так, например, 2 сентября 1633 года через Великий Устюг на Вологду прошел дощаник Сидора Константинова, который тянули 25 бурлаков, кроме того, в Устюге "в прибавку наняли 25 человек ярыжных", помимо того, были на дощанике "ярыжка и повар", а всего, таким образом, проход судна обеспечивало 52 человека, без речных лодманов, называвшихся на Севере носниками².

П.А. Колесников провел специальное исследование и выявил в Центральном Поморье XVI—XVIII веков три экономических района. Первый — древняя Вологда с ее обширным уездом. Именно здесь начинался Сухоно-Двинской путь к Архангельску и находился перевалочный пункт с огромным грузооборотом. Вологда была крупным торгово-ремесленным центром страны. По писцовым книгам 1627 года, город еще был обнесен каменной и деревянной стеной общей длиной в 1457 сажен, с одиннадцатью каменными башнями. В кремле находились пятнадцать церквей, воеводский и архиерейский дворы, Софийский собор, каменная палата с погребом для хранения пушечных запасов. К кремлю

¹ Троицкий С.М. Архангельский хлебный рынок в 1-й четверти XVIII в. // Труды Московского государственного историко-архивного института. — М., 1957. — Т. IX. — С. 177—192.

² Таможенные книги Московского государства XVII в. — М.:Л., 1950. — Т. 1. — С. 105.

примыкали два посада — верхний и нижний. В начале XVII столетия в Вологде, несмотря на недавнее польско-литовское разорение, насчитывался 591 посадский двор¹. В то же время здесь господствовали помещичье землевладение и система феодальной эксплуатации крестьян. М.М.Богословский, изучая земское самоуправление, пришел к выводу, что к XVII столетию здесь почти полностью исчезли черные волости и земство. И все же Вологодский уезд своими экономическими нитями был прочнее связан с Поморьем, чем с центром страны. Неслучайно другой историк, Ю.В.Готье, счел возможным отнести Вологду, хотя и с некоторыми оговорками, к северным областям, а не к Замосковью². П.А.Колесников относит Вологду с уездом к Центральному Поморью, выделяя эту территорию в особый экономический район зоны³.

От Вологодского уезда по обе стороны рек Сухоны и Северной Двины располагались обширные и густонаселенные уезды, составляющие Центральное Поморье: Тотемский, Устюжский, Сольвычегодский, Важский уезды и Устьянские волости.

Третьим районом Центрального Поморья были земли, расположенные в низовьях Северной Двины и в нижнем течении реки Онеги, которые входили в Двинской уезд. Являясь самой северной частью Сухоно-Двинской речной магистрали, этот уезд в середине XVI века был наиболее населенным и экономически развитым районом Поморья. По подсчетам профессора А.И.Копанева, здесь в это время проживало 30 тысяч человек⁴. В этом районе находилась первая столица Двинского края — Холмогоры, которые передали впо-

¹ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. — С. 243.

² Готье Ю.В. Замосковный край в XVII в. — М., 1937. — С. 85.

³ Колесников П.А. Северная деревня... — С. 55.

⁴ Исторические записки. — М., 1959. — Т. 64. — С. 243.

ледствии пальму первенства Архангельску — первому порту и крупнейшему торговому центру России.

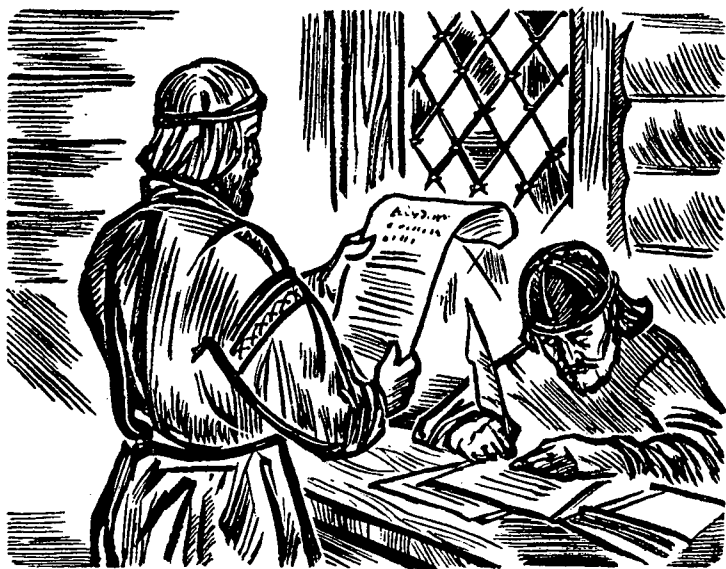
Ко второй северо-западной зоне Поморья в XVI—XVII столетиях относились Заонежские погосты, Кольский уезд, Каргопольский уезд без Турчасовского стана и территория вокруг озера Воже, носившая название Чарондской округи.

В третью зону историк П.А.Колесников включает северо-восточные уезды: Мезенский, Кеврольский, Пустозерский и Яренский, разделившиеся позднее на Яренский и Устьсысольский. Эту зону он делит на два экономических подрайона, первый из которых составляли Кеврольский и Мезенский уезды, а второй — Яренский и Устьсысольский.

Четвертой зоной Поморья была Вятская земля, населенная черносошным крестьянством. Восточно-Прикамские уезды — Соликамский, Чердынский, Кунгурский — и владения купцов Строгановых в бассейне средней Камы и Печоры также входили в этот район¹.

Надеюсь, что наше путешествие в глубь веков поможет читателю более четко представить историческую, географическую и социально-экономическую панораму Поморья XVI — начала XVIII века.

¹ Колесников П.А. Северная деревня... — С. 54—62.

ШКОЛА ПРАВА И САМОУПРАВЛЕНИЯ

ЕСТЬ лет назад, в 1993 году, в Поморском педагогическом университете был открыт долгожданный юридический факультет. С одной стороны, был сделан важный шаг в дальнейшем развитии первенца университетского образования в Архангельском крае, а с другой — создавались реальные предпосылки для преобразования учебного заведения в классический университет. Известно, что юридический факультет — неотъемлемая составляющая структуры

всех самых престижных западноевропейских и российских университетов.

Размышляя над этим неординарным событием в общественно-политической жизни Русского Севера, я пришел к выводу, что оно отнюдь не случайно. Рано или поздно это должно было произойти, и не только потому, что о классическом университете в Архангельске мечтал наш земляк — “первый университет” М.В. Ломоносов, а потому, что Русский Север был на протяжении нескольких веков своеобразным полигоном, где проходили “стажировку” русское правительство и местное самоуправление. Думаю, что факты, представленные в предлагаемой читателям главе, смогут убедить в этом самых требовательных из них.

Для начала ознакомимся с особенностями развития российского централизованного государства. Как известно, завершение процесса объединения русских земель вокруг Москвы в централизованное государство пришлось на годы правления Ивана III (1462—1505 гг.) и Василия III (1505—1533 гг.). Иван III первым принял титул “Государя всея Руси”. При нем был возведен Московский Кремль, а двуглавый орел стал гербом нашего государства. Во времена правления Ивана III было окончательно свергнуто монголо-татарское иго, был принят первый Судебник (1497 г.), стали формироваться общегосударственные органы управления страной. В 1547 году при Иване IV Грозном глава государства стал носить официальный титул царя, государя и великого князя московского, передаваемый по наследству. В середине XVI века сословно-представительными органами на местах стали земские и губные избы. Учреждение этих органов ограничивало и заменяло систему кормлений, выборные самоуправляющиеся избы принимали на себя финансово-налоговую (земские) и полицейско-судебную (губные) функции. В XV—XVII веках основными источниками общерусского права были

княжеско-царские жалованные, указные, духовные грамоты и указы. С 1497 года создаются более сложные формы законодательства — общерусские кодексы: Судебники и Соборное уложение.

Какое влияние оказало на Русский Север и его население создание единого централизованного государства? Социально-экономические особенности развития Поморья, несомненно, наложили отпечаток на общественный строй и духовную жизнь северного крестьянства. Уникальным явлением в XV—XVII веках стало народное самоуправление в крае. Истоки местного самоуправления уходят своими корнями в далекое прошлое. Русский Север стал законным правопреемником демократических порядков Великого Новгорода. Документы того времени говорят о волостных старостах, сотских, волостных сходах и волостной раскладке. Такие же волостные институты действовали и после присоединения Поморья к Москве¹.

Традиционные крестьянские сообщества: община, волость, приход — относятся к числу наиболее жизнеспособных общественных институтов в российской истории. На Русском Севере они приобрели ряд ярких региональных особенностей, давно признанных отечественной историографией. Крестьянские сообщества являлись здесь, по точной и изящной формулировке историка С.В.Юшкова, миром единым, но троичным в своих проявлениях. Действительно, веками, вплоть до XIX столетия, в среде поморского чернососно-государственного крестьянства община (как поземельное сообщество), волость (как административно-территориальное сообщество) и православный приход (как духовно-литургическое сообщество) в большинстве случаев

¹ История северного крестьянства. — Архангельск, 1984. — Т. 1. — С. 135.

совпадали, соединяясь в универсальную крестьянскую триаду — “мир”¹.

Развитие местного самоуправления на Русском Севере имело свою специфику, выделяющую наш край среди других регионов страны. В силу неразвитости помеотно-вотчинного землевладения, а следовательно, отсутствия сословия дворян, правительство при проведении реформ вынуждено было обращаться к волостному крестьянству и посадам, к выработанным уже в Поморье формам самоуправления. Каждая самоуправляющаяся община становилась определенной административной ячейкой. Так, Судебник 1497 года фиксирует как всеобщую норму участие в суде наместников дворцовых, старост и “лучших людей”². Участие в этих судебных процессах старост и “лучших людей”, представляющих черносотную волость, ограничивало произвол царских наместников и их аппарата, ставило их под контроль населения. В специальных (наместничьих) грамотах, выдававшихся представителям местного населения, тщательно регламентировались как судебные штрафы, так и всякие иные поборы, шедшие с черных волостей и посадов в пользу наместников³.

Читателя, несомненно, заинтересуют некоторые пояснения, касающиеся характера управления Русским Севером в конце XV века. Наместник, будучи представителем великокняжеской власти в городе как центре основной территориально-административной единицы страны — уезда, и волость, ведавший волостью, полусамомо-

¹ Юшков С.В. Очерки истории приходской жизни на Севере России XV—XVII вв. // Летописные занятия Археографической комиссии. — М., 1913. — С. 34; Камкин А.В. Крестьянский мир на Русском Севере (XVIII век). — Вологда, 1995. — С. 3.

² Судебники XV—XVI всков. — М.; Л., 1952. — С. 78—79.

³ ААЭ. — Т. 1. — №№ 143, 144, 150, 181, 183, 201; ДАИ. — Т. 1. — № 26; АИ. — Т. 1. — № 137.

стоятельной единицей внутри уезда, осуществляли основные функции местного аппарата власти. То есть наместники и волостели ведали гражданскими и военными делами, являясь и администраторами, и судьями. Им, как правило, вменялось рассмотрение судебных тяжб и дел, включая дела о разбое и убийстве. Нередко наместники ведали сбором судебных, таможенных, проездных и других пошлин, они также контролировали заключение важнейших сделок. Агентами наместников и волостелей являлись тиуны и доводчики. Так, в Белозерской уставной грамоте 1488 года мы читаем: "...а наместником нашим у них держати в городе и во всех станех два тиуна да десять доводчиков: во станех восемь доводчиков, а два в городе; и станы и деревни своим доводчиком поделить"¹.

Основой обеспечения наместнического аппарата служила система кормлений. Существо этой системы заключалось в следующем: великий князь посылал своих вассалов в качестве наместников по своим городам и весям, которыми они должны были управлять "наместо" князя, за что и получали от населения специальный "корм", а также собирали в свою пользу судебные и иные пошлины: "конское пятно", "явку", "полавочное", "поворотное", "пищальные деньги", пошлины с браков и другое. Таким образом, кормления были, с одной стороны, государственной службой, а сами кормленщики — органами княжеской власти, с другой — формой вознаграждения княжеских вассалов за ратную или иную службу.

Назначались на хлебную должность наместника, как правило, крупные землевладельцы — вассалы великого князя, в соответствии с существовавшей в период феодальной раздробленности военно-служилой организацией господствующего класса. "Кормлеными" были долж-

¹ ААЭ. — Т. 1. — № 123. — С. 92—94.

ности помощников наместника: волостеля, тиуна, доводчика и других. В кормление на Севере отдавали "ямское" и таможенное дело. Вся эта система бесконтрольного хозяйничанья на местах ложилась тяжелым бременем на население сел, деревень, городов и прежде всего на крестьянство и посадский люд. Наместниками на Русском Севере становились представители знатнейших княжеско-боярских фамилий. Вот только один пример. В 1534 году Иван Васильевич Шуйский наместничал на Двине, а в следующем году эту хлебную должность занимал Иван Михайлович Шуйский¹. При назначении на должности наместников правительство было вынуждено считаться с существованием местничества.

К середине XVI века в местном самоуправлении и центральном аппарате власти наблюдается дальнейшая централизация, выразившаяся в росте политического влияния дворянства и постепенном вытеснении с ведущих позиций представителей боярской аристократии. Закладывались реальные предпосылки победы дворянской аристократии. На Русском Севере эти процессы также имели свои особенности. Собственником земель в Поморье номинально был князь (царь) как глава феодального государства, но фактически владели землями черносोшные крестьяне. Основание для такого утверждения мы находим в тысячах и тысячах крестьянских поземельных актов, фиксирующих без какого-либо вмешательства со стороны государства куплю-продажу, дарение, передачу в качестве приданого, обмен и заклад. О черносошном землевладении говорит Судебник 1497 года: "А взыщет черной на черном, или наместник на помесчике, за которым земли великого князя, или черной или сельской на помесчике, или помесчик на черном

¹ Смирнов И.И. Судебник 1550 г. // Исторические записки АН СССР. — М., 1947. — Т. 24. — С. 270.

и на сельском, ино судити потому ж за три годы, и да-
ле трех годов не судити”.

Нормы ст. 63 Судебника 1497 года полностью со-
хранены Судебником 1550 года (ст. 84), следовательно,
юридическое положение черносошных крестьян, хотя
они численно и уменьшились, к тому времени оставалось
прежним. Судебник 1550 года предоставляет черносош-
ным крестьянам Поморья то же право отстаивать свои
земли в суде¹.

Судебник 1550 года сохраняет юридическое положе-
ние черносошных крестьян. Историк И.И.Смирнов при-
дает особое значение декларации царя Ивана IV на
Стоглавом соборе о введении в качестве обязательной и
всеобщей нормы участия в суде наместников старост,
имевшей в виду участие в процессах не детей боярских,
а “людей” — государевых черных крестьян. В своей ре-
чи царь отметил, что к открытию собора им были “ус-
троены” старосты, целовальники “по всем землям” его
государства и составлена уставная грамота, подписанный
экземпляр которой предполагалось хранить в царской
“казне”. Судебник же “своими статьями о судных ста-
ростах лишь санкционировал и кодифицировал новый
закон”².

Правом отстаивать свои земли, предоставленным су-
дебниками, черносошные крестьяне умело пользовались.
Об этом свидетельствуют судебные дела конца XV —
начала XVI века. Крестьяне подавали многочисленные
иски к монастырям о захвате ими волостных земель.
Например, крестьяне центральных волостей Белозерско-
го уезда и Волочка Словенского предъявили иск Кирил-

¹ Копанев А.И. Законодательство о черном крестьянском зем-
левладении XVI—XVII вв. // Из истории феодальной России. —
Л., 1978. — С. 127—128.

² Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. — М., 1960. —
С. 190.

ло-Белозерскому монастырю на 48 деревень и три пустоши, требуя их возвращения в черносошные волости¹.

Правительство обратилось к волостям и посадам Поморья при проведении следующей меры по укреплению власти на местах — при учреждении губной реформы. Не сомневаюсь, что читатель проявит интерес к происхождению необычного названия правительственной реформы. Термины “губной”, “губа” по своему происхождению связаны с Северо-Западной Русью. В XIII-XVI веках в Псковской земле “губой” называлась административно-территориальная единица, соответствующая примерно волости. Во главе псковских губ стояли специальные “губские старосты”, напоминающие по своим обязанностям волостных старост. Так, например, Псковская летопись отмечает, что в 1477 году во время поездки бывшего псковского наместника князя Ярослава Васильевича из Пскова в Москву псковские “старосты гоубьские” вместе с сотскими и иными “добрыми людьми” сопровождали его и возили “на всяк стан етод корм”².

Обострение классовой борьбы на Руси в первой половине XVI века, с одной стороны, и неспособность существующих органов местного управления в лице наместников и волостелей обеспечить защиту в этой борьбе интересов господствующего класса — с другой, со всей очевидностью поставили перед московским правительством вопрос о необходимости коренной реорганизации всей системы местного управления. Такая реорганизация за счет ограничения наместнического управления и получила свое логическое продолжение в губной реформе

¹ Копанев А.И. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. — М., 1951. — С. 194—195.

² Псковские летописи. — М.; Л., 1955. — Вып. II. — С. 208; Носов Н.Е. Очерки по истории местного самоуправления русского государства первой половины XVI века. — М.; Л., 1957. — С. 243.

конца 30-х — начала 40-х годов XVI века¹. Она возлагала полицейско-судебные обязанности по сыску и борьбе с разбоем на представителей земских миров — губных старост. По существу это была первая общегосударственная реформа местного управления, осуществленная московским правительством в интересах широких слоев уездного дворянства и направленная на укрепление аппарата управления Русского централизованного государства. Губная реформа (около 1538—1539 гг.) началась с передачи дел о душегубстве и разбое из рук наместников губным старостам. Это стало началом ликвидации наместнического управления и рождением местных органов сословного представительства². В середине 40-х годов XVI века губная реформа затронула и Двинскую землю. Видимо, в связи с ней Антониево-Сийский монастырь получил в феврале 1545 года право полного судебного иммунитета³. Губная реформа стала также своеобразной генеральной репетицией коренной перестройки местного управления, осуществленной правительством Ивана IV в 50—60-х годах XVI века, — так называемой земской реформы.

По своим целям институт губных старост — “типично дворянский орган местного самоуправления”⁴. В то же время, вводя губное управление в уездах Поморья, правительство обращалось к волостным мирам и посадам. Так, Слободская губная грамота 1540 года предлагает избирать голов не из детей боярских, а “лучших людей” из крестьян, человека по три или четыре,

¹ Носов Н.Е. Очерки по истории местного управления русского государства первой половины XVI века. — М.; Л., 1957. — С. 234.

² Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. — С. 191.

³ Каштанов С.В. К проблеме управления в России первой половины XVI в. // История СССР. — 1959. — № 6. — С. 143.

⁴ Носов Н.Е. Очерки по истории местного управления... — С. 244.

которые “грамоте умеют и которые будут пригожи”. В черносозных уездах губное управление попало в руки крестьянской верхушки¹. Тем не менее конфликты населения с наместниками приняли широкий размах в 40-х годах XVI столетия. Об этом свидетельствует суд в Москве в 1544—1545 годах между двинянами и двинским наместником И.В.Полевым.

В тех же 40-х годах в Куростровской волости дважды взимались деньги на затраты по делу об иске со стороны наместников. В результате выступлений населения Двины в 1550 году издается новая уставная грамота, которая ставит более жесткие рамки для деятельности наместников².

Земская реформа Ивана Грозного принадлежит к числу важнейших реформ XVI века. Она явилась как бы четвертым ударом по кормленной системе, нанесенным в ходе реформ середины XVI века. Вначале в ходе губной реформы были изъяты из ведения наместников дела о “ведомых лихих людях”, затем в 1549 году из компетенции наместнического суда исключены были дворяне, по судебнику 1550 года суд наместников вообще ограничен участием в нем выборных представителей местного населения (десятских и пятидесятских), и, наконец, земская реформа должна была привести к окончательной ликвидации власти наместников путем замены ее местными органами управления, выбранными из зажиточных кругов черносозного крестьянства и посадских людей³.

Земская реформа осуществлялась не одновременно, а на протяжении ряда лет, поуездно, и была непосредствен-

¹ История северного крестьянства. — Архангельск, 1984. — Т. 1. — С. 132.

² Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. — Л., 1978. — С. 216—217.

³ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. — С. 398.

но связана с Русским Севером. Первый этап проведения этой реформы нашел свое отражение в учредительных земских грамотах 1552 года Мало-Пинежским волостям и Важской земле, второй — в учредительной земской грамоте 1556 года Усецким и Заецким волостям Устюжского уезда, а также в грамоте от сентября 1556 года Холмогорскому присуду Нижней половины Двинской земли¹. Более того, как справедливо отмечает историк М.М.Богословский, ходатайство в Москву жителей Важской земли 1552 года о передаче местного управления в руки выборных людей послужило “главным толчком для проведения земской реформы царя Ивана Грозного”².

В 50-х годах начались очередные реформы на Двине; управление этим обширным краем было передано в руки “излюбленных старост”. Надо полагать, что “излюбленным головой” первого выбора, видимо, был представитель богатейшей семьи Подвинья Александр Амосов³. В 1552 году реформа распространяется и на другие волости Пинеги. Читатель, несомненно, осознает, что не так просто проводить в жизнь новое, особенно в сфере управления. В 1553—1555 годах институт наместников был снова восстановлен, но ненадолго: Иван Никитин, сын Дубенского, Большой, “съехал с Пинешкы с Малые на Ильин день 63, держал 2 года”. И только после этого реформа была завершена окончательно в Двинском, Важском, Тотемском, Устюжском и Вычегодском уездах⁴. В течение

¹ Носов Н.Е. К вопросу о проведении земской реформы в Двинской земле XVI в. // Из истории феодальной России: Статьи и очерки к 70-летию со дня рождения проф. В.В.Мавродина. — Л., 1978. — С. 61.

² Богословский М.М. Земское самоуправление... — Т. 1. — С. 28.

³ История северного крестьянства. — Архангельск, 1984. — Т. 1. — С. 133.

⁴ Носов Н.Е. К вопросу о проведении земской реформы... — С. 60—76.

октября—декабря 1555 года из этих уездов, городов и волостей съехали кормленщики, а их функции переняли земские власти. Основываясь на Мало-Пинежской грамоте от 25 февраля 1552 года, можно следующим образом охарактеризовать обязанности земских учреждений. Земские судьи должны были прежде всего собирать кормленный круг, разбирать судебные дела, следить, чтобы в волости кабаков не держали, предотвращать запустение земель, формировать канцелярию волости, выбирать земского дьяка и многое другое¹.

Имущественное и социальное положение лиц, причастных к проведению земской реформы и занявших выборные должности в двинских волостях, показывает, что во введении здесь земского самоуправления в первую очередь были заинтересованы как двинские купцы и промышленники, так и сельские богатеи и “добрые крестьяне”, руками которых были проведены эти реформы на местах и которые непосредственно возглавили земские органы. Двинские крестьяне “откупались” от феодального государства и его органов, получив за это широкую судебно-административную автономию. Крестьянская верхушка, освободившись “от корыстной опеки феодалов-кормленщиков”, получила новые возможности для развития своего хозяйства и для эксплуатации “двинской бедноты”².

Вернемся к рассказу о характере крестьянского самоуправления на Русском Севере. К сожалению, источники, позволяющие осветить этот вопрос, немногочисленны. В архиве Куростровской волости от второй половины XVI века сохранились “протоколы” только двенадцати волостных сходов. Сход как верховная власть волости производил выбор должностных лиц во-

¹ Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. — Л., 1969. — С. 327—366.

² Там же. — С. 365—366.

лостного самоуправления: сотских, пятидесятских, десятских, земского судьи. Измерение земли и оценка имущества осуществлялись специальными комиссиями, выбираемыми волостью, по инструкциям волостного схода. Через своих выборных волость осуществляла надзор за общинными угодьями, регулировала их использование. В ведении волости находилась также приходская церковь: местное население ее строило, содержало, нанимало церковный причт, обеспечивало земель. Управление хозяйством осуществлял церковный приказчик, избранный приходом и подотчетный ему. Земский судья ведал судом, полицейский аппарат сотского вел надзор за населением. Выборные земские власти собирали налоги, обеспечивали несение населением повинностей¹.

В 1548—1549 годах положение крестьянских масс резко ухудшилось в связи с повсеместным недородом, и это сразу же отразилось на населении Русского Севера. В эти годы, как отмечается в Двинской летописи, “людей с голоду мерло много”. Исследователи отмечают резкий подъем цен на рожь в Двинской земле именно в эти годы².

Хочу познакомить читателя с церковными организациями Русского Севера, их взаимоотношениями с мирскими, земскими органами. Структурная близость и взаимосвязь церкви и земства видны прежде всего в совпадении церковной общины, прихода, с земской единицей — волостью. Русская волость в XVI—XVII веках — не только самоуправляющийся хозяйственный союз, которому государство предоставляло и политические функции, но и церковная община. К примеру, в Мезенском уезде, по писцовой книге 1620-х годов, каждая из его волостей совпадает с церковным приходом. В

¹ История северного крестьянства. — Архангельск, 1984. — С. 136—137.

² Титов А.А. Летопись Двинская. — М., 1889. — С. 10.

Каргопольском уезде, по переписи 1648 года, из его тридцати одной волости только две не имели церквей и не совпадали с приходом¹.

Церковные организации на Русском Севере служили не только религиозным целям, но и мирским общественным нуждам. Местом собраний, как правило, служила церковь. Здесь, в церковной трапезной, проводились различного рода судебные заседания, происходило обнародование царских указов и распоряжений местной власти, осуществлялся сбор податей, совершались различные сделки. "Все это делало церковные стены свидетельницами мирского шума и житейской суеты, а нередко грубых столкновений и безобразных скандалов", — так писал об этих порядках профессор М.М.Богословский².

Русские цари всегда благоволили северным монастырям, выдавая им жалованные, несудимые грамоты. По этим грамотам священники освобождались от суда светских властей за все проступки, кроме разбоя и убийства. Вот одна из них — жалованная тарханная, несудимая односрочная грамота, выданная царем Иваном Грозным Соловецкому монастырю 2 февраля 1541 года: "наместники, и волостели выгозерские, и иных волостей волостели, и их тиуны игумена соловецкого, и старцов, и слуг монастырских, и крестьян не судят ни в чем, ни приставов своих не всылают к ним ни по что..."³.

Многое во взаимоотношениях церкви и "мира" было унаследовано Русским Севером от демократичного Великого Новгорода. Подобно собору св. Софии, каждая волостная церковь на Русском Севере служила архивом

¹ Богословский М.М. Земское самоуправление... — Т. 2. — С. 19.

² Там же. — Т. 1. — С. 204.

³ Акты социально-экономической истории Севера России конца XV—XVI в. Акты Соловецкого монастыря. 1479—1571 гг. — Л., 1988. — С. 54—55.

для мирских документов, и в ней под контролем церковного старосты хранилась ценнейшая "всемирская коробко с всемирскими письменами и с разрубными списками и с отписками, и с издержечными книгами". Только благодаря этой традиции удалось сохранить многие документы по истории Русского Севера.

Еще одной специфической особенностью взаимоотношений органов крестьянского самоуправления и церкви было то, что "мир" замещал священнические должности в приходах посредством выборов. Церковные акты постоянно упоминают о таких избраниях. Там, где волость совпадала с приходом, выборы священника происходили на волостных сходах, с той только разницей, что руководящая роль в этой процедуре принадлежала не земским властям, а церковным старостам. Церковный дьячок часто бывал и земским, совмещая свою церковную службу с исполнением обязанностей секретаря волостного мира. Первый Холмогорский и Важский архиепископ, преосвященный Афанасий, сделал попытку прекратить приходские выборы, "для того чтобы святая церковь не была в порабощении". Он приказал изъять у церковнослужителей избирательные списки и порядные записи¹. Однако эта попытка оказалась неудачной. Сильны были демократические традиции, которые сохранялись на Русском Севере вплоть до XVIII века.

В XVII веке в Поморье была установлена воеводская власть для решения двух главных задач: более эффективной защиты северных рубежей России от внешних врагов и в интересах фискального характера. Самоуправление "миров" после "смутного времени" приходило в упадок, а государство нуждалось в поступлении в казну крупных

¹ Афанасий архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. Церковно-исторический очерк В.Верюжского. — СПб., 1908. — С. 188.

денежных средств, централизации всех финансовых, материальных ресурсов и наборе рекрутов для армии. Власть воевод была призвана удовлетворять общегосударственные интересы в ущерб демократическим порядкам, установленным на Русском Севере в прошлые столетия¹.

Накопление законодательного материала к концу XVI века вызвало необходимость в дальнейшей кодификации. Нужно было органически объединить так называемые “дополнительные указы” с положениями Судебника 1550 года. В 1589 году на Русском Севере был составлен новый общерусский кодекс, получивший название Судебника царя Федора Иоановича. Один из первых исследователей этого документа М.Ф.Владимирский-Буданов писал, что этот Судебник — “частная работа человека малообразованного из простонародья Северной России, который по собственному почину занялся переработкою Судебника царя Грозного и указа 1556 года... И в таком виде памятник возбуждает большой исторический интерес как голос народа конца XVI века по разным вопросам государственной жизни и законодательства, но главнейшее и в высшей степени важное значение он имеет потому, что автор многое взял в свою работу из живого обычного права Северной России”². Оставим на совести дореволюционного историка слова “работа человека малообразованного”. Жители Русского Севера составляли одну из самых образованных частей населения России, а в первой половине XVI века “среди землевладельцев Европейского Севера было более 80 процентов грамотных людей”³.

¹ Богословский М.М. Земское самоуправление... — Т. 2. — С. 287.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Судебник 1589 г. Его значение и источники. — Киев, 1902. — С. 65.

³ История Академии наук СССР. — М.; Л., 1958. — Т. 1. — С. 15; Соболевский А.И. Образованность Московской Руси в XV—XVII веках. — СПб., 1894. — С. 9—12.

А от себя добавим, что не случайно наш Ломоносов “по своей и Божьей воле стал разумен и велик”. В то же время следует заметить, что М.Ф.Владимирский-Буданов одним из первых пришел к выводу о том, что Судебник 1589 года был создан на Русском Севере и в него вошло многое “из живого обычного права Северной России”.

Последующие исследователи этого “основного закона” России конца XVI века единодушно признавали его северорусское происхождение. М.М.Богословский высказался на этот счет вполне определенно, считая “бесспорно установленным, что Судебник 1589 года возник в северной крестьянской среде, в Поморье, с его не знавшим крепостного права черным крестьянством, с его земским самоуправлением, земским судом, волостной организацией”. Он также определил район написания Судебника — так называемые Устьянские волости (по верхнему течению реки Ваги и ее притокам Вели, Пезме и Устье с ее притоками)¹.

Академик А.И.Андреев, соглашаясь с выводом М.М.Богословского, в свою очередь подтверждает его новыми документами, полученными в результате тщательного исследования двух списков Судебника — Савватиева и Барсова².

Судебник 1589 года — это правовой документ, предназначенный специально для суда среди крестьян северных черносозных волостей. Он дает очень важный материал по истории экономики, социальных отношений и права в Поморье. К сожалению, этот памятник до настоящего времени изучен мало. Заинтересованного читателя можно адресовать к обширному комментарию это-

¹ Богословский М.М. К вопросу о Судебнике 1589 г. // Журнал министерства народного просвещения. — 1905, декабрь; 1915, декабрь.

² Андреев А.И. Судебник 1589 г. и его списки // Изв. Рос. Академии наук. — Л., 1924. — С. 207—224.

го юридического сборника, подготовленного профессором А.И.Копаневым¹.

Обратимся еще к одному источнику — северному законодательному сборнику середины XVII века, представляющему, видимо, список с подобного Сборника конца XVI века, составленного для нужд местного земского судопроизводства. В нем мы находим Судебник 1550 года, краткую редакцию Судебника 1589 года и разбитый на 32 статьи как бы “подсудебник” 1550 года, а также Мало-Пинежскую земскую грамоту 1552 года.

Поморский юрист предпослал Мало-Пинежской земской грамоте 1552 года особое постатейное оглавление по типу Судебника, отметив при этом, что разбивка ее на статьи (“главы”) произведена “ради скорого дела досмотру, при кое дело наскоре понадобится выборным людям и в мир досмотреть”².

Можно сделать вывод, что это не случайное объединение различных законодательных памятников, а попытка их первичной кодификации для нужд земского судопроизводства.

Волость в Московском государстве в XVI—XVII веках представляла собой не только административно-географический округ, но и общественный союз, “мир” (на языке XVII века) и земство (в последующие столетия). Волостной мир как община выступал в роли юридического лица. Волостной мир владел землей, угодьями, дворами, приобретал их по сделкам, распоряжался ими, совершал акты купли-продажи, мены, дарения. А для этих процедур были необходимы специалисты, говоря современным языком, — юристы. На Русском Се-

¹ Судебник XV—XVI веков. — М.:Л., 1952. — С. 419—562.

² Носов Н.Е. К вопросу о проведении земской реформы... — С. 75—76.

вере — в земских организациях, монастырях, церквях, таких людей было больше, чем в других землях России.

Уездный и волостной мир как юридическое лицо всегда защищал свои права, выступая на суде перед местным воеводой или в Москве в качестве истца и ответчика через своих уполномоченных (поморских “адвокатов”), и, как правило, выигрывал эти дела или заключал мировую сделку.

В XVI веке государство поручило земским мирам не только сбор налогов, но и решение вопросов правосудия. В Уставной Двинской грамоте 1556 года говорится о том, что одни и те же выборные лица занимались и сбором податей, и судебными делами. Благодаря этому документу, мы можем узнать имена первых земских судей: “А тем их выборным судьям, Степанку Окулову да Инюте Поплевину с товарищи, меж крестьян двинян, колмогорцов посадских людей и волостных, по всяких делех судити и управа меж их чинити по нашего крестному целованию и по указу, по новому судебнику”¹. В компетенцию земского суда и выборных десяти членных коллегий входили дела, связанные с душегубством (убийством), татьбой (воровством) и разбоем; им также предписывалось судить северян “во всяких делах”. Детали и подробности всех этих дел можно узнать, прочитав Уставную важскую грамоту 1552 года и Уставную двинскую грамоту 1556 года². Порядок прохождения делами различных инстанций определялся жалованной грамотой царя Ивана Грозного волости Лузской Пермщи Сольвычегодского уезда. По этой грамоте земские судейки, “судья и сыскная” те дела, решение которых вызывало затруднения, должны были посылать к докладу непосредственно в Москву.

¹ ААЭ. — СПб., 1836. — Т. 1. № 250. — С. 271.

² Там же. — № 234. — С. 231—239; № 250. — С. 271—273.

В XVII веке после введения воеводского управления всеуездная коллегия двинских излюбленных голов сохранила за собой административно-финансовую сферу деятельности, а судебная власть ее была сокращена¹.

Кроме суда, важным средством защиты мирских прав и интересов было ходатайство перед государством и его властями. Ходатайства направлялись "мирами" непосредственно в столицу с особыми мирскими посыльщиками, число которых зависело от значения челобитной. Так, делегация Важского уезда, бившая челом о земской грамоте 1552 года, состояла не менее чем из 21 посыльщика. Ходатайство Заонежских погостов в 1647 году об упразднении у них воеводского управления увезла в Москву делегация из 11 посыльщиков. На снаряжение делегации, возмещение ее личных убытков, заключение сделок, приказные издержки требовались денежные средства, которые собирались всем миром².

Для защиты своих интересов в суде столичных приказов, а также административных центров уездов и волостей поморские купцы, богатые крестьяне имели, говоря современным языком, юристов-практиков. Институт стряпчих по существу выполнял роль древнерусской адвокатуры³. Исследователь Е.Н.Бакланова отмечает, что присутствие монастырского стряпчего при уплате государственных налогов в московских приказах было постоянным и обязательным⁴.

На Русском Севере, как нигде в России, сохранилось много памятников крестьянской юридической пись-

¹ Богословский М.М. Земское самоуправление... — Т. 2. — С. 203—204.

² Там же. — Т. 2. — С. 60.

³ Вознесенский А. Трудовая деятельность стряпчих в севернорусских монастырях в XVI—XVII вв. (Из истории древнерусской адвокатуры) // Север. — Вологда, 1923. — Кн. 1. — С. 36—63.

⁴ Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. — М., 1976. — С. 109.

менности. Это разнообразные юридические акты: купчие, закладные, отдельные, духовные завещания, порядные, веревные книги, монастырские переписные документы и многое другое. Почетный доктор истории А.Я.Ефименко опубликовала фундаментальный труд "Исследования народной жизни", в котором много внимания уделила обычному, хозяйственному и семейному праву в Поморье¹. Или возьмем "Акты юридические", изданные археографической комиссией, которые содержат богатейшее собрание двинских документов по различным правовым аспектам². Большую работу по выявлению, публикации и осмыслению юридических документов Поморья провели П.А.Колесников, А.В.Камкин, М.А.Мацук, Е.М.Швейковская и другие исследователи.³ Надеюсь, что те из выпускников юридического факультета Поморского университета, кто посвятит себя исследовательской работе, внесут свой вклад в изучение северорусских памятников права.

¹ Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. — М., 1884. — Вып. 1.

² Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. — СПб., 1838.

³ Колесников П.А. Воздействие народных масс на государственное законодательство России XVII—XVIII вв. // Проблемы истории крестьянства Европейской части России (до 1917 г.). — Пермь, 1982. — С. 158—174; Камкин А.В. Правосознание и правотворчество государственных крестьян Европейского Севера (вторая половина XVIII в.) : Автореф. дис. канд. ист. наук. — Л., 1983; Мацук М.А. Элементы правосознания и правотворчества черносошных крестьян Европейского Севера России в XVI в. (на материалах Яренского уезда) // Коми крестьянство в эпоху феодализма и капитализма. — Сыктывкар, 1983. — С. 145—153; Швейковская Е.Н. Нормы обычного права в земельно-распорядительных сделках крестьян Русского Севера первой половины XVII в. (по материалам Сольвычегодского уезда) // История СССР. — 1985. — № 2. — С. 96—111; Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. — М., 1997 и другие.

Чрезвычайно важным представляется изучение и всестороннее исследование так называемого "местного права", о чем первым сказал выдающийся географ П.А.Кропоткин. В связи с этим особый интерес вызывает правовое положение ненцев на Русском Севере. Как пишет преподаватель Поморского университета М.А.Селькова, управление северными окраинами требовало «особого правового регулирования, пытавшегося сочетать государственный строй завоевателей с бытовыми особенностями завоеванных народов. Оно отражалось в таких правовых формах, как "жалованные грамоты", "высочайшие указы", "ревизские скаски"»¹. Интересна в этом отношении жалованная грамота царя Ивана Грозного, выданная ненцам европейских тундр. Предыстория этого документа заключается в попытке печорян (пустозерцев) и ижемцев (зырян) отбить у канинских и тиманских самоедов промыслы и тони. Иван Грозный выдал самоедам специальную жалованную грамоту, в которой определялись взаимоотношения царской власти с самоедами северных тундр². Этот государственный акт был важен для ненцев, поскольку в грамоте закреплялось их потомственное право на владение охотничьими и рыболовными угодьями.

Еще в начале XX века А.Жилинский издал небольшую брошюру "Самоедское право", которая намечает подходы к дальнейшему изучению этой проблемы³.

Таким образом, есть все основания утверждать, что крестьяне, купцы и посадские люди Поморья не только осваивали бескрайние просторы Севера, Сибири и

¹ Селькова М.А. Правовое положение ненцев в России до конца XIX века // История и культура ненцев европейских тундр: Историко-краеведческий сборник. — Нарьян-Мар, 1998. — С. 42.

² АГВ. — 1849. — № 7. — С. 48.

³ Жилинский А. Самоедское право. Материалы для законодательных предложений. — Архангельск, 1908.

Дальнего Востока, но умели также писать грамоты и челобитные и даже основные законы для своего "мира". Надеюсь, что разработка этой интересной и важной темы станет предметом многочисленных исследований молодых юристов, аспирантов и докторантов Поморского университета, а впоследствии — основой создания научной школы по изучению истории государства и права России, достойной памяти известного в нашей стране ученого — доктора исторических и юридических наук, профессора Н.Я. Новомберского, работавшего в Архангельском педагогическом институте имени М.В. Ломоносова, преемником которого стал Поморский университет.

ПЕРВАЯ СТОЛИЦА ПОМОРЬЯ

РЕЖДЕ чем приступить к рассказу о первой столице Поморья, познакомим читателя с различиями, существовавшими в прошлом между городами и селами. В состав средневекового города на Руси входили острог (крепость) и посад. Население города называлось посадскими людьми. Остроги обрастали посадами, где жило население, занимавшееся ремеслами, торговлей и промыслами. Сельские и городские поселения Русского Севера отличались своими особенностями, отмеченными, в частности, М.М. Богословским: "На Севере трудно было провести границу меж-

ду посадским и сельским населением, указать, где кончилось одно и началось другое. Поморский городок как бы растворялся в окружающей его однородной с ним деревенской среде... город и уезд, однородные по составу населения, представляли из себя единое целое в юридическом, административном и хозяйственном отношениях¹.

Северный посад, имеющий укрепления, не переставал быть посадом, в то же время термин "город" относился в средневековой Руси исключительно к укреплению, а не по всему посаду в целом. "Город" в понимании того времени означал лишь крепость, причем численность населения не играла при этом никакой роли. В Поморье посады не имели собственных оборонительных линий, роль крепостей играл острог, или город, поставленный на территории посада или около него. Таким образом, речь о северном городе может идти только в том случае, если посад обладает определенным уровнем торговли и ремесленного производства. Это обстоятельство совершенно точно подметил доктор исторических наук О.В.Овсянников, подчеркнув, что "характерной чертой Русского Севера является то, что процесс формирования городской культуры и экономики растянулся на этой территории на несколько столетий"².

Очень важно также установить период, когда крупнейшие северные посады перерастают в поселения городского типа, становятся торгово-ремесленными центрами. Историк А.А.Зимин считает, что уже в первой половине XVI века поморские посады — Холмогоры, Шенкурск, Вельск, Каргополь, Турчасово, Пустозерск,

¹ Богословский М.М. Земское самоуправление... — Т. I. — С. 126.

² Овсянников О.В. Холмогорский и Архангельский посады по писцовым и переписным книгам XVII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. — Вологда, 1970. — Вып. I. — С. 198.

а в конце XVII века Пинегу и Мезень “можно назвать городом в научном смысле этого слова”¹. О.В.Овсянников полагает, что подобная точка зрения очень слабо аргументирована. Вряд ли даже в конце XVII века такие посады, как Вельск, Мезень и Пинега, можно назвать городами².

Не будем углубляться в полемику по этому вопросу. Нас сейчас интересуют прежде всего Холмогоры — столица Двинской земли второй половины XVI — начала XVII века. Английский дипломат Д.Флетчер назвал в числе “главных городов России” Москву, Новгород, Ростов, Владимир, Псков, Смоленск, Ярославль, Переяславль, Нижний Новгород, Вологду, Углич, Холмогоры, Казань, Астрахань, Каргополь, Коломну³. Наблюдательный читатель обратит внимание на два обстоятельства: в числе шестнадцати самых крупных городов Московии Д.Флетчер выделяет три города Русского Севера — Вологду, Холмогоры и Каргополь. А если предположить, что англичанин перечисляет города по количеству домов и жителей, то Холмогоры стоят на двенадцатом месте.

А вот что написал соотечественник Д.Флетчера, известный английский поэт и политический деятель Д.Мильтон о первой столице Поморья: “Холмогоры на Двине — это большой город, не обнесенный стенами, с строениями, разбросанными без порядка. Англичане здесь имеют свои собственные земли, пожалованные им царем, и красивые дома”⁴.

¹ Зимин А.А. Состав русских городов XVI // Исторические записки. — 1955. — № 52. — С. 337—348.

² Овсянников О.В. Холмогорский и Архангельский посады... — С. 199.

³ Флетчер Д. О государстве русском. — СПб., 1906. — С. 3.

⁴ Московия Джона Мильтона с статьей и примечаниями Ю.В.Толстого. — М., 1875. — С. 3.

О происхождении Холмогор существует несколько версий. Патриарх российской истории Василий Никитич Татищев считает, что "когда жители (чудь) веру христианскую приняли и оную идольскую лжесвятость разорили, то могли закаменелые, ушед, на Двине в память оного новый Колмоград построить"¹.

Архангельский историк В.В.Крестинин, полагавший, что "первое христианскою верою просвещение заволочской чуди произошло в XI веке"², отмечал, что начало Холмогорам дали три деревни — Курцево, Качковка и Падрокурья³. Позднее в состав первой столицы Севера вошли еще три слободы, основанные новгородцами: Глинка, Никольская, Ивановская. Историк С.Ф.Платонов связывал Иван-погост, упоминаемый в уставной грамоте князя Святослава Ольговича (1138 г.), с посадом Ивановским⁴. В доказательство древности Холмогор сошлемся на одну из грамот XIII века — князя Ярослава Ярославовича, в которой говорится о правителях в Заволочье новгородских, а не княжеских. Двинские посадники, на имя которых посылались грамоты, жили тогда не в Холмогорах, а в Матигорах⁵. В Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге хранится древняя книга "Паремейник", написанная в 1271 году "Матигорцами за Волос", которая принадлежала матигорской церкви Бори-

¹ Татищев В.Н. История Российская. — М., 1995. — Т. IV. — С. 77.

² Крестинин В.В. Исторические начатки о двинском народе древних, средних и новейших времен. — СПб., 1784. — С. 12.

³ Крестинин В.В. Начертание истории Холмогор. — СПб., 1790. — С. 3.

⁴ Платонов С.Ф., Андреев А.И. Новгородская колонизация Севера // Очерки по истории колонизации Севера. — Пг., 1922. — С. 32.

⁵ Огородников Е.К. Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по книге Большого чертежа. — СПб., 1877. — С. 118.

са и Глеба¹. Двинские посадники ведали судом по уголовному и гражданскому праву, а также собирали дань с населения. Здесь же находился наместник новгородского владыки, который управлял волостями св. Софии и собирал дань в виде церковной десятины². В уставной Двинской грамоте (1398 г.) великого князя Василия Дмитриевича имеется одно из первых упоминаний о Холмогорах: “а езды и повозы от Орлеца до Матигор две белки, езду до Колмогор две белки, до Курострова две белки, до Чюхчелема две белки, до Утхострова две белки...”³. В Устюжском летописном своде мы также дважды встречаем упоминания Холмогор: “В лета 6909 (1401). Князя великого Василия Дмитриевича повелением... придоша на них на Кольмогорах на Анфала и на устюжан, и бишася с ними...”, и второй сюжет: “В лето 6925 (1417). Князь великий Василий Дмитриевич повеле брату... воевати Двинскую землю. И повоеваша всю землю Двинскую, а Кольмогоры и Емчю пожъгли...”⁴. В списке Двинских земель 1471 года между Матигорами и Холмогорами указывается Падрин погост⁵. Надо полагать, что это и есть деревня Падрокурье, упоминаемая В.В.Крестинным. Свое название она получила от двух рек — Падеры и Курья.

Таких объединенных названий, как Падера-Курья (Падрокурье), в Двинской Земле было немало: Быстро-Курья, Бояр-Курья, Велико-Курья и другие. В “Двинском летописце” за 1546 годом имеется короткая

¹ Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка (X—XV). — СПб., 1882. — С. 138.

² Памятная книжка Архангельской губернии. 1870. — Архангельск, 1871. — С. 4.

³ ААЭ. — Т. 1. — № 13. — С. 8.

⁴ Устюжский летописный свод (Архангельский летописец). — М., Л., 1950. — С. 71.

⁵ ААЭ. — Т. I. — № 94. — С. 73—75.

запись: “погоре посад по Падрокурьи и храм Иоанна Предтечи”¹.

Объединение посадов общим географическим названием Колмогоры (Холмогоры) мы впервые встречаем при Иоанне Иоанновиче в 1355—1359 годах. Н.М.Карамзин опубликовал двинскую грамоту, в которой прямо указывается адресат: “От великого князя Ивана, от посадника Данила, от тысяцкого Аврама, от всего Новгорода к Двинскому посаднику на Колмогоры, и к боярам к двинским...”². Надо полагать, что именно в этот промежуток времени (1355—1359 гг.) управление Двинскими землями из Матигор и Ухтострова было перенесено в Холмогоры.

Как известно, в 1478 году Двинская земля перешла под власть Москвы и с 1500 года управлялась присылаемыми из столицы двинскими наместниками, жившими в Холмогорах. В 1557 году наместническое управление было заменено выборными земскими людьми, а с 1587 года на Двине было учреждено воеводство³.

Архангельский исследователь И.Никольский в статье “О древности происхождения Холмогор” выдвигает несколько гипотез. Одна из них связана с тем, что для новгородцев район Холмогор был излюбленным местом поселения, а себя они величали посадниками, поэтому и деревни назывались посадами, сохраняя это название до XIX века включительно. Он также обратил внимание на глубокие овраги близ деревни Матигоры, через которые шла древняя дорога, и отметил, что “природа именно в этих местах была так благосклонна, устроив мосты через пропасти”⁴. Другой архангельский исследователь под псевдо-

¹ ПСРЛ. — Л., 1977. — Т. 33. — С. 167.

² Карамзин Н.М. История государства Российского. — М., 1988. — Кн. I. — Т. 4. — Гл. XI, прим. 386.

³ Кобылин А.К. Холмогоры в прошлом и настоящем. — Архангельск, 1930. — С. 4.

⁴ Никольский И. О древности происхождения Холмогор // АГВ. — 1845. — № 3. — С. 12—15.

нимом А.К. поместил в “Архангельских губернских ведомостях” заметку о Холмогорском городище, расположенном на месте самого верхнего (южного) посада Курцево. По его мнению, именно на месте древнего городища был возведен Спасо-Преображенский кафедральный собор¹. Что ж, вполне возможно. Авторитетный историк Е.К.Огородников утверждает, что это городище “надобно отнести к временам чудским”². В “смутные годы” (1614) воеводы стольник князь П.И.Пронский и М.Ф.Глебов поставили в Холмогорах острог для защиты от “лихих людей”. “Двинской летописец” особо отметил это событие, сообщив также, что “до того на Холмогорах острог не был”³. Возможно, историк Е.К.Огородников был прав, относя древнее холмогорское городище к числу чудских оборонных сооружений.

С конца XIV века Двинская земля была ареной противостояния Москвы и Великого Новгорода. В первой моей книге — “Заволочье” — более подробно освещались перипетии этой борьбы. Следует сказать, что по Холмогорам не раз прокатилась волна разрушений, пожаров и грабежей. Сошлемся только на Холмогорскую летопись, которая под 1417 годом отметила печальное событие: “Из великого князя вотчины Василия Дмитриевича ходил князь Юрьев боярин Дмитриевича Глеб Семенович с новгородцкими беглеци, с Семеном Жадовским, и с Михаилом Росохиным, и с устюжаны, и с вятчаны, ехаша в посадах на Двину, и повоева волость Борок Ивановых детей Васильевича, Емцу и Колмогоры пожгли”⁴. Надо полагать, это был один из первых пожаров в столице Двинской земли. В XVI веке пожа-

¹ АГВ. — 1897. — № 44. — С. 3.

² Огородников Е.К. Прибрежья Ледовитого и Белого морей... — С. 121.

³ ПСРЛ. — Л., 1977. — Т. 33. — С. 171.

⁴ Там же. — С. 96.

ры в деревянном городе становятся частым явлением. Та же летопись отмечала пожары в 1534 и 1549 годах¹.

Нередко в Двинской земле и Холмогорах случались “голодные годы” и эпидемии. О “морах” в 40—50-х годах XVI столетия сообщают летописи. Об эпидемиях на Двине говорит и “Двинской летописец”. Об огромных людских потерях в такие “поветрия” пишет В.В.Крестинин: “в 1549 году во время “мора” двиняне хоронили в одну могилу по 300 человек”².

Присоединение Двинской земли и ее столицы Холмогор к Московскому государству, как уже отмечалось выше, состоялось в 1478 году. Царь Иван III уничтожил новгородскую боярщину и объявил все земли здесь государственными. Теперь уже на землях царя и великого князя жило население волостное, посадское и монастырское. Волостные (черные) земли делились на сохи, обжи и выти. Соха включала в себя три обжи и 67 вытей. Налог составлял с каждой сохи 3 рубля и 9 алтын. Оброком были обложены также многочисленные промыслы.

К середине XVII века налоги, взимавшиеся с населения Двинской земли, делились на две группы: древнюю и московскую. К первой группе относились обожная дань, оброки за местные промыслы и уголья (“поральская белка”, “горностаи”, морской оброк), ко второй — ямские деньги, пищальные, вытные, за पोшойной хлеб. Прочитируем выдержку из одного архивного документа — “Записи” 1538—1539 годов: “Се яз Гаврило Михайлов сын Плешков взял есми у старосты у Алумпея и у волости Куростровской с полупята — десять сох с сохою дань великаго князя вести к Москве по книгам сполна: белошную дань и горностаи и обожную дань и ямские деньги и поральские и замор-

¹ Там же. — С. 136—137.

² Крестинин В.В. Начертание истории Холмогор. — С. 24.

ский оброк и вытные деньги и великого князя и бояром и диаком поминоков по три деньги. А пищальных денег есми у волости не взял, а бити им челом о тех денгах великому князю по грамоте по пищальной..."¹. После отмены наместников прибавился налог "за наместный корм". Еще позднее на Двине платили общегосударственные налоги: за городовое и засечное дело, за ямчужное дело, приметные деньги и еще "загубский оброк со всей Двинской Земли 6 рублей". Двинская земля составляла вместе с Устюгом и Сольвычегодском группу областей Поморья, обложение которых считалось наиболее тяжелым. Двинское земство хлопотало не раз перед правительством о том, чтобы в податном отношении стать "с иными городами в ряд ровно", не быть "перед ними в лишке"². Однако власти глухо молчали, когда дело касалось государственной казны. Огромное богатство стекалось в Холмогоры, а далее следовало в первопрестольную Москву. Только в конце XVI века со всей Двинской земли государство получало деньгами и хлебом до 8 тысяч рублей, что было огромной суммой для того времени³.

Следует сказать, что о жизни Двинской земли в XVI веке мы уже располагаем большим количеством документов. Царские грамоты XVI—XVII столетий адресуются "...на Двину воеводе нашему" или "...на Колмогоры воеводе нашему"⁴. Колмогоры на Двине упоминаются уже не просто как географическое название, а, что очень важно, как резиденция правителей

¹ Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. — М.:Л., 1950. — С. 418.

² Богословский М.М. Земское самоуправление... — Т. 2. — С. 113—115.

³ Памятная книжка Архангельской губернии. 1870. — Архангельск, 1871. — С. 7.

⁴ ААЭ. — Т. 1. — № 318. — С. 380; № 338. — С. 408; № 364. — С. 448.

Двинского края. В XVI веке Двинская земля делилась на Нижнюю и Верхнюю половины, Емецкий стан и Волоко-пинежские земли. Все они находились в подчинении у двинских наместников и их тиунов. В середине XVI века Волоко-пинежскими, Мало-пинежскими волостями и Мезенью управляли волостели.

Самой крупной и богатой была Нижняя половина Двинской земли. На ее территории были расположены почти все двинские посады — Холмогоры, Ненокса, Уна, Луда и Кулуй.

“Образование группы холмогорских посадов, — как отмечает историк О.В.Овсянников, — происходило путем слияния нескольких поселений в процессе дальнейшего развития мелкотоварного ремесла и торгового оборота, в процессе превращения Холмогор в крупнейший обменный рынок Нижнего Подвинья”¹.

Торговые люди в поморских посадах скупали соль, везли ее в Холмогоры, а затем в Вологду, а оттуда они привозили вверх по Двине хлеб. Мы располагаем документами середины XVI века о том, что из Николаевского Корельского монастыря “по хлеб” ездили через Холмогоры на Вагу². Через двинскую столицу везли товары и другие монастыри. В 1541 году Соловецкому монастырю было дано право беспошлинного привоза с Холмогор в Великий Устюг, Вологду и Тотьму шести тысяч пудов соли³. Все северные монастыри имели свои подворья, торговые склады и лавки в Холмогорах. О характере монастырской торговли говорят многие документы, в том числе и высказывания иностранных купцов. Так, английский торговый агент, проживавший в

¹ Овсянников О.В. Холмогорский и Архангельский посады... — С. 200.

² Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. — С. 134.

³ Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. — М., 1836. — Т. I. — С. 74—75.

Москве зимой 1557—1558 года и не раз бывавший по долгу службы в первой столице Севера, писал: “Здесь монахи не уступят никому из русских в торговле, они занимаются столько же, сколько и другие, покупкой и продажей, держат суда, плавающие с товарами с места на место...”¹

Среди сельскохозяйственных культур, выращиваемых крестьянами Двины, главными были рожь и ячмень. По данным Ф.И.Резникова, удельный вес ячменя (в районе Холмогор) составлял 80,9 процентов, ржи — 19,1 процент². Читатель может почерпнуть любопытные данные о ценах на хлеб из трудов отечественных историков В.О.Ключевского, Н.А.Рожкова и А.Г.Манькова. Так, в 1564—1565 годах рожь в Новгородской земле стоила 25 московских денег за четверть, а в Холмогорах — 24. В 1597 году рожь стоила соответственно 60 и 58 московских денег, и это несмотря на тысячекилометровые расстояния, отделявшие Север от центра России³.

Одним из условий успешного развития земледелия было сочетание его с животноводством. На заливных лугах произрастали богатые протеином и витаминами бобовые и злаковые травы, являющиеся качественным кормом для скота. “Двинской летописец” рассказывает: “В лето 1693 год июля в 28 день около полудня великий государь Петр Алексеевич прибыл к Холмогорам... шествовал по Двине к Архангельску. Холмогорское гражданство в почесть царю сверх хлеба-соли подвело двух великорослых быков. Почесть сия была принята

¹ Известия англичан о России XVI в. (Ченслер, Дженкинсон, Рандольф, Баус). Перевод С.М.Середонина. — СПб., 1884. — С. 24.

² Резников Ф.И. Землевладение в бассейне Северной Двины в XVII—XVIII вв. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. — М., 1960. — Сб. IV. — С. 90—91.

³ Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины. — Л., 1974. — С. 21.

милостиво, а быки отправлены в Москву по царскому повелению”¹. Это одно из первых исторических упоминаний о хорошем качестве холмогорского скота и о начале вывоза его в другие регионы России. Знаменитая корова “холмогорка” пользовалась особой популярностью. В 1713 году для вывоза к царскому двору “было куплено 15 коров и 1 пороз (бык)”, в июле этого же года было отослано в Петербург 10 коров и 2 быка, а в мае 1728 года — 40 коров-первотелок и 4 быка².

Важное место в структуре хозяйства двинского крестьянства занимали промыслы. Приведем только один характерный пример. Из раздельной 1588 года матигорца Кононова мы узнаем, что он имел деревню, 15 голов скота, в том числе 7 лошадей, 7 морских судов и комплект лодейной снасти. Суда стояли в Неноксе, Архангельске, в Унской губе, Холмогорах и на Летней стороне у Сюзмы³.

Читателю, видимо, интересно знать, как велось из Холмогор управление огромной и богатой Двинской землей. Первоначально этой московской “колонией” управляли земские сотские, которые избирались двинянами вольными голосами. Царь Иван III поручил им также ведение всех судебных и казенных дел. В 1500 году их сменил государев тиун.

Не вполне ясно сообщение “Двинского летописца” о том, что в 1500 году управителем Двинской земли был тиун боярского чина Обрезок Паздерин. Тиун — орган частновладельческого, вотчинного управления. Историк С.В.Рожественский высказывает предположение, что первый тиун был назначен для

¹ Петр Великий на Севере: Сборник статей и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере. — Архангельск, 1909. — С. 19.

² Шапошников А.Н. Холмогорский скот. — М., 1951. — С. 8.

³ Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. — Л., 1978. — С. 26—27.

управления конфискованными новгородскими боярщинами¹. С 1534 года на Двину стали назначаться царские наместники. Первым двинским наместником был князь Иван Шуйский, а последним — Семен Микулинский Апулков². В 1557 году выборные (избранные) головы всей Двинской земли избрали “излюбленную” голову Семена Алексеевича Дуда, который вместе с выборными судьями правил из Холмогор до 1587 года³. Этим событиям предшествовала уставная грамота 1556 года, которая пришла в Холмогоры. Она была пожалована “двинянам нижней половины”, посадским и волостным людям “всее Двинские Земли”. Теперь нам понятно отождествление “нижней половины” со “всей Двинской Землей”. В XIV веке Двинская земля, или, как ее еще называли, “слобода”, со столицей Холмогорами охватывала именно нижнее течение Двины. При получении уставной грамоты 1556 года Двинская земля представлена была одним лицом — “сотским и старостой” Федькой Обросимовым сыном Шуйгина, “во всех христиан место посадских и околородных всее Двинской Земли”.

Забегая вперед, сошлемся на авторитетное мнение историка М.М.Богословского, который отмечал, что и в XVII веке особенностью Двинского уезда было выдающееся положение сотских: они стояли во главе других земских властей; в их руках сосредоточивались важнейшие функции самоуправления: сбор податей, заключение мирских займов, созыв сходов. Сам термин “Двинская земля” употреблялся и в 1620-х

¹ Рождественский С.В. Двинские бояре и двинское хозяйство XIV—XVI веков // Известия Академии наук СССР. — 1929. — № 2. — С. 135.

² ПСРЛ. — Л., 1977. — Т. 33. — С. 136, 138, 168.

³ Справочная книжка Архангельской губернии. 1870. — Архангельск, 1870. — С. 9.

годах. Все это — отзвуки далекой двинской старины¹.

В начале XVII века было введено воеводское управление. В.В.Крестинин отмечает: "Надлежит ведать, что под правлением воевод вся Двинская земля была разделена на три части или трети, называемые: Емецкая, Околоподная и Низовая... Каждая треть выбирала ежегодно старосту для начальства над всеми волостными сотскими своего удела"².

А теперь продолжим экскурс в историю Двинской земли и ее столицы — Холмогор. Правительство царя Ивана Грозного всецело опиралось на богатые посады и зажиточную часть двинского крестьянства. Наглядным доказательством этого стало формирование территории опричнины. В самом начале в опричнину была взята основная часть поморских волостей: Двина (Холмогоры), Устюг, Соль Вычегодская, Каргополь, Вологда, Вага, Заонежье. Позднее к ней были отнесены Пинега, Мезень, Удорский погост на Усть-Вашке, Карошельское, Олема и другие³. Именно в эти годы Иван Грозный собирался посетить Поморье. Одна из русских летописей — летописец Ивана Слободского за 1571 год — сообщает о том, что "царь государь Иван Васильевич был тогда на Вологде и помышляше в Поморские страны, и того ради строены лодьи и другие суды многия к путному шествию"⁴. Английский дипломат и купец Джером Горсей поведал о целях планировавшегося царем путешествия на Русский Север: "с давнего времени имея

¹ Богословский М.М. Земское самоуправление... — Т. 1. — С. 231—235; 254—258.

² Крестинин В.В. Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве Двинского народа на севере. — СПб., 1785. — С. 20.

³ История северного крестьянства. — Архангельск, 1964. — С. 135.

⁴ ПСРЛ. — Л., 1982. — Т. 37. — С. 197.

мысль сделать Англию своим убежищем в случае необходимости, построил множество судов, барж и лодок у Вологды, куда свез свои самые большие богатства, чтобы, когда пробьет час, погрузиться на эти суда и спуститься вниз по Двине, направляясь в Англию, а в случае необходимости — на английских кораблях". Д. Горсей видел в Вологде около двадцати больших кораблей и барок, украшенных барельефами львов, драконов, орлов, слонов и единорогов. Иван Грозный во время беседы сообщил английскому дипломату: "скоро ты увидишь их сорок (кораблей), не хуже, чем те"¹. Записки Горсея — один из немногих источников, рассказывающих о постройке Иваном Грозным флота в Вологде.

Государевы люди — "опришннцы" — чувствовали себя на привилегированном положении и в полной мере свели свои междувластные счета с "земскими" соседями. Показателен в этом отношении так называемый "правеж" Басарги Федорова сына Леонтьева. Сохранился рассказ голландского путешественника, купца Симона ван-Салингена, много лет проводившего на Кольском полуострове по коммерческим делам и ставшего свидетелем всего там происходившего. "В 1568 году, когда началась опричнина, — пишет Салинген, — жители Холмогор, принадлежавшие к опричнине великого князя, пожаловались великому князю на то, что жители Варзуги завладели их вотчиной, отчего произошел раздор, описывать который здесь нет надобности или было бы слишком долго. Тогда из Москвы был отправлен некто по имени Басарга Федорович с несколькими дворянами и челядью оштрафовать вместе с варзужанами деревни Шую, Кемь, Кереть, Кандалакшу и Умбу за то, что они не предупредили раздора, происшедшего между жителями Холмогор и варзужинами, упомянутый Басар-

¹ Горсей Д. Записки о России XVI — начала XVII в. — М., 1990. — С. 59, 63, 72—74.

га собрал несколько тысяч рублей с вышеназванных деревень”¹. Довольно мягко сказано. Местные жители приравнивали “правеж” Басарги к самым страшным стихийным бедствиям. Описывая пути в Московию, немецкий дипломат Генрих Штаден кратко, но выразительно характеризует судьбу селения Шуя: “Шуя Корельская — бухта и незащищенный посад опустошен опричными”². Хранящиеся в архивах документы также упоминают об этой северной трагедии: “Запустели Керекской волости дворы и места дворовые пусты и тони и варницы и всякие угодья от лета 7076-го году лихова поветрья и от голоду и от Басаргина правежу и от Двинского иску”³.

В 1569—1570 годах тот же Басарга проводил “правеж” на территории Сумской волости, принадлежавшей Соловецкому монастырю, взыскивая с сумских крестьян их долги представителям двинской волостной верхушки: “По государеву наказу Басарга Федоров сын Леонтьева взял на Соловецкого монастыря крестьянех Сумские волости у старосты у Ивана у Федорова сына Щетны да у Семена Гаврилова сына Попова да у Филиппа у Степанова сына Тинды... и у всех крестьян Сумские волости исцовых исков двинян Истомы Бачюрина с товарищи и боярских пошлин и царевых великого князя прогонов 290 рублей денег, их жеребья. Да у них же взято в исцовые иски с монастырских же луков Соловецкого монастыря с варзуских с полутретьятцати луков и с полулуком и с рыбные ловли 10 рублей денег”⁴.

¹ Филиппов А.М. Русские в Лапландии в XVI веке // Литературный вестник. — М., 1915. — С. 64.

² Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. — М., 1915. — С. 64.

³ Сб. ГКЭ. — Т. II. — № 138. — С. 461, 454 — 458.

⁴ Савич А.А. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. — Пермь, 1927. — С. 60.

Как перекликаются эти события с настоящим временем!.. Пустая государственная казна наполняется за счет "грубого вышибания" налогов с самых платежеспособных слоев населения, подрывая под корень хозяйство многих тружеников.

Попробуем разобраться, кто стоял во главе "агрессии" двинян, направленной на жителей Кольского полуострова. Нет сомнения, что это были происки богатых поморов-промышленников. Среди них выделяется двинская фамилия Бачуриных, не раз выдвигавшая своих родственников в местную выборную администрацию. Историк П.А.Садиков полагает, что родоначальником Бачуриных следует считать Алексея Григорьева сына Бачюру, давшего в 1525—1526 годах деньги под заклад "деревни" на Лукине острове, а затем купившего ее за 14 рублей "московских". Этот двинской богатеи закончил свою жизнь иноком Александром в Чухчеремском монастыре. Сам представитель "исцов"-двинян Истома — Петр Васильев сын Бачурин — был владельцем больших земельных участков, а в 1576 году как торговый человек был "переведен" в Москву, как сейчас говорится, на постоянное место жительства. Но своей "малой" родины он не забывал и постоянно жертвовал крупные вклады в двинские монастыри.

Главный "герой" кольской трагедии Басарга Леонтьев, уроженец Переяславль-Залесского уезда, вышел из мелких служилых людей и был тесно связан с двинской торговой "аристократией". В 1566 году он пригласил в качестве свидетеля при свершении вклада в опричный Стефанов-Махрищской монастырь представителя богатейшей двинской фамилии Кобелева, ставшего впоследствии московским гостем¹. Надо полагать, что этим по-

¹ Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. — М.; Л., 1950. — С. 201—202.

жертвованием Басарга замаливал грехи за содеянное в Поморье зло.

В 1575—1576 годах был учрежден “государев подьем”, когда Иван Грозный поставил Симеона Бекбулатовича “великим князем всея Руси” и пошел на кратковременное возрождение опричнины. В эти годы шла подготовка к грандиозному Ливонскому походу 1577 года. 19 ноября 1575 года от имени Ивана Грозного была послана указная грамота на Двину, согласно которой царь “весь Двинской уезд — станы и волости и всякие денежные свои доходы поместил есмя к себе в удел”¹. Денежные поборы с обширного Двинского уезда служили основной доходной статьёй удельной казны.

После низложения Симеона и упразднения “удела” Ивана Московского (Ивана Грозного) “двор” не был ликвидирован, а лишь подвергся новой реорганизации. Источники последних лет царствования Ивана IV сохранили многочисленные указания на параллельное существование “двора” и “земщины”. Наши представления о “дворовых городах” уточняет грамота, составленная в специально созданном четвертном Двинском приходе в марте 1577 года. Четверть выдала Кирилло-Белозерскому монастырю тарханскую грамоту на все его вотчины “...в Каргополе и в Каргопольском уезде и в Поморье и в иных городах”². В приведенном источнике указывается, что в ведении “двора” по-прежнему остались Холмогоры, Каргополь, Поморье со всей Двинской землей. Дорожил своей “златокипящей вотчиной” российский царь.

Во второй половине 1580 года правительство Ивана Грозного приняло решение о введении чрезвычайного

¹ Шмидт С.О. Неизвестные документы XVI в. // Исторический архив. — 1961. — № 4. — С. 155.

² Садиков П.А. Указ. соч. — С. 339—340; Скрынников Р.Г. Россия после опричнины. — Л., 1975. — С. 63—64.

военного налога. Его принятие мотивировалось трудностями войны со Стефаном Баторием, крымским ханом, и с "иными пограничными... суседы"¹. Документы донесли до нас свидетельства о том, как исполнялось это решение в Двинской земле. 1 января 1582 года волостные люди взимали с Соловецкого монастыря "в государевы деньги, что приезжал государев посланник Семен Фролов четыре рубли и пять алтын и четыре деньги", а "государевы деньги... четыре тысячи рублей за поплавных казаков и сверх всяких двинских четвертных доходов годовых" собирались по Двине буквально накануне смерти Ивана Грозного². О тяжести этого чрезвычайного военного налога можно судить хотя бы по тому, что он равнялся почти всем денежным доходам, собиравшимся с Двины осенью 1575 года³.

В первой половине 90-х годов XVI века вступила в новую фазу развития и крепостническая политика Московского государства. Отражением ее служила указная грамота на Двину от 14 апреля 1592 года холмогорскому земскому судейке И. Безбородову о сыске сбежавших из Никольского Корельского монастыря "без отказа, беспошлинно" "искони вечных" крестьян Парфенка да Вешнячка. На грамоте стоит подпись дьяка А.Я.Щелканова. Двинской акт замечателен тем, что он отразил не отдельный, притом второстепенный, момент тяжбы из-за крестьян, а все основные ее фазы — от исковой челобитной до решения московских судей. Суть ее такова. Власти монастыря на Двине просили "златоглавую столицу" вернуть старые наделы двух крестьян. В челобитной сказано, что монастырские крестьяне сбежали и живут на вольной Двине. Один ушел в черные волости,

¹ Корецкий В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России. — М., 1970. — С. 94.

² Там же. — С. 95.

³ Шмидт С.О. Неизвестные документы XVI в. — С. 155.

а второй женился на дочери черносозного крестьянина и ушел к нему во двор, иначе говоря, самовольно покинул надел, оставаясь в пределах монастырской вотчины. В грамоте дается строгое предписание холмогорской администрации: "Да и впредь бы есте из Никольской вотчины крестьян в заповедные лета до нашего указу в наши черные деревни не вывозили, тем их Никольские вотчины не пустошили"¹.

В XVI веке в Двинской земле происходит имущественное расслоение крестьянства. Богатые северные земледельцы, имевшие крупные хозяйства и много земли, нуждались в рабочих, и бедные крестьяне, лишившись по тем или иным причинам земли, превращались в "свободных" батраков. Состоятельная верхушка двинского крестьянства стала оказывать заметное влияние на внутреннюю жизнь Двинской земли. В архивных документах вплоть до XVI века бояр обычно называли "мужами". Двинские документы богатых поморских крестьян называли особо почтительно — "лучшие люди". Именно эти "новые русские" владели немалыми землями, угодьями, лесными, рыбными и охотничьими промыслами, бойко торговали, а главное — захватили в свои руки продукт первой необходимости — соль. Поморские соляные варницы обеспечивали солью не только "рыбную промышленность", но почти всю Россию "до самых до окраин". Главные выборные должности сотского, земского судьи, церковного старосты, таможенного целовальника и другие "хлебные" и руководящие посты принадлежали им. Рассмотрим проблему имущественного расслоения на примере Куростровской волости, которая располагалась вблизи Холмогор и занимала часть большого острова, образованного двумя

¹ Русская историческая библиотека. — СПб., 1894. — Т. XIV. — Стб. 125—137; Скрышников Р.Г. Россия после опричнины. — С. 202.

протоками Северной Двины. Семь богатеев (4 процента от общего числа черносошных крестьян) этой волости выплачивали сбор на волостные нужды "по животам" в большем размере, чем 86 крестьян-бедняков, составлявших почти половину домохозяев волости¹. По переписной книге 1678 года, в ней насчитывался 221 крестьянский двор. В 1549 году самым богатым крестьянином Куростровской волости был уже известный читателям Василий Бачурин, который занимал высокую должность двинского сотника. В 1544 году он, по известным нам документам, в соответствии с царской грамотой и по своей должности отводил земли Антониево-Сийскому монастырю. Этот важный факт, как отмечает историк Н.Е. Носов, означает, что Василий Бачурин "с товарищи" управлял вместо наместников не только Нижней, но и Верхней половиной Двинской земли. Василий Алексеевич Бачурин был настолько богат, что в 50-х годах XVI века брал на себя даже уплату посошных сборов не только Курострова, но и других соседних волостей, например Лодьмы². Всё это, конечно, нужно рассматривать не как благотворительность, а как уплату долга. В 1584 и 1589 годах многоземельный крестьянин Семен Сметанин был сотником Куростровской волости. Важную роль в общественно-хозяйственной жизни волости играла состоятельная семья Пикишевых. Так, Нечай Пикишев в 1578 году был двинским таможенником, а его сын Мокей Пикишев в 1589 году был избран земским судьей³.

Актовый материал XVI века показывает, что имущественная дифференциация наблюдалась не только в та-

¹ Копанев А.И. Куростровская волость во второй половине XVI // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия: Сб. статей. — М., 1952. — С. 152.

² Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. — Л., 1969. — С. 248.

³ Копанев А.И. Куростровская волость... — С. 146—156.

ких крупных богатых волостях, как Куростров. Пример тому — небольшая Лодьма, волость Андриановского (Низовского) стана. Эта была земледельческая волость с довольно развитым промысловым хозяйством. Отдельные крестьяне Лодьмы владели и соляными колодцами. Самые большие богатеи — Савины, Севастьяновы, Семеновы, Лукины и Вахрамеевы — платили “всякие земские разruby” и даже “поголовные деньги” и за себя, и за своих подворников¹.

Были в Двинской земле и более крупные земледельческие, промысловые и торговые “воротилы”, которые даже конкурировали с северными монастырями: Федор и Михаил Кобелевы, Данила Бренков, Данила Строганов. До нас дошла грамота Василия III (1524 г.), выданная двинским крестьянам Наумке Кобелю сыну Савина, Давыдке Степанову, Марку Матвееву, Олешке Фомину и Савке Савину о том, что за рекой Двиной они “нашли ключи соляные на речке Юре... и у Смердьего озера”. Так было образовано промысловое предприятие Юрского соляного складничества. Наумка Кобель сын Савина был двинским родоначальником знаменитой купеческой династии Кобелевых, судьба которых напоминает судьбу самих Строгановых². Давыдку Степанова мы встречаем, по документам 1535 года, целовальником в Уйме, откуда, видимо, он и был родом. Уемская волость была расположена примерно в 20 — 25 километрах западнее реки Юры. Яков и Второй Матвеевы были в 1583 году двинскими земскими судьями на Холмогорах и в Усолье, а Федор Матвеев в 1591 году возглавлял коллегия земских “данных старост” всей

¹ Там же. — С. 251—252.

² Рождественский С.В. Двинские бояре и двинское хозяйство XIV—XVI веков // Известия Академии наук СССР. — 1929. — № 2. — С. 139.

Двины¹. На примере этой династии отчетливо прослеживается юридическая преемственность членов семьи. Однако центром деятельности многих из них со второй половины XVI века становится уже не Двинская земля, а Вологодско-Устюжский торговый район. Кобелевых и Данило Бренкова в документах уже называют вологжанами. Строгановы обосновываются в Соли Вычегодской и Тотме. Это чрезвычайно важный факт перемещения частновладельческой, торгово-промышленной и промысловой деятельности точно подметил историк С.В.Рожественский². Так были соединены Северо-Двинский, Волжский и Камский районы. Последний — “государство в государстве” Строгановых — подробно описан во второй книге трилогии “Русский Север” — “Встречь солнца”.

Читателю следует знать, что Двинская земля со своей первой столицей была по существу “кузницей кадров” для торговых и промышленных корпораций России. Во-первых, следует подчеркнуть, что первая в России торговая делегация русских купцов в Англию отправилась из Холмогор в 1556 году, среди них были “лучшие двинские люди и холмогорцы” Михаил Косицын и Феофан Макаров “с товарищами”. И это не случайно. Именно из поморских купцов и промышленников правительство царей Ивана Грозного и Федора набирало торговых людей для московской Устюжской полусотни, а наиболее богатых сразу включало в число московских “гостей”. “Двинские переведенцы московские жильцы” упоминаются в Двинской таможенной грамоте 1588 года. Они сохраняли связь со своей родиной и ездили в Холмогоры с товарами и деньгами³. Среди “московских сведенцев” мы находим представителей двинских семей

¹ Сб. ГКЭ. — Т. 1. — С. 79, 324.

² Рожественский С.В. Указ. соч. — С. 147.

³ ААЭ. — Т. 1. — № 338. — С. 411.

Кобелевых, Кологриевых, Юрьевых, Бачуриных, Поповых, устюжан Босых, Грудциных, Губиных и многих других. Правда, не всем поморским купцам столичная жизнь пошла впрок, многие из них разорились, о чем рассказывается в моей книге "Встречь солнца".

Двинские и холмогорские купцы, оставшиеся "на местах", в XVII—XVIII веках ведут активную внутреннюю и внешнюю торговлю, становятся владельцами заводов в Архангельске, Холмогорах, на Урале и даже в Москве и Петербурге. Крупнейшими архангельскими промышленниками и купцами становятся Поповы, Дудины, Басины, Савины, Шуйчины, Звягины. Купцы Баженовы, Амосовы и Барбины были одновременно и судозаводчиками.

Подвинье и его столица Холмогоры были центром Поморья в силу своего выгодного географического положения. Это была единственная область России XVI века, имеющая выход в мировой океан. В то же время Северная Двина с ее притоками Вагой, Пинегой, Вычегдой и Сухоной связывала Подвинье с Замосковским краем и обеспечивала ему выдающуюся роль в экономическом развитии страны. Окрестности Холмогор изобиловали птицей и пушным зверем. В самом городе было налажено производство речных и морских судов, смолы, тканей, металлических изделий и многого другого. Широкий размах получили морские зверобойные и рыбные промыслы: "В море выходило около 7500 поморских судов, с командами, насчитывающими до 30 тысяч человек"¹. Холмогоры были также своеобразным перевалочным центром для трех крупнейших областей: поволжского земледельческого района, северной и сибирской

¹ Носов Н.Е. Русский город и русское купечество в XVI столетии // Исследования по социально-политической истории России. — Л., 1971. — С. 175.

промысловых окраин, важнейшей сырьевой базой русской внутренней и внешней торговли.

К XVI веку в Поморье сложился обширный торговый рынок. Его центром являлись Холмогоры, с которыми было связано население по нижнему течению реки Северной Двины, приблизительно от села Ракула к северу и к побережью "Студеного" моря, главным образом на запад и северо-запад от устья Двины. К Холмогорам "тянулись" Карельское побережье и Занежье, Каргопольский край, Важская земля, земли Великого Устюга и Вычегодские и обжитые территории по Пинеге, Мезени и Печоре. Важнейшим товаром становится хлеб. Во второй половине XVI века Никольский Корельский монастырь закупил в Холмогорах 4330 четвертей зерна. Спасо-Прилуцкий монастырь систематически покупал хлеб в Вологде и перепродавал его в Холмогорах¹. На Двине проводили обширные товарные операции с хлебом и другие северные монастыри.

Открытие беломорского пути в Европу сделало Холмогоры, по мнению историка Н.И. Костомарова, "главным приморским торговым городом. Здесь было первое складочное место привозных товаров"². В Холмогорах ежегодно проходила многолюдная и многотоварная ярмарка, на которую доставляли олени шкуры, пушнину, "рыбий зуб", ворвань, соль из Лампожни и других поморских сел.

Торговля в Холмогорах была преимущественно оптовая и меновая. Даже металлические деньги принимались как товар. К примеру, если русский купец продавал свой товар английскому торговцу и получал за него звонкую

¹ Очерки истории СССР. Период феодализма... — С. 258, 460.

² Костомаров Н.И. Очерк торговли Московского государства в XVI—XVII столетиях. — СПб., 1862. — С. 63—64.

монету, то он ее взвешивал и принимал в соответствии с весом русских денег. В XVI веке русская монета имела значение товара, стоимость которого определялась весом и достоинством.

“Торговый берег” располагался на Глинках, где стояли склады и амбары для товаров. О размерах и количестве складских сооружений можно судить по тому, сколько товаров в них хранилось. Писцовые книги 20-х годов XVII века сообщают о нахождении на складах Холмогор ежегодно до 10 тысяч пудов соли, принадлежавшей Антониеву Сийскому монастырю¹. О товарах, которыми торговали в Холмогорах, мы узнаем из грамоты 1588 года двинским целовальникам. Чего здесь только не было: мед, воск, икра, масло, сало, медь, олово, свинец, различная мягкая рухлядь, бархат, атлас, шелк, сукна, платье, бумага, ладан, фимиам, перец и прочее, прочее, прочее². Иногородние купцы обязаны были останавливаться на холмогорском гостинном дворе и торговать там же. Из этой же грамоты мы узнаем, что в Холмогорах торговали английские, голландские (“брабантские”) и испанские немцы. Сохранились многочисленные документы о торговле в Холмогорах, которые опубликованы в специальном сборнике.³

В свою очередь первая столица Севера стала крупным торговым городом. Читатель, надеюсь, проявит интерес к постановке таможенного дела на Севере России. Писатель и этнограф XVIII века М.Д.Чулков отмечал, что еще со времени монголо-татарского нашествия таможи и таможенные служители находились в

¹ Богословский М.М. Земское самоуправление... — Т. 1. — С. 70.

² ААЭ. — Т. 1. — № 338. — С. 408—411.

³ Сборник грамот коллегии экономии. — СПб., 1922. — Т. 1.

Кевроле, на Мезени и в Варзуге. В Варзуге была одна из самых древних русских таможен¹.

К началу XVII века в России сложились два основных способа организации таможенных сборов. Во-первых, члены купеческих корпораций, посадские люди, иногда уездные крестьяне служили на таможне по выбору и в соответствии с очередью. Эта служба была безвозмездной и являлась одной из повинностей, отбываемых тяглым населением в пользу государства. При вступлении в должность избранные лица приносили присягу, или, как тогда говорили, "приводились к вере". Кроме того, таможенные сборы сдавались на откуп. Двинская таможенная грамота 1588 года упоминала о "двинских переведенцах — московских жильцах", которые по старой памяти, с товарами и деньгами, проезжали мимо Холмогор, а таможенных пошлин платить не хотели². Возможно, "царский ураган" 1478 года коснулся не только новгородских бояр на Двине, но и купцов, которые были выдворены за пределы Севера. На Нижней Двине было несколько торговых мест. Первая столица Севера служила не только центром складывающегося областного рынка, но и в некоторой мере рынком для отдаленных земель Поморья. Именно здесь шла оживленная торговля хлебом, мехами, солью, рыбой³.

О положении торговых дел на Двине в первой половине XVI века весьма ценные сведения сообщает первая уставная грамота царя Ивана Грозного Двинской земле. Двиняне, холмогорцы, уняне и ненюкшане и все

¹ Историческое описание Русской коммерции при всех портах и границах от древнейших времен до ныне настоящего и всех, преимущественных указонений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великой, сочиненное Михаилом Чулковым. — СПб., 1781. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 100.

² ААЭ. — Т. 1. — № 338. — С. 411.

³ Очерки истории СССР. Период феодализма... — С. 80.

люди Двинской земли нижней половины били царю челом, что "де к ним наперед того из старины, приезжая, торговали на Холмогорах вологжане и устюжане и из иных городов верхних торговые люди, а ниже Холмогор в Уну, Неноксу и в иные места торговать не ездили и соль мерили в "земский пуз" в Холмогорский и пошлину с того платили государевым холмогорским таможенникам по таможенной грамоте". И царь запретил приезжим торговым людям из верхних городов торговать ниже Холмогор под угрозой конфискации товаров и ареста самих торговцев. Сохранен был и старый порядок взимания таможенных пошлин на Холмогорах¹.

Из двинской таможенной грамоты 1588 года, дающей широкую картину оживленного торгового движения на нижней Двине, мы узнаем, что мимо Холмогор в море, к корабельной пристани, с Вологды и обратно от моря на Вологду ходили суда Федора Кобелева, владевшего в Двинском уезде, в Ненокской, Умской и Кулойской волостях промыслами и угодьями, цренами и варницами, где "крутилась" на посадки и дощаники соль "своеварка" и отправлялась к Вологде. Сюда же "на Двину и на волок на Пинежский и на Кулойское устье", тоже к своим промыслам и далее на Печору посылали свои суда с хлебом и с товаром Данила Строганов и Данила Бреников вологжанин. Ссылаясь на владение промыслами и угодьями в самой Двинской земле, эти богатые купцы считали себя вправе платить льготную двинскую пошлину в Холмогорах, установленную для "тутошних жильцов", а не "иногогородную"².

В "смутное время" в городах и городках Поморья таможенные сборы собирались "на вере": на Двине (Холмогорах), в Мезени, Каргополе, Перми Великой, Вят-

¹ Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. — М., 1909. — С. 45—49.

² Рождественский С.В. Указ. соч. — С. 142.

ке, Соли Камской. Таможни, где пошлины собирались "на вере", в XVII веке имели уже определенную внутреннюю структуру, которая практически не менялась на протяжении десятилетий. Руководил работой таможни голова. Иногда, особенно на крупных таможнях, голов было двое. Один из них считался "товарищем" и, видимо, был заместителем главного таможенника. Так, в 1621 году в Холмогоры и Архангельск к таможенным сборам были направлены гость И.Сверчков и гостиной сотни Б.Щепоткин. Оба они считались головами, но руководил таможней И.Сверчков. К концу века число "товарищей" таможенных голов увеличилось. Увеличение числа таможенников диктовалось ростом торговых оборотов и расширением ассортимента товаров, особенно с включением в состав России Сибири. В 1649 году было объявлено царское решение весь "рыбный зуб" (моржовую кость) везти в таможню, где должна была проводиться ее сортировка и оценка. На всех торгах эта ценная кость отбиралась в казну. Один фунт "рыбьего зуба" стоил 1 рубль. Велик был спрос на пушнину. Так, в Перми соболь покупался по 10 рублей за сорок, а в Холмогорах продавалась эта же партия уже за 25 рублей. Предметом вывоза за границу с XVI века служили также белки, тысяча шкурок которых стоила 40 ефимков. В начале XVII века тысяча белок уже продавалась в Холмогорах за 23—30 рублей¹. В 1690 году в Холмогоры был направлен гость А.Филатьев, а вместе с ним три "товарища", один из которых служил вместе с главным таможенником, другой отправился в Вологду для контроля за отпуском товаров на Двину, третий — в Архангельск к корабельной пристани. В подчинении у таможенных голов находилась самая многочисленная категория служителей — целовальники. Только в Холмо-

¹ Костомаров Н.И. Очерки торговли Московского государства... — С. 255—265.

горах работало на таможене более двадцати ценовальников¹.

Из холмогорских таможенников следует особо отметить династию Поповых, в XVI веке значившихся низовскими крестьянами-богатеями, потом холмогорцами — “глинчанами”, державшими в 1588 году вместе со своими “товарищами” на откупе всю холмогорскую таможенную². Отметим, что потомки “холмогорских” Поповых в XVIII веке стали крупнейшими архангелогородскими купцами, одними из первых в России судозаводчиками, а с начала XIX столетия — сахарозаводчиками. Наиболее известный представитель этой купеческой семьи — А.И. Попов, основавший в 1790 году первый в Архангельске торговый дом (“Алексей Попов с сыном”), ведший обширную заграничную торговлю на собственных судах и даже строивший на своей верфи купеческие суда по заказу голландцев³.

Лицам, возглавляющим таможенную в Холмогорах, нередко поручались иные дела, связанные с финансовым управлением края. Типичным было объединение в одних руках таможенных и питейных сборов. В этом случае таможенная и кабацкая управлялись одним головой, который именовался “головой у таможенной пошлины и питейной прибыли”.

С XVI века Холмогоры становятся важным центром дипломатических сношений с Западной Европой. Читателю, видимо, будет интересно ознакомиться с постановкой дипломатического дела в России. С ростом государства правительственные задачи стали расширяться.

¹ Захаров В.Н. Таможенное управление в России в XVI в. // Государственные учреждения России XVI—XVIII вв. — М., 1991. — С. 49—53.

² ААЭ. — Т. 1. — № 338. — С. 408—411.

³ Огородников С.Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. — СПб., 1890. — С. 259, 267, 269—271.

В новых учреждениях — приказах — наряду с потомками боярских родов появляются дьяки, с которыми связано возникновение отечественной бюрократии. В 1549 году был образован Посольский приказ — специальное учреждение, ведавшее внешними делами. Первым известным нам “министром иностранных дел” был думный дьяк И.М.Висковатый, которого сменил дьяк Андрей Васильев. Из возглавлявших Посольский приказ заметный след оставили думные дьяки братья А.Я. и В.Я.Щелкановы, Алмаз Иванов, А.Л.Ордин-Нащокин, А.С.Матвеев, В.В.Голицын и Е.И.Украинцев. Это о них писал подьячий Посольского приказа Г.К.Котошихин: “Хотя породу бывает меньше, но по приказу и делам выше всех”¹.

Помощниками думных дьяков были подьячие, которые вели делопроизводство и переписку. Устными переводами занимались толмачи, письменное делопроизводство на иностранных языках поручалось переводчикам. В конце XVII века насчитывалось около 15 переводчиков и 40—50 толмачей, которые знали латинский, польский, татарский, немецкий, шведский, голландский, греческий, персидский, арабский, турецкий, английский, грузинский и другие языки. Посольский приказ заведывал почтой, делами донских казаков, судом и сбором таможенных и кабацких доходов, назначением воевод и приказных людей.

К началу XVI века в России начал складываться дипломатический этикет. Особое место в деятельности Посольского приказа занимали прием и организация посольств за рубеж. В городах по пути следования члены посольства обеспечивались продовольствием (“кормом”). Росписи определяли его количество в зависимости от ранга того или иного посольства. В начале XVII

¹ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. — М., 1906. — С. 23.

века на отрезок пути от Ярославля до Вологды послу полагалось “по 15 ведер вина горячего, 7 пудов меду, 2 части муки пшеничные добрые, 4 осетры, 4 пруты белужьи, 2 спины осетры”; его помощнику дьяку — “по 10 ведер вина, четверть муки пшеничные, 2 осетра, 2 прута белужья, 2 спины осетры, 4 пуды меду”; подьячему — лишь “по 2 ведра вина, 2 части муки”¹. Очередная роспись посольству определялась от Вологды до Холмогор за счет “принимающей стороны”. Любили и имели возможность хорошо “покормиться” в дальней дороге дипломаты.

В Холмогорах, как и положено, для важных дипломатических особ были построены особые дома — “светлицы”, предусматривались всевозможные развлечения: прогулки по реке и окрестностям, посещения церквей и многое другое. Хлебосольные северяне старались скрасить их дни пребывания в первой северной столице. Сохранились воспоминания английского посла о восьми днях, проведенных в Холмогорах. Прежде всего его поздравили с удачным морским путешествием и подарили “безчисленное множество подарков, которые все состояли только из кушаньев и напитков. Кто присылал белый хлеб, кто ржаной, кто хлеб с маслом, оладьи, говядину, баранину, свинину, яйца, рыбу, гусей, уток, куриц и всякого рода провизию, рыбную и мясную, в лучшем виде”².

Как уже отмечалось, Холмогоры в XVI—XVII веках были крупным центром внутренней и международной торговли. Об этом красноречиво говорят документы — писцовые и переписные книги. В 1613 году город обнесли деревянной стеной, на которой установили 19 пи-

¹ Рогожин Н.М. Око всей великой России // Око всей великой России. Об истории русской дипломатической службы XVI—XVII веков. — М., 1989. — С. 15—38.

² Известия англичан о России XVI в.... — С. 13.

щелей¹. Позднее в Холмогорах был расквартирован полк стрельцов. В первой четверти XVII века торговые ряды первой северной столицы насчитывали 316 лавок, 43 лавочных места, 72 амбара, 20 чуланов и один простенок. Большинство лавок принадлежало холмогорским купцам и крестьянам (219), в 14 лавках торговали крестьяне Загорского стана, в 6 — вологжане, в 3 — матигорцы, в 2 — английские купцы, в 2 — московский гость Данила Афанасьев сын Юдин. 79 лавок являлись собственностью северных монастырей и церквей². Архангельский историограф В.В.Крестинин отмечает семейную ветвь упоминаемых уже Савиных, владельцев торговых лавок, которые так разбогатели, что в XVII веке значились уже "первыми купцами города Холмогор"³.

В середине XVI века население Двинской земли составляло около 30 тысяч человек⁴.

Документы сохранили нам и данные о численности населения Холмогорского посада. В 1622—1624 годах здесь проживало 720 человек, в 1646—1648 годах — 1203 человека, а в 1678 году — уже 2182 человека⁵. Это действительно по тем временам был самый крупный город Поморья.

Еще раз обратимся к важному документу — двинской таможенной грамоте 1588 года. Она дает представ-

¹ Огородников С.Ф. Очерк истории города Архангельска // Морской сборник. — 1889. — Т. CCVXXIII. — № 9. — С. 44.

² Овсянников О.В. Холмогорский и Архангельский посады... — С. 203.

³ Крестинин В.В. Начертание истории города Холмогор. — СПб., 1790. — С. 41.

⁴ Копанев А.И. Население Русского государства в XVI в. // Исторические записки. — 1959. — Т. 64. — С. 243—244.

⁵ Овсянников О.В. Холмогорский и Архангельский посады... — С. 201.

ление о размерах и характере “великой” двинской торговли, как “тутошней” (местной), так и между Холмогорами и иными “многими московскими и поморскими городами” и заморскими “немцами” (англичанами и голландцами). Среди наиболее ходовых товаров, идущих по Двине через Холмогоры, грамота называет рыбу, сало, икру, всевозможные меха, соль, мед, воск, масло, мясо, хлеб, крупы, коноплю, хмель, среди ремесленных изделий особо выделяются ткани, готовое платье, бумага, ладан. Упоминаются также медь, олово, свинец и иной “всякой весчей товар”. Объем торговли, судя по таможенной грамоте, был огромный¹. Велик был ассортимент товаров, вывозимых из Холмогор непосредственно за границу. По торговым книгам и свидетельствам, например, голландских купцов 1560—1570-х годов, это были северные и сибирские меха, говяжье сало и мясо, масло коровье, смола, вар, нефть, пшеница, морская рыба, икра и многое другое². Большим спросом, особенно у англичан, пользовались русская пенька и смола. Английский парусный флот испытывал острейшую потребность в прочных канатах, изготавливаемых из пеньки, а смола предохраняла судовой такелаж от гниения, а также обеспечивала водонепроницаемость судов. Северная важская смола считалась одной из лучших в мире. Русские канаты также высоко ценились на европейском рынке. Царь Иван Грозный говорил посланнику английской королевы Елизаветы I в январе 1576 года вполне определенно: “Мы хорошо понимаем, сколь полезны для Англии товары наших стран; в особенности же дозволение нами, чтобы англичане строили дома для делания канатов (что воспрещено всем другим народам), — не толь-

¹ ААЭ. — Т. 1. — № 338. — С. 408—411.

² Огородников С.Ф. Очерки истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. — СПб., 1890. — С. 28—29.

ко прибыльно для купцов, но и весьма выгодно для всего английского государства”¹.

До начала торговых сношений Англия закупала канаты в Германии, и они стоили очень дорого. В 1555 году предприимчивый английский купец Ричард Грей, приехавший на Север России, определил, что русская пенька более пригодна для канатного производства и ее изготовление на месте сулит большие выгоды. Скупку русской пеньки (конопли) англичане первоначально производили в Вологде, а затем на речных судах по Северной Двине доставляли ее в северную столицу. В Холмогорах купец Ричард Грей создал специальную канатную мануфактуру, которая получила русское название “канатный двор”. Это была первая фабрика в России. На Двинской земле холмогорские плотники выстроили необычный для северной архитектуры английский дом — канатный цех, рядом расположились складские помещения — амбары, жилые дома английских купцов и предпринимателей. Это была первая и самая многочисленная “немецкая” слобода в России. Из Англии было доставлено специальное оборудование и первые семь мастеров канатного дела. Документы донесли до нас имя главного английского специалиста Роберта Бонтинга². Из приложения к письмам Артура Эдуардса мы узнаем, что на выработке канатов было занято свыше ста человек. “Русские прядут и чешут ее, а англичане плетут и укладывают канат. Один здешний канат стоит двух данцигских, потому что данцигцы пускают в дело старые канаты и гнилой материал, вследствие чего в непогоду канаты их оказываются недостаточно прочными”, — сообщает А. Эдуардс секретарю Московской компа-

¹ Шмигельский Л.Г. Переключка времен // Северодвинск. Испытание на прочность. — Северодвинск, 1988. — С. 45.

² Гаммель И.Х. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. — СПб., 1865. — Ч. 1. — С. 64; Волкова Е. Первая фабрика на Руси: Исторический рассказ. — М., 1915.

ний¹. В 1558 году на холмогорской фабрике было изготовлено 70 тысяч пудов добротных русских канатов и веревок².

Англия вывозила с Русского Севера важное для нее сырье: лес, смолу, канаты. Историк И.И.Любименко очень точно подметила, что в эпоху борьбы с “Непобедимой Армадой” испанцев английский флот получал свое оснащение из России³.

В 1682 году в Поморье была образована епископия. Первопрестольным главой поморской церкви стал Афанасий, которого при посвящении в архиерейский сан стали именовать архиепископом Холмогорским и Важским. Резиденция епископов находилась в Холмогорах, что еще раз подчеркивает столичное значение этого поморского города. 11 марта 1691 года по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича велено “Колмогорский деревянный город осмотра, буде ветох, строить против прежняго”. Царскому указу предшествовал “досмотр”, который провел земский староста Иван Бусинов с “товарищи”. Благодаря этому мы узнаем, что “Колмогорский город весь ветох, башни и стены многия сгнили”, а от “Архангельских проезжих ворот до Глухой башни городовую стену бурею поломило, а мерою де вокруг того города и с башнями восемь сот двадцать две сажени”. Ремонтно-строительные работы проводились всем “миром”. Были собраны деньги с местного населения, а на работу были призваны лучшие плотники. Архиепископ Афанасий послал во все монастыри грамоту “о вы-

¹ Готье Ю.В. Английские путешественники в Московском государстве... — С. 237—238.

² Костомаров Н. Очерки торговли Московского государства в XVI—XVII столетиях. — СПб., 1862. — С. 223.

³ Любименко И.И. Московский рынок как арена борьбы Голландии с Англией // Русское прошлое. Исторические сборники. — Пг., 1923. — № 5. — С. 3.

боре с монастырских вотчин, окладчиков для составления сметы, строению нового деревянного города в Колмогорах"¹.

Холмогоры были не только политической, экономической, но и культурной столицей Поморья. Именно этот район Нижнего Подвинья сыграл выдающуюся роль в формировании культуры Русского Севера, в выработке и сохранении художественных традиций. Большой научный интерес представляет градостроительная история Холмогор. В XVII веке город вытянулся на пять верст по течению Северной Двины и состоял из пяти посадов — Курцевского, Глинского, Ивановского верхней половины, Никольского нижней половины и Западнокурского. Соборный комплекс находился на Городке — холме. Каменные здания кафедрального Преображенского собора (1685—1691 гг.) и архиерейского двора были выстроены архиепископом Афанасием. Холмогорская крепость имела одиннадцать шатровых башен, пять из них стояли вдоль реки. В середине этого величественного ансамбля находилась Алексеевская башня с надвратной церковью высотой около 42 метров. На Курцеве располагался духовно-религиозный центр, на территории крепости — военно-административный, а на Глинском посаде — торговый².

Холмогоры были крупнейшим центром ремесленно-художественной деятельности в Поморье. В 1622—1624 годах только на холмогорских посадах находилось 63 кузницы. В первой четверти XVII века происходит концентрация кузнечного производства в руках нескольких владельцев. Так, Антон и Иван Поликарповы владели тремя кузницами, Панфила Поликарпов имел две

¹ АИ. — СПб., 1836. — Т. 4. — С. 451—452.

² Мильчик М.И. Градостроительная биография Холмогор XVII—XVIII вв. // Холмогоры — центр художественной культуры Русского Севера. — Архангельск, 1987. — С. 9—11.

кузницы. Династия матигорцев Поликарповых (Онтошка, Ивашка, Панфила, Титок, вдова Ульяна) владела семью кузницами в различных холмогорских посадах¹. Доктор исторических наук О.В.Овсянников в своей книге "Средневековые города Архангельского Севера" подробно и обстоятельно рассказывает о холмогорских кузнецах — "сабельнике Дмитрие Есинове сыне", "ножевом мастере Иване Истомино сыне", "кузнечной династии Кокориных", "ремесленном шкатульнике Гришке Михайлове сыне Хлубутове" и многих других². Большой известностью в России пользовались холмогорские сундуки, обитые красной юфтью или тюленьей кожей. В них привозили в Москву товары, а затем продавали для домашнего обихода³.

На всю Россию славилась продукция холмогорских костерезов. В северную столицу посылались царские заказы на изготовление костяных гребней и гребенок, а лучших мастеров призывали на работу в Москву. Особенно славились придворные гребенные мастера из Холмогор братья Семен да Евдоким Шешенины⁴. В первой половине XVII века из Холмогор вывозились крупные партии костяных изделий. В таможенных книгах по Великому Устюгу можно прочесть о холмогорце Андрее Важенине, который "явил" в Устюге "гребенья слонового 3 фунта", его земляк Иван Гаврилов отпустил к Вятке "400 гребенья слонового и говяжьего мелкого". Костерез-

¹ Овсянников О.В. Холмогорский и Архангельский посады... — С. 206.

² Овсянников О.В. Средневековые города Архангельского Севера. Люди. События. Даты. — Архангельск, 1992. — С. 89—95.

³ Костомаров Н.И. Очерки торговли Московского государства... — С. 232.

⁴ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XV и XVII столетиях. Кн. Первая. Государев двор и дворец. — М., 1990. — С. 235.

ные изделия холмогорцев, продававшиеся на рынках Великого Устюга, Вятки, сибирских городов, свидетельствуют о том, что холмогорские резчики обслуживали не только местного потребителя, но и довольно широкий все-российский рынок¹.

Холмогоры были крупным центром летописания в Поморье. Двинское летописание сохранилось в шестнадцати списках конца XVI — первой четверти XIX века, из них два списка содержат Холмогорскую летопись. Эта летопись является ценным памятником как истории Русского государства, так и истории русского летописания².

В XVI—XVII веках в Холмогорах и других населенных пунктах Поморья жило много профессиональных писцов, образованных или просто грамотных людей. Список только профессиональных писцов, по данным архивов, содержит свыше пятисот имен. Как справедливо отмечает патриот Севера, доктор филологических наук В.Я.Дерягин, “подготовка списка холмогорских, и шире — двинских грамотеев XV—XVII веков — одна из важнейших задач историков книжно-письменной культуры Русского Севера”³.

С конца XVII века главенствующая роль в административной, торгово-ремесленной и культурной областях перешла к Архангельску. Первая столица Поморья сыграла выдающуюся роль в становлении Архангельского города, формировании этого торгово-ремесленного и культурного центра Русского Севера.

¹ Овсянников О.В. Средневековые города Архангельского Севера... — С. 112.

² Сербина К.Н. Развитие русского летописания в Поморье XVI—XVIII вв. // История и культура Архангельского Севера (досоветский период). Межвуз. сб. научн. трудов. — Вологда, 1986. — С. 64.

³ Дерягин В.Я. Книжно-письменная культура Русского Севера // Архангельскому Евангелию 1092 года 900 лет. Материалы науч. конф. — М., 1995. — С. 71—77.

ГАВАНЬ СВЯТОГО НИКОЛАЯ

ДНОГИЕ отечественные и зарубежные историки связывают славянскую колонизацию Русского Севера с началом XII века. На волне народного заселения северных земель в лесной глуши создавались кельи, пустыни и монастыри. Как правило, это были небольшие обители “особножительного” типа, в которых каждый инок сам добывал себе на пропитание, а братия в любое время могла разойтись на поиски нового места для “безмолвного жития”. Со второй половины XIV века положение резко меняется. В Беломорье создаются крупные монастыри, находившиеся под

патронажем новгородского архиепископа. Текст благословенной грамоты новгородского архиепископа Иоанна архангельскому игумену Луке дает основание считать, что Михайловский Архангельский монастырь был создан как головной монастырь Двинской земли в период новгородского правления. Современные исследователи истории Русского Севера пришли к выводу, что создание этой православной обители следует отнести к XIV веку. В 1429 году в Поморье возник Соловецкий монастырь, в первой половине XVI века — Печенгский (1520), Кандалакшский (1526), Пертоминский (1546) монастыри, православные храмы в Варзуге и Неноксе, Сумском остроге и Кемском городке.

Наибольшей известностью на Белом море пользовался Николо-Корельский монастырь. Первое название — Николаевский — было дано монастырю в честь святого Николая, считавшегося покровителем поморов, рыбаков и охотников. Этот небесный защитник был так популярен на Севере, что среди поморов бытовала поговорка: "От Холмогор до Колы тридцать три Николы". И действительно, по всему побережью Белого моря стояли храмы и часовни в честь этого святого.

Историки склонны считать основателем монастыря преподобного Евфимия, который на Карельском (Летнем) берегу Белого моря "просвещал корельских детей", то есть обращал в христианство карел. Его память отмечалась 18 апреля, а годом смерти считается 1435 год¹. Архангельский историк С.Ф. Огородников назвал беломорскую православную обитель "первою просветительною общиною на Севере в начале XV в.", а преподобного Евфимия "просветителем корел"². В книге, содер-

¹ Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера. — Л., 1977. — С. 34.

² Огородников С.Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. — СПб., 1890. — С. 16.

жащей сведения обо всех российских святых, говорится, что преподобный Евфимий “много потрудился в просвещении дикаго населения Корельскаго края и воспитал в учениках своих ревность к святому подвижничеству”¹. Отсюда и второе название монастыря — Корельский. Читатель, вероятно, обратил внимание на вариативность написания слов с корнем “карел”. Дело в том, что в древнерусском языке эти слова писались с буквой “о”: “корелы”, “корельские дети”, “Николо-Корельский монастырь”. В XIX веке встречалось двойное написание, что зафиксировано, в частности, в словаре В. Даля. А нормы современной орфографии закрепляют формы “карелы”, “карельский”. Мы считаем целесообразным сохранить написание буквы “о” в названии Николо-Корельского монастыря, так как это историческое наименование древней обители.

Документов по начальной истории поморского монастыря почти не сохранилось. Три пожара, случившихся в обители (1419, 1620, 1798 гг.), уничтожили почти весь архивный фонд². Мы располагаем первым документальным летописным сообщением о военном нападении норвежцев на Русский Север в 1419 году: “Пришедше мурманы войною 500 человек с моря в бусах и в шняках, и повоеваша в Варзуге погост Корельской святого Николы, и взяли Заволочский погост в Неноксе, и Корельской монастырь святого Николы... три церкви сожгли, а христиан и чернцев всех посекали. И заволочане две шняки мурман избиша, а иные убегоша на море”, — так лаконично описал “Двинской летописец” эту “необъявленную” войну в Заволочье³. Следовательно, к этому времени, как справедливо отмечает историк север-

¹ Григоревский М. Николаевский Корельский третьеклассный монастырь // Краткое историческое описание монастырей Архангельской епархии. — Архангельск, 1902. — С. 282.

² Кукушнина М.В. Монастырские библиотеки... — С. 32.

³ Титов А.А. Летопись двинская. — С. 7.

ных монастырей епископ Макарий, Николо-Корельский монастырь существовал уже не первые десятилетия, в нем были "строение и старцы или иноки, а все это в начале XV столетия, то есть в течении 18 лет, едва ли можно было завести и соорудить"¹. После кровавых событий жизнь в монастыре замерла. И все же обитель, как сказочная птица Феникс, вновь возродилась из пепла. Немало этому способствовала новгородская боярыня Марфа Филиппова, ошибочно ассоциируемая с Марфой Борецкой, которая, согласно легенде, поставила в 1471 году в память своих сыновей Антона и Феликса, погибших в Белом море, храм святого Николая на гробах своих детей, а монастырю отдала "куплю мужа своего Филиппа на Лявле острове село, да в конечных два села и по Малокурье пожни и рыбные ловища, а по церковной стороне и до Кудьмы и вверх по Кудме и до озера и в Неноксе место засенником и дворища и полянка..."².

В первой книге трилогии — "Заволочье" — рассказывалось о том, что в 1478 году пала Новгородская республика. Наиболее важные архивные документы и вечевой колокол были увезены в Москву, а выборные должности, вечевые порядки, древний суд упразднены. Только на Русском Севере остались некоторые институты демократической власти. Поэтому не случайно существует предание о том, что известный литейный мастер Моторин перелил из новгородского вечевого колокола новый большой колокол, одна из надписей на котором гласит: "лета 7189 года марта в 1 день по имениному Великого государя и Великого Князя Федора Алексеевича всея великия и малыя и белыя России Самодержца указа, дан сей колокол к морю (Белому —

¹ Григоревский М.: Николаевский Корельский третьеклассный монастырь. — С. 283—284.

² Достопримечательности г. Архангельска и его окрестностей // Памятная книжка Архангельской губернии на 1912 год. — Архангельск, 1912. — С. 277—278.

В.Б.) в Николаевский Корельский монастырь за Государских родителей, в вечное поминовение не отъемливо, при игумене Арсении”¹. Что ж, если эта легенда правдива, то новый колокол как символ вечевых порядков по праву был передан тогда еще самоуправляющейся и свободной бывшей провинции Великого Новгорода.

Николо-Корельский монастырь пользовался особым покровительством русских царей. Достаточно сказать, что в XVI—XVII веках этой поморской обители было выдано около 90 царских грамот, по которым монастырю жаловались земли, соляные варницы, рыбные тони, хлебная руга (плата) и давалось освобождение от пошлин за провоз соли². Первая дошедшая до нас грамота великого князя Василия Ивановича датируется 1530 годом. В ней говорится о том, что беломорской православной обители разрешается “на тех тонях рыбу ловить на монастырь, и рознать пахать, и лес сечь”³. Из жалованной несудимой грамоты Корельскому Николаевскому монастырю, выданной в октябре 1542 года царем Иваном Грозным, мы узнаем, что при игумене Ефреме православная обитель имела “деревни монастырские, в Двинском уезде, в Низовской луке, да во Княжеостровской луке, да в Кехте, да у них же деи в Неноксе дворы монастырские”. Этой же грамотой монастырские старцы освобождались от суда светских властей за все проступки, за исключением разбоя и убийств. “Коли они (монахи — В.Б.) пошлют из монастыря на Вологду или в Каргополье, зиме на десяти возех, а лете в судне, против десяти же возов, с солью или с рыбою с монастырскою, — говорится в грамоте — с тех их возов, или с

¹ Заринский М. Борецкая // АГВ. — 1884. — № 35. — 2 мая.

² Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки... — С. 33.

³ Акты юридические, изданные Археографической комиссией (АЮ). — СПб., 1838. — № 18. — С. 37—38.

судна, и с людей и с лошадей, мыта и тамги и мостовщины и перевозу и иных некоторых пошлин не емлют”¹.

Грамотой 1551 года царь Иван Грозный подтвердил монастырские владения на земли по рекам Ижме, Шалге, в Неноксе, а также около Едомского озера². В 1587—1588 годах Николо-Корельский монастырь владел двадцатью северными деревнями и семью морскими тонями³. Николо-Корельский монастырь был малонаселенным. Число монахов на протяжении двух веков не превышало шестидесяти человек. По описи 1601 года, в обители проживали пятьдесят один монах и двадцать три человека “слуг и трудников и детенышев в монастыре и по промыслом и по деревням”⁴.

Исторические документы донесли до нас имена двадцати девяти игуменов, бывших настоятелями монастыря в период до XVII века. Историк П.М. Строев упоминает имена восьми игуменов: Симеона, Вассиана, Зосимы, Варлаамия, Парфения, Геннадия, Герасима, Трофима⁵.

В грамоте 1607 года, адресованной Николо-Корельскому монастырю, говорится, что “игумен с братьею кормятся сами своими труды рыбною ловлею, а пашенных мест к их монастырю не пришло, около монастыря

¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (АИ). — СПб., 1841. — Т. 1. — № 141. — С. 204—206.

² Там же. — Т. 1. — № 156. — С. 280—281.

³ Копанев А.И. 1587—1588 гг. Сотная грамота из двинских писцовых книг князя Василия Андреевича Звенигородского и подьячих Рахманина Воронова и Степана Федорова на владения Николовского Корельского монастыря в Двинском уезде // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. — Вологда, 1972. — Вып. 2. — С. 237, 240—241.

⁴ Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки... — С. 33.

⁵ Там же. — С. 34.

с три стороны обошли мхи, да болота, а с четверную сторону море” и вообще “место было убогое”¹.

Как и в других поморских обителях, важнейшими статьями дохода Николо-Корельского монастыря были солеварение и продажа беломорской соли. В 1642 году по грамоте царя Алексея Михайловича православной обители разрешалось беспошлинно провозить шесть тысяч пудов соли в одном дощанике в Вологду и другие поморские города: Архангельск, Холмогоры, Великий Устюг, Тотьму — “и на те соляные деньги всякий монастырский запас покупать”. Монастырские варницы были в Солзе, на Ижме, в Неноксе, три — на Наволоке, две — в Уне, а позднее в Сюзме были заведены соляные заводы². Из описи монастыря 1551 года мы узнаем, что эта православная обитель имела небольшое подсобное хозяйство — двенадцать лошадей, двух жеребят, быка и шестнадцать коров³.

До середины XVII века в монастыре были лишь деревянные строения. Документы донесли до нас имя монастырского строителя Кирияна⁴. Первые две каменные церкви во имя Успения Богородицы и святителя Николая были возведены в 1600—1670 годах. В 1684 году между ними были построены переходы с крыльцами, под которыми находились две каменные палатки и кладовые места. Монастырская библиотека насчитывала 289 книг⁵.

Особую известность Николо-Корельский монастырь получил во время плаваний англичан на Русский Север. 24 августа 1553 года недалеко от Карельского устья Се-

¹ АИ. — Т. 2. — № 77. — С. 1—5.

² Макарий. Историко-статистическое описание Николаевского Корельского третьеклассного монастыря // ЧОИДР. — М., 1879. — Кн. 1. — С. 33.

³ АИ. — Т. 1. — № 158. — С. 286.

⁴ Там же. — № 156. — С. 281.

⁵ Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки... — С. 34.

верной Двины; напротив древнего посада Ненокса, бросил якорь корабль "Эдуард Бонавентура" ("Эдуард Благое Предприятие") под командованием капитана Ричарда Чанселлора¹. Напомним читателю, что это была эпоха великих географических открытий. В Англии известный мореплаватель Себастиан Кабот настойчиво пропагандировал идею возможности достижения Китая и Индии через северные моря. Сама эта идея была не новой, а плавания в арктических морях были "за обычай" у поморов и норвежцев.

Австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн подробно описал путешествие царского посланника Григория Истома (Малого) в 1496 году с берегов Северной Двины полярными морями вокруг северной оконечности Скандинавии до норвежского города Трондхейма. Далее его уже сухопутный путь на оленях пролегал до города Бергена, а оттуда на лошадях до столицы Дании — Копенгагена². Этой морской дорогой прибыл в Европу и другой русский дипломат Василий Власий (Влас Игнатьев).

В 1501 году этот же путь, только в противоположном направлении, проделал Юрий Мануилович (Георг) Траханиот, отправившийся в Россию из Дании.

Проект морского пути в Китай появился в России в период ее оживленных политических и торговых отношений со странами Востока. В конце XV века поморами были проложены морские пути в Мангазейскую зем-

¹ Чанселлор — точнее, чем обычно употребляемая транскрипция "Ченслер", "Ченслор", "Чанслер". В журнале "Великобритания в России", выпущенном в сентябре 1994 г. с посланием ее Величества королевы Елизаветы II, в исторической справке указывается — Чанселлор. Это написание дает и энциклопедия "Британника" (См. : Записки Чанселлора. — Архангельск, 1988).

² Шаскольский И.П. Об одном плавании древнерусских мореходов вокруг Скандинавии // Путешествия и географические открытия. — М.; Л., 1965. — С. 7—30.

лю. Созревало народное движение “встреч солнца” — освоение Сибири. Автор этого проекта, дьяк великого князя московского Василия III Дмитрий Герасимов (Митя Малый), лично знал условия полярного мореплавания, совершил путешествие с берегов Северной Двины в Западную Европу. Герасимов принадлежал к числу наиболее образованных людей Московского государства. Прекрасный знаток латинского языка, он перевел на русский язык много книг духовного и светского содержания. Именно Д. Герасимову принадлежит перевод письма Максимилиана Трансильвана о кругосветном путешествии Магеллана, изданного в Риме в 1523—1524 годах¹. В 1525 году он был отправлен с дипломатической миссией в Рим. По отзыву итальянского историка Пауло Джовио, Д. Герасимов проявил себя в Италии как отличный дипломат с широким кругозором и вызывающим расположение собеседников характером: “посол Дмитрий веселый и остроумный человек”².

В одной из бесед с Джовио Д. Герасимов поделился своей сокровенной идеей о возможности северного морского пути в Китай: “Довольно... известно, что Двина (Северная), принимающая в себя бесчисленные реки, с большим стремлением течет к Северу и что там есть море, имеющее столь огромное протяжение, что, придерживаясь правого его берега, можно доплыть до самого Китая”³. В подтверждение своих слов Д. Герасимов показал Джовио чертеж Русского Севера, который дошел до нас в незначительной переделке итальянского картографа и гравера Баттиста Анезе. Чертеж русского

¹ Какова Н.А., Катушкина Л.Г. Русский перевод XVI века первого известия о путешествии Магеллана // ТОДРА. — Л., 1968. — Т. XXIII. — С. 239.

² Белов М.И. История открытия и освоения Северного морского пути. — М., 1956. — Т. 1. — С. 41.

³ Замысловский Е.Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России. — СПб., 1884. — С. 85.

посла считается одной из древнейших карт Северного Ледовитого океана¹. В 1525 году рассказ Дмитрия Герасимова был опубликован и стал достоянием ученых и путешественников всего мира.

Читателей-северян, видимо, интересуют страницы биографии легендарного капитана Ричарда Чанселлора. В составе экспедиции в северные широты Р.Чанселлор был вторым командиром после сэра Ю.Уиллоуби (Уиллобе). На эту должность его рекомендовал сэр Генрих Сидней, который в своей речи перед членами "Компании для открытия неизвестных стран" характеризовал капитана как человека "в высшей степени способного исполнить предприятие". Мы знаем, что Р.Чанселлор совершил морское путешествие с капитаном Роджером Боденгемом в Хиос и Кандию с купеческими товарами. В ноябре 1550 года судно вышло из Темзы, однако по неизвестным причинам отправилось в плавание только 13 января 1551 года. В пути оно едва не было захвачено турками, но благополучно вернулось в Англию с грузом вина.

Надо полагать, что Р.Чанселлор бывал и во Франции, так как, осматривая воинские доспехи в палатах царя Ивана Грозного, он говорил, что "видел павильёны королей английского и французского: они прекрасны, но нейдут в сравнение с этим".

Возможно, что Р. Чанселлор был специалистом в области механики. Во всяком случае, известно, что он заказал изготовить для него по его собственным чертежам квадрант в пять футов. По возвращении из России, он вместе с Джоном Да производил с помощью этого инструмента наблюдения.

¹ Багров Л. История географической карты // Вестник археологии и истории. — Пг., 1918. — Т. XXIII. — С. 26.; Белов М.И. История открытия и освоения... — Т. 1. — С. 41.

Ричард Чанселлор был вдовцом и имел двух сыновей. Одного из них он взял в свою вторую морскую экспедицию в Россию. Другой сын — Николай — был отправлен в 1560 году в Москву учиться коммерции. В 1580 году Н.Чанселлор в качестве коммерческого агента участвовал в морской экспедиции Артура Пета и Чарльса Джекмана¹.

Ричард Чанселлор оставил записки о своих плаваниях в Россию. В них имеются интересные наблюдения о Русском Севере и поморах: "Русские — отличные ловцы семги и трески; у них много масла, называемого нами ворванью (сало морского зверя), которое большей частью изготавливается у реки, называемой Двиною... Они ведут также крупную торговлю вываренной из воды солью. В северной части страны находятся места, где водится пушнина — соболя, куницы, молодые бобры, белые, черные и рыжие лисицы, выдры, горностаи и олени. Там добывают рыбий зуб; рыба эта называется морж. Ловцы ее живут в месте, называемом Пустозеро, и вывозят рыбий зуб на оленях в Лампожню на продажу, а из Лампожни везут в место, называемое Колмогоры, где бывает в Николин день большая ярмарка"².

Об отважном капитане Ричарде Чанселлоре написано немало, посвящались ему и стихотворные строки. Прочитируем фрагмент стихотворения, написанного северным краеведом и поэтом М.Ф.Истоминным:

И сын отважный Альбиона
Под предводительством закона
Воздвиг торговле там алтарь...
И все там жизнью закипело,

¹ Гаммель И.Х. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. — СПб., 1865. — Ч. 1. — С. 7—8.

² Готье Ю.В. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. — Л., 1937. — С. 55.

И всюду золото зазвенело...¹

Как справедливо замечает профессор Поморского университета Ю.К.Новожилов, насчет “алтаря торговли” громко сказано, но дань за заслуги в организации и проведении походов на Русский Север бесстрашному мореплавателю следует воздать².

А теперь, дорогой читатель, вновь вернемся к знаменитому плаванию капитана Ричарда Чанселлора. В 1552—1553 годах в Англии тщательно снаряжали экспедицию на Север Европы для отыскания арктических путей в Китай и Индию. Этот северный поход, в котором приняли участие три корабля, возглавил Ю.Уиллоби (Уиллобе), а главным кормчим экспедиции стал Ричард Чанселлор. Судьба двух кораблей во главе с Ю.Уиллоби была печальна, их экипажи замерзли в Нокуевской губе.

Третий корабль — “Эдуард Благое предприятие”, — где капитаном был Ричард Чанселлор, волей случая занесло в Белое море, и он попал вместо Китая в Россию. 24 августа 1553 года корабль бросил якорь напротив старинного села Ненокса. Надо полагать, что местные жители встретили неожиданных гостей хлебом и солью. Тем более, что соли в Неноксе было предостаточно. Еще в 1545 году грамотой царя Ивана Грозного Николо-Корельскому монастырю было дозволено “соляных пожилин (разсолу соляного) искати и трубы и варницы ставити и соль варити”³.

Двинская летопись так отобразила это важное событие: “Приде корабль с моря на устье Двины реки и обоглавы: приехали в Холмогоры в малых судах от англий-

¹ АГВ. — 1884. — № 74.

² Новожилов Ю.К. К вопросу об основании города Архангельска // Уч. зап. АГПИ им. М.В.Ломоносова. — Архангельск, 1964. — Вып. 6. — С. 183.

³ Гаммель И.Х. Англичане в России... — Ч. 1. — С. 24.

ского короля Эдварда посол Рыцарт (Ричард), а с ним гости; и сказался, что он едет к великому государю к Москве. И царя великого князя прикащики, холмогорские выборные головы, Филипп Родионов, Феофан Макаров и земские судьи о приходе того английского посла и гостей с Холмогоры писали к царю и к великому князю к Москве..."¹.

Проворный капитан Ричард Чанселлор отправился в Москву. На приеме у царя Ивана Грозного кроме него — английского "посла" — присутствовали купцы Бортон и Эдуард. Была оглашена грамота уже умершего к тому времени английского короля Эдуарда VI, в которой говорилось о желании Англии завести торговые связи с различными государствами: "...и таким образом произойдет выгода и для них и для нас и будет постоянная дружба и нерушимый союз..."². Англичан удостоили чести быть приглашенными на царский обед.

В 1556 году капитан Ричард Чанселлор вновь прибыл на Русский Север, на сей раз с грамотой английской королевы Марии и ее супруга Филиппа II, испанского короля. Царь Иван Грозный выдал английским купцам грамоту, позволяющую им свободно приезжать к морским северным пристанищам. К числу российских гаваней принадлежала тогда и Ругодивская (Нарвская) пристань³.

Во многих зарубежных изданиях, особенно английских, получила широкое распространение легенда об "открытии Московии" Ричардом Чанселлором и установлении им дипломатических связей с Россией. Оба эти утверждения ошибочны. Первыми русскими, установившими в XVI веке сношения между Московской

¹ Титов А.А. *Летопись двинская...* — С. 10.

² Гаммель И.Х. *Англичане в России...* — Ч. 1. — С. 26.

³ Бантыш-Каменский Н.Н. *Обзор внешних сношений России (по 1800 год)*. — М., 1894. — Ч. 1. — С. 91.

Русью и Англией, были князь И.И.Засекин-Ярославский и дьяк С.Б.Трофимов, которые посетили Англию еще в 1524 году, то есть за тридцать лет до Р.Чанселлора.

В июле 1582 года Иван Грозный писал датскому королю Фридрику II, что "дорога к нашей вотчине, к Колмогорам, и к Коле волости, и к иным пристанищам морским, не ново почалася... а дорога морем болшим окияном к нашей вотчине к Колмогорам за много лет была, с тех мест лет за сорок..."¹. То есть этот путь был освоен как минимум за десять лет до приезда Ричарда Чанселлора. В середине 1550-х годов художник Ганс Гольбеин написал портреты английских вельмож, изобразив их в одеждах, отороченных сибирскими соболями, которых, видимо, доставило английскому двору первое русское посольство². Историк И.Х.Гаммель уточняет фамилии изображенных на портретах английских сановников в русских мехах: епископ кентерберийский Варгем, умерший в 1532 году, канцлер Томас Мор, казненный в 1535 году, и королева Анна Болей, казненная в 1536 году³.

Можно утверждать, что англичане и в более раннее время имели представление о традициях и быте населения Московского государства. Об этом может свидетельствовать, в частности, тот факт, что в 1510 году на масленичный маскарад, который был устроен в парламентском зале Вестминстера, граф Генрих Стаффорд и барон Фицвальтер прибыли в русских костюмах и в серых меховых шапках⁴.

¹ Мавродин В.В. Русское полярное мореходство и открытия русских поморов на Севере Европы с древнейших времен и до XVI века // Вопросы истории. — 1954. — № 8. — С. 102.

² Лурье Я.С. "Открытие Англии" русскими в начале XVI в. // Географический сборник. — Л., 1954. — Т. 3. — С. 185—186.

³ Гаммель И.Х. Англичане в России... — Ч.1. — С. 35.

⁴ Там же. — С. 160.

Тем не менее мы не хотим умалить значение экспедиции Ричарда Чанселлора на Русский Север. Хотя английский корабль далеко не первым прошел этим путем, экспедиция возобновила дипломатические связи и дала новый импульс к развитию регулярных торговых отношений между Англией и Россией. В результате плаваний Р.Чанселлора для английской торговли открылись огромные возможности. Общество “купцов-предпринимателей”, которое организовывало и проводило экспедиции для поиска новых рынков сбыта английских товаров, приняло все меры, чтобы получить особую хартию от королевы на исключительное право торговли с Московским государством. Хартия 6 февраля 1555 года положила начало образованию “Московской компании” (*Moscovy company*), сыгравшей огромную роль в англо-русских отношениях XVI—XVII веков.

Капитал этой компании был определен в 6 тысяч фунтов стерлингов, размещенных между 207 акционерами¹. Пожизненным президентом компании стал Себастьян Кабот. В числе основателей Московской компании были представители высшей английской аристократии: Вильям Говард, граф Эффингамский, он же английский лорд-адмирал, Генрих Сидней, Вильям Сессиль, Вильям Петер, Джордж Барис, Ульям Герард, Томас Офлей старший и Джон Диммока, Ричард Чанселлор, Стефан Эбро, Джон Бокленд, Артур Эдурдс, Джордж Бортон, Томас Бенистер и Джон Спарк².

В апреле 1555 года Московская компания отправила вторую экспедицию в Россию, руководителем которой вновь был назначен Ричард Чанселлор. В этот раз в Московию отправились два английских купца — Джордж Килингворт и Ричард Грей. Первый успешно

¹ Готье Ю.В. Английские путешественники... — С. 14.

² Гаммель И.Х. Англичане в России... — Ч. I. — С. 31

торговал в своей стране сукном и рассчитывал на хороший сбыт его в России. Англичане не ошиблись. В царских грамотах того времени часто упоминается “сукно лундыш” — “лондонское сукно”. В 1557 году в Россию было отправлено 209 кусков лондонского сукна и 518 кусков караеи из Гемшира. Особенно ходовыми стали 400 кусков сукна голубого цвета, наверное, любимого тогда в России цвета. Англичане привезли на продажу также оловянную посуду и сахар. В свою очередь из России они стали вывозить воск, лен, ворвань, коноплю, деготь, пушнину и другие традиционные русские товары¹. Прибыль от торговли, при отсутствии таможенных пошлин, была очень значительной.

В 1557 году агентом Московской компании — сначала в Холмогорах, а затем в Москве — стал Генрих Лен. Христофор Гудсон был главным агентом компании в Нижнем Новгороде, впоследствии он также на два года обосновался в Москве. Агенты собирали сведения о рынках сбыта и товарах, необходимых в России, вели переговоры с русскими купцами. Впоследствии в Англии были опубликованы их записки, воспоминания... Историк И.Х.Гаммель в Бодлеевой библиотеке Оксфорда обнаружил книжку под заглавием “Сказания книг деяний апостольских написана Лукою Евангелистом”. Английский агент Томас Гаутри подписал ее — “эта книга стоит один рубль один алтын две деньги. Писана в Холмогорах; переплетена в Вологде 7 ноября 1557 года”. А в Ашмолевом музее Оксфорда русский историк прочитал несколько заметок, написанных по рассказу Третьяка Афнутя Самойлова в 1557 году в Холмогорах. Вот их краткое содержание: “вода в Переяславском озере 16 мая (1557 г.) три раза прибывала, вследствие чего был совершен крестный ход. 13 июня в Холмогорах при сильной жаре свирепствовала страшная буря.

¹ Там же. — С. 48.

Она разразилась в разных местах, произвела пожар и побила людей в слободе и в царском посаде”¹. Бесценные для нас странички нашей местной истории...

Пользуясь большими привилегиями, английские купцы начали разъезжать по всей России. В 1565 году купец Артур Эдуардс через Россию совершил поездку в Персию, в 1579 году этот маршрут повторил Ричард Джонсон. В 1556 году капитан Стифен Бэрроу отправился морским путем на остров Вайгач. В следующем году он побывал у самоедов и в Великом Новгороде, а также в Бухарии. В 1565 году он был начальником третьей экспедиции в Персию. В 1574—1575 годах брат Стифена Бэрроу, Вильям, бывший торговым агентом в России, совершил путешествие от Никольской пристани в Москву, Нарву и обратно. Именно ему принадлежит карта России, посвященная английской королеве. На этой карте “каждое место поставлено в настоящей долготе и широте, как до сих пор никто еще не делал”. В 1557—1558 годах английский купец Джон Седжвик закупал лен и коноплю в Великом Новгороде, притом очень дешево. Так, конопля за берковец обходилась ему в 1,5 рубля, а белый лен — в три рубля. В Вологде он закупил коноплю за 2,5 рубля за берковец. Англичанами были созданы крупные торговые фактории в Холмогорах, Вологде и Москве².

2 августа 1556 года из устья Северной Двины отправились в Англию четыре корабля. Два из них были приведены из Нокуевского залива (корабли Хью Уиллоуби) и снабжены новым английским экипажем. Возглавлял эту экспедицию Р.Чанселлор.

Примечательно, что в этом плавании участвовал русский посол, вологодский дворянин Осип Григорьевич Непея. С ним отправились в Англию холмогорские куп-

¹ Гаммель И.Х. Англичане в России... — Ч.1. — С. 48—49.

² Там же. — С. 49—54.

цы Фофан Макаров, Михайло Григорьев и другие. Следует особо подчеркнуть, что это была первая русская торгово-промышленная делегация из Холмогор в Англию и, как отметил "Двинской летописец", Ф.Макаров и М.Григорьев именовались "гостями"¹. К сожалению, во время этого путешествия один корабль разбился у норвежского города Трондхейма, а судно, на котором находились Р.Чанселлор и О. Непея, потерпело крушение у берегов Шотландии. Английский капитан и его сын погибли, а русский посол чудом спасся. Осипа Непею ждал грандиозный прием. Английские хроники донесли до нас описания этой "царской" встречи. 27 февраля в двенадцати милях от Лондона русский посол был встречен с большим почетом восемнадцатью видными купцами, ему преподнесли богатые подарки. На другой день его принял лорд-виконт Монтегю в сопровождении ста сорока членов Московской компании и многочисленной свиты. Дорогой до Лондона его ждали различные развлечения, в том числе импровизированная охота на лис.

Осип Непея дважды встречался с королевой Англии. В Россию посол вернулся с грамотой, адресованной царю Ивану Грозному, в которой говорилось: "Надеемся, что основание взаимной дружбы, хорошо и счастливо положенное и утвержденное таким образом, принесет великие и обильные плоды, как братской нашей и наших преемников любви и крепкой дружбы, так и связи непрерывною между нашими подданными торговлею..."². Вместе с Непеей на родину вернулась и торгово-промышленная делегация холмогорских купцов. В английских документах названы имена: Исак Иващенко, Дмитрий Ермолай, Семен Ерофей, Степан, Лука, Андрей и Фома. На обороте английской грамоты было написано, что

¹ ПСРЛ. — Л., 1977. — Т. 33. — С. 169.

² Гаммель И.Х. Англичане в России... — Ч.1. — С. 59—63.

русскому царю послали “в подарок двух лютых зверей (львы), военный доспех, постав скорлатного, а другой французского сукна, да два поставца атласу с золотом”¹.

Англичане первыми поняли, какую роль должно было сыграть русское сырье (лес, пенька) в развитии европейского кораблестроения, и неоднократно пытались оттеснить купцов других наций от сношений с Москвой. Однако многолетняя борьба англичан за монополию в русской внешней торговле не имела успеха. Торговая привилегия 1567—1569 годов была предоставлена англичанам на условиях заключения политического союза между Россией и Англией. Царь Иван Грозный, убедившись в неосуществимости такого союза, отменил эту привилегию, и с этого времени все попытки англичан “затворить божью дорогу — океан-море” для других купцов оказались бесплодными².

В Двинской земле сложился определенный порядок снаряжения и отправки царских дипломатов, направляемых в Западную Европу. Двинские жители собирали специальные деньги, носящие в документах названия “посланников проезд”, “посольские деньги”, “послов разруб”. А в архивах XVI века сохранились записи о пребывании в Холмогорах и северных монастырях московских послов и их свиты. Эти записи свидетельствуют о непрекращающихся плаваниях русских по старинному морскому пути в западную Европу³.

За годы существования пристани св. Николая здесь побывало множество послов и гонцов, которые останавливались в Николо-Корельском монастыре. В документах монастырского архива имеются сведения о приездах в Англию купцов Степана Твердикова и Федора Погорелого

¹ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России... — Ч. 1. — С. 92.

² Послания Ивана Грозного. — М.; Л., 1951. — С. 143.

³ Белов М.И. История открытия и освоения... — Т. 1. — С. 32—33.

(1567 г.), посольства Андрея Григорьевича Совина, князя Афанасия Вяземского и дьяка Семена Севастьяновича (1569 г.), посольства Федора Андреевича Писемского и подьячего Неудачи Ховралева (1582 г.) и царского посланника Максака Федоровича, ехавшего в Печенгу (1582 г.). Имеются важные сведения и об иностранных дипломатах. Так, упоминается о том, что английскому послу Рандольфу преподнесли в Николо-Корельском монастыре хлеб-соль и подарили черную овцу с белой мордой. Одним словом, Никольский причал и монастырь на посольских дорогах были заметными пунктами¹.

В бухту св. Николая прибывали английские корабли и с важными для России грузами. Так, в 1571 году, во время страшного голода, на рейде св. Николая встал корабль, полностью загруженный хлебом. Его продажа велась беспошлинно. Через десять лет, в 1581 году, когда шла Ливонская война, в бухту св. Николая вошли тринадцать больших английских кораблей с грузом селитры, серы, пороха, свинца и меди на девять тысяч фунтов стерлингов².

В то же время следует сказать, что масштабы внешней торговли в бухте св. Николая за тридцатилетний период, предшествующий возникновению Архангельска (1553—1584 гг.), были незначительны. До 1584 года сюда ежегодно прибывало чуть больше 10 кораблей, в то же время в Ругодив (Нарву) приходило в среднем до 100 иностранных судов в год³.

¹ Гаммель И.Х. Англичане в России... — Ч.1. — С. 80—89; Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. — М.:Л., 1954. — С. 100—101; Шаляпин С.О. Никольский причал // Летописец Севера: Историко-краеведческий сборник. — Архангельск, 1990. — С. 22—31.

² Гаммель И.Х. Англичане в России... — Ч. 1. — С. 101,116.

³ Хорошкевич Л.Л. Внешняя торговля Руси XIV—XVI вв. в освещении буржуазной историографии // Вопросы истории. — 1960. — № 2. — С. 111—114.

Сообщим читателю, что о северной торговле с Россией были наслышаны в Англии не только высшие должностные лица, включая королеву. Известный английский поэт и политический деятель Д. Мильтон написал книгу о России, которая называется "Краткая история Московии и других малоизвестных стран, лежащих к востоку от России до Китая". В книге уделено место гавани святого Николая и молодому Архангельску: "Пристань св. Николая, куда они в первый раз пристали, лежит под 64 градусом, она так называется по имени деревянного монастыря... К северо-востоку от монастыря на другой стороне Двины находится Архангельский замок, где англичанами построен еще дом". В грамоте английской королевы Елизаветы от 29 мая 1589 года упоминается пристань св. Николая и пристань св. Михаила (Архангельск)¹.

Одной из причин, мешавших торговле Англии с Россией, была особая позиция датского короля. Французский резидент в Дании Шарль Дансэ писал: "Англичане, для того чтобы ловить рыбу в морях короля (датского — В.Б.) и торговать повольно в его владениях, выплачивали начальнику замка Вардехус (норвежский город Вардэ — В.Б.) за каждый корабль по шестнадцати талеров, и не было между ними никаких споров". Однако англичане перестали выплачивать упомянутую пошлину, заявив, "что море свободно и общее для всех христианских королей..."². На это обстоятельство указывают также русский посол Федор Писемский и подьячий Неудача Ховралев: "А з датским королем королевна была в миру... а ныне король дацкой не хочет англичан пропускать на Русь к Колмогорам и в Колу, для того, что англичане ходят торговать мимо ево Датцкую

¹ Московия Джона Мильтона со статьею и примечаниями Ю.В.Толстого. — М., 1875. — С. 2—4.

² Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII в. — Тбилиси, 1959. — Ч. 1. — С. 17—18.

землю, а пошлины проезжие ему не платят; а он де беспошлинно пропускать не хочет”¹. Твердую позицию в этом конфликте занял царь Иван Грозный. Во-первых, русский государь обосновал неправомочность датского короля “замкнуть” морской путь в Русское государство. Этот путь существовал уже давно, еще задолго до прихода к беломорскому побережью англичан; он действовал и в то время, когда иноземные купцы торговали в Нарве (Ругодиве). Иван Грозный считал, что датскому королю не следовало нарушать эту старинную торговлю и “починать” “новые дела, которые к доброму делу не пристоят”².

А теперь, уважаемый читатель, вновь возвратимся к пристани святого Николая, в районе которой впервые бросил якорь корабль легендарного Ричарда Чанселлора. Хотелось бы обратить ваше внимание на то обстоятельство, что эта беломорская гавань находилась на острове Ягры. Ветеран машиностроительного предприятия “Звездочка”, неутомимый краевед Н.И.Горшенков провел специальное исследование о происхождении этого названия. Откроем “Словарь областного Архангельского наречия” А.Подвысоцкого, изданный в 1885 году. В нем говорится о том, что слово “ягра” означает выдающуюся в море и заливаемую во время прилива часть берега. Еще ранее В.И.Даль в “Толковом словаре живого великорусского языка” слово “ягра” объясняет как “мелкое песчаное дно реки, озера или моря”. Наш знаменитый писатель Борис Шергин часто употреблял это слово. В пояснениях он пишет — “Ягра — протянувшаяся от берега в море подводная отмель”.

¹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею. — СПб., 1883. — Т. 2. Сб. ИРИО. — Т. 38. — С. 64.

² Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю.Н.Щербачевым // Русская историческая библиотека. — СПб., 1897. — Т. XVI. — № 49. — С. 202.

Название этого острова осталось и в научных трудах. Один из первых историков нашего края Александр Фомин в своей книге "Описание Белого моря с его берегами и островами", изданной в 1797 году, рассказывает о ловле белух (морских млекопитающих семейства дельфиновых) "на мелях, спускающихся полого в море, при крайних островах Яграх, Омфале, Кумбыше и Гольце, на коих построены во многих местах промысловые избы"¹.

Англичане остров Ягры называли "Розовым" за то, что он был покрыт зарослями цветущего северного шиповника. Откроем книгу "Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке". В ней есть такие строчки, написанные английским купцом Артуром Эдуарсом в 1566 году: «Розовый остров в бухте св. Николая полон алых и красных роз (шиповника), фиалок и дикого розмарина. Этот остров имеет около 7 или 8 миль в окружности; на нем хорошие пастбища, и он получил название "Розового"»².

В 1618 году на корабле "Диана" в Архангельск прибыл известный английский ученый Джон Традескант (Тредескант). Он являлся основателем первой в Англии кунсткамеры и лучшего ботанического сада недалеко от Лондона. Его сын, не имея своих детей, завещал историческое и природное наследие семьи Элиасу Ашмолю. Ученый Э.Ашмоль известен своим литературным трудом ("Fasciculus chemicus") — переводом сочинения, написанного в Москве придворным врачом царя Михаила Федоровича Артуром Ди в 1629 году. В 1669 году Э.Ашмоль подарил Оксфордскому университету традескантово собрание. Для этого на территории университета было выстроено специальное здание, которое

¹ Корабелы "Звездочки": Историко-краеведческий сборник. — Северодвинск, 1994. — С. 17—18.

² Готье Ю.В. Английские путешественники... — С. 238.

впоследствии было названо Ашмоловым музеем. Примечательно, что в 1698 году Оксфордский университет посетил Петр I, а последующим императорам (в 1814 году — Александру I, в 1817 — Николаю I, в 1839 — Александру II) были вручены дипломы почетных докторов Оксфордского университета¹.

Итак, ученый Джон Традескант посетил Архангельск в годы правления царя Михаила Федоровича. К счастью, чудом сохранился путевой журнал, который он вел во время путешествия по Русскому Северу. Этот любопытный документ опубликовал И.Х.Гаммель. Ученый-натуралист побывал на острове Ягры-Розовом, где увидел много северных роз (“ими покрыто около пяти или шести английских акров”). Он выразил надежду, что “некоторые из них примутся и будут расти в Англии”. Традескант не ошибся. Русский исследователь И.Х.Гаммель в каталоге Традескантова сада обнаружил *Rosa Moscovita* (Московскую розу)². Надо полагать, что это был шиповник с Русского Севера. Добавим, что цветы и ягоды “северной розы” — шиповника издавна использовались поморами в лечебных целях. Забегая вперед, сообщим читателю, что только в 1764 году из Архангельска в Петербург было направлено тридцать фунтов лепестков шиповника для аптекарского приказа.

Визиты англичан-путешественников, останавливавшихся в Николо-Корельском монастыре, способствовали улучшению экономического положения православной обители. Английские суда швартовались к Никольской монастырской пристани, а купцы и дипломаты, приезжавшие в Россию или отправлявшиеся в Англию, делали остановку в монастыре. Рядом с монастырем нахо-

¹ Гаммель И.Х. Англичане в России... — Ч. 1. — С. 121—125.

² Там же. — С. 144—145.

дился небольшой английский двор, где англичане хранили свои товары¹.

С основанием Архангельска Никольская пристань потеряла свое международное значение. Английский путешественник Томас Рандольф, посетивший Николо-Корельскую обитель в конце шестидесятых годов XVI века, отмечает, что здесь проживает около 20 монахов, и дает такое описание монастыря: "он весь выстроен из дерева; монахи одеты как и прежние, в черные капоры; их церковь красива, но переполнена нарисованными образами и восковыми свечами. Дома их низки, с маленькими комнатками..."².

Монастырь, как уже отмечалось выше, часто страдал от огня и от вражеских набегов. В 1613 году он был razорен литовскими людьми и черкасами: "казну монастырскую взяли, и хлеб конми stravили и животину рогатую побили... и старцов и слуг и крестьян многих побили, а иных жгли и мучили"³. Опустошительными были и наводнения, которые наносили большой убыток монастырскому хозяйству.

В заключение сообщим читателю, что в последние годы северодвинский краевед Л.Г.Шмигельский стал настойчиво развивать и пропагандировать гипотезу о том, что гавань Святого Николая — это "первый порт России", "морские ворота Московского государства", "колыбель заграничной торговли". Патриотизм нашего известного краеведа-историка вполне понятен. Однако обратимся к источникам, чтобы внести ясность в этот непростой вопрос. Английские путешественники в своих донесениях

¹ Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. — М., 1991. — С. 210.

² Известия англичан о России во второй половине XVI века // ЧОИДР. — М., 1884. — Кн. 4. — Отд. 3. Материалы иностранные. — С. 91—92.

³ Голубцов Н.А., Попов А.Н. Архангельский край в Смутное время. — Архангельск, 1913. — С. 18.

и записках писали: “бухта св. Николая”, “рейд св. Николая”, “гавань св. Николая”¹. Упоминаемый уже нами французский резидент в Дании Шарль Дансэ писал о “пристани св. Николая”, которую русские называют: “Корельским устьем, или Корельской пристанью. Антверпенцы именуют там другую пристань, которую они называю Пудожемским устьем”². “Бухта”, “рейд”, “гавань” и “пристань” — это еще не порт. Французское слово “порт” означает участок берега моря с прилегающей водной площадью (акваторией), обычно защищенный от воздействия волн и оборудованный для стоянки судов, складывания грузов, погрузочно-разгрузочных и других работ³. В бухте св. Николая погрузочно-разгрузочные работы проводились на рейде. К английским кораблям подходили русские лоды, кочи и другие суда, а затем основные товары доставлялись в амбары и склады Холмогор, где находился Немецкий (английский) гостинный двор. Холмогоры, несмотря на свою относительную отдаленность от моря, были главным центром беломорской торговли. Именно сюда направлялись все иностранные купцы, прибывавшие через Белое море. Здесь же находилась одна из торговых контор английской “Московской компании”⁴. Это обстоятельство не отрицает и Л.Г.Шмигельский, более того, он приводит (с искажениями) документ — письмо английского агента компании Грея своему уполномоченному Лейну в Москву, в котором речь шла о выборе места для дома. Прочитируем это

¹ Готье Ю.В. Английские путешественники... — Ч. I. — С. 16, 69, 74, 75, 89, 92, 111, 116, 149, 152, 238, 285, 286, 287, 288, 289.

² Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений... — Ч. I. — С. 39.

³ Советский энциклопедический словарь. — М., 1981. — С. 1053.

⁴ Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. — М.; Л., 1954. — С. 387.

письмо дословно: “Я думаю построить дом на Березовой или против места, где будут становиться корабли; он будет стоять не дороже трех рублей и, если вам уютно, в нем будут две теплые комнаты”¹. Надеюсь, читатель понимает, что существование двухквартирного дома и небольших складских помещений, расположенных на берегу бухты св. Николая, вряд ли дает основание утверждать, что это был первый морской порт.

В любом внешнеторговом порту имеются таможня, лоцманская, навигационная и маячные службы, охрана. Все это было в Холмогорах — первой столице Русского Севера. В правительственных документах, а также в статейных списках английского двора Колмогорская пристань всегда упоминается как главная: “А от Колмогорской пристани до рубежа Аглинские земли 3100 верст; а до государева Аглинского до города до Лунды от Колмогорской пристани 3500 верст”².

В то же время нельзя не согласиться с мнением Л.Г.Шмигельского о том, что “настало время восстановить память о Ричарде Чанселлоре и сделать это там, куда он приводил свой корабль, — на земле Северодвинска”. Эту же мысль высказал еще в 1865 году историк И.Х.Гаммель: “Розовый остров, как и берег Неноксы, где остановился Чанслер, заслуживали бы памятника в воспоминание плодотворных, по своим последствиям, событий”³. В настоящее время в городе Северодвинске установлен памятный камень о пребывании на этой земле первых английских путешественников. Убежден, что придет время, когда на берегу Белого моря, в Северодвинске, будет сооружен и монумент...

¹ Готье Ю.В. Английские путешественники... — С. 92; Шмигельский Л.Г. Переключка времен // Северодвинск: Испытание на прочность. — Северодвинск, 1998. — С. 44.

² Путешествия русских послов XVI—XVII вв... — С. 104.

³ Гаммель И.Х. Англичане в России... — Ч. 1. — С. 119.

ПОМОРЬЕ В "СМУТНОЕ ВРЕМЯ"

СОБЫТИЯ рубежа XVI—XVII веков в России вошли в историю под названием, которое дали этому периоду русские писатели XVII столетия, — "смутное время". Сегодняшнее время в нашей стране, еще недавно считавшейся могущественной державой, нередко также называют "смутным" по аналогии с началом XVII века, когда Россия, оказавшись без законной власти, подверглась разорению. Как это случилось? И как события "смуты" отразились на жизни

Поморья? Об этом мы и хотим рассказать в предлагаемой вниманию читателя главе.

Вслед за хозяйственным кризисом 70—80-х годов XVI века, охватившим всю страну, пришли три голодных года (1601—1603 гг.). Тяжелое экономическое положение усугубляли социальный и политический кризисы. Развитие феодальных отношений привело в конце XVI века к юридическому оформлению крепостного права, что резко обострило классовые противоречия. В начале XVII века в России началась Первая крестьянская война, кульминационным периодом которой явилось восстание под руководством И.И.Болотникова. Со смертью царя Федора, сына Ивана Грозного (1598 г.), прекратилась правящая в России царская династия. Это вызвало обострение борьбы за власть между боярскими группировками Годуновых, Шуйских, Романовых и других, способствовало выдвижению многочисленных самозванцев, претендовавших на русский престол.

Такой, крайне сложной, внутренней обстановкой в России решили воспользоваться феодалы Польши и Швеции. Польские магнаты активно поддерживали Лжедмитрия I и Лжедмитрия II, ведя скрытую интервенцию. Осенью 1609 года Речь Посполитая (Польша) перешла к открытой интервенции. В конце 1610 года московскими боярами был приглашен на русский престол польский королевич Владислав, а польские войска заняли Москву. Шведы из союзников превратились в агрессоров, захватив Великий Новгород и другие русские города.

Планы отторжения от России северных земель — Поморья — вынашивали Англия и Дания¹. Россия находилась на краю гибели.

¹ Васильев Ю.С. Борьба с польско-шведской интервенцией на Русском Севере в начале XVII в.: Учебное пособие к спецкурсу. — Вологда, 1985. — С. 3.

Как оценивают этот период современные историки? «Главной причиной “смуты”, — пишет санкт-петербургский профессор Р.Г.Скрынников, — явилась не классовая борьба, а раскол, поразивший дворянство и вооруженные силы государства в целом. Годуновская династия пала после того, как против нее выступили гарнизоны южных крепостей, произошел мятеж в дворянском ополчении и в столице. Гражданская война в России началась в 1604 году в результате вторжения в пределы государства Лжедмитрия I»¹. Трактовку событий конца XVI — начала XVII века как гражданской войны в России разделяют и другие современные историки.

Можно, однако, согласиться с учеными Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, которым представляется, что такая оценка слишком модернизирована, так как вряд ли можно говорить о наличии тогда в России гражданского общества, которое начало складываться в ходе буржуазного развития страны. Россия на рубеже XVI—XVII веков пережила период лихолетья, в ходе которого определялось, каким быть Русскому государству и по какому пути идти дальше. В этой борьбе участвовали все слои тогдашнего общества, а также иноземные силы. Речь шла о самом существовании страны².

Не будем углубляться в существо этой полемики, а обратимся к событиям “смутного времени” в Поморье, к участию поморских уездов, волостей, городов и монастырей в разгроме польско-шведских интервентов и восстановлении государственного единства страны.

¹ Скрынников Р.Г. История российская IX—XVII в. — М., 1997. — С. 390.

² Основы курса истории России. / Орлов А.С., Георгиев В.А., Полунов А.Ю., Терещенко Ю.А. — М., 1997. — С. 124.

Как уже отмечалось, в 1601—1603 годах, вследствие неурожая, страну охватил голод. Это бедствие затронуло и Поморье. Цены на хлеб выросли в десятки раз. В царской грамоте от 3 ноября 1601 года отмечается, что “у Соли Вычегодские на посадах и в уездах хлеб дорого купят”. В записях, сделанных в Важском уезде в октябре 1602 года, говорится: “А людей от голоду мерло по городам и посадам и по волостем две доли, а треть оставалась”¹. Голод способствовал дальнейшему обострению классовых противоречий. Вся страна была охвачена восстаниями крестьян и холопов, назревала Крестьянская война.

Этой напряженной внутренней обстановкой в России решили воспользоваться соседние государства. Польша стремилась отторгнуть от России Смоленск и другие западные земли. Швеция решила отрезать Россию от Балтийского моря. Англия и Дания вынашивали планы захвата земель Русского Севера. В 1603 году в имении польского князя Адама Вишневецкого объявился человек, называющий себя сыном Ивана Грозного, царевичем Дмитрием. Он решил занять “наследственный” престол в Москве. До сих пор много споров вызывает эта личность у историков. По официальной версии правительства Бориса Годунова его отождествляли с монахом Григорием Отрепьевым (в миру — мелкий дворянин Юрий Богданович Отрепьев). В 1604 году Лжедмитрий с помощью польских магнатов, с двумя тысячами наемников предпринял поход на Москву. Ему помогали многие бояре и дворяне, недовольные царем Годуновым. Поддерживали Лжедмитрия и народные массы, связывавшие с ним надежды на избавление от гнета.

Захватив Москву, Лжедмитрий продолжал крепостническую политику, вводил новые поборы с населения,

¹ Корецкий В.И. Формирование крепостного права и Первая крестьянская война в России. — М., 1975. — С. 127.

уже для польских магнатов. Нараставшее среди русской знати и простого народа недовольство самозванным царем усилилось после его женитьбы на Марине Мнишек. В мае 1606 года вспыхнуло восстание. В ходе его Лжедмитрий был убит, труп его сожжен, а прах заложен в пушку, из которой выстрелили в ту сторону, откуда пришел самозванец¹.

На престол вступил боярский царь Василий Шуйский (1606—1610 гг.). В этом же году началось восстание под предводительством Ивана Исаевича Болотникова. Объявив себя царским воеводой, Болотников двинулся на Москву. Вскоре его отряд превратился в мощное войско, в состав которого вошли крестьяне, казаки и даже отряды дворян во главе с П. Ляпуновым и И. Пашковым. Измена дворянских отрядов, перешедших в решающий момент на сторону Василия Шуйского, привела к разгрому армии Болотникова. Царь жестоко расправился с повстанцами, многие из которых были повешены. И. И. Болотникова сослали в Каргополь, где он был ослеплен, а затем утоплен в проруби.

Пока Василий Шуйский сражался с повстанцами Болотникова, на Брянщине (г. Стародуб) объявился новый самозванец — Лжедмитрий II. О его происхождении существуют разные версии. По всей видимости, он был выходцем из церковной среды. Лжедмитрий II был послушной марионеткой в руках польской шляхты.

Летом 1603 года он подошел к Москве, но взять столицу штурмом не удалось. Его отряд остановился в семнадцати километрах от Кремля, в местечке Тушино, за что самозванец получил прозвище “Тушинский вор”. В результате в России создалось два правительственных центра — в Москве и Тушино. Лжедмитрий раздавал тушинским перебежчикам, изменникам и полякам, чины, города и земли.

¹ Основы курса истории России. — С. 124—126.

Правительство Василия Шуйского, понимая, что не в состоянии справиться с отрядами самозванца, обратилось за помощью к северным соседям. В 1608 году был заключен договор со Швецией, по которому Россия отказывалась от своих претензий на Балтийское побережье, а шведы направили войска для борьбы с Лжедмитрием II. Русские войска при поддержке шведов под командованием талантливого полководца М.В. Скопина-Шуйского, племянника царя, провели успешные действия против польских захватчиков. Но впоследствии Швеция более помышляла о захвате Великого Новгорода и других русских земель, чем об их защите. Шведское войско покинуло армию Шуйского и стало грабить северо-восточные русские области¹.

Только опираясь на народ, можно было отвоевать и сохранить независимость Русского государства. В 1610 году патриарх Гермоген призвал своих соотечественников, рассылая по городам грамоты, к борьбе против захватчиков, за что был заключен интервентами в Чудов монастырь, где умер от голода. В начале 1611 года в Рязанской земле было создано первое ополчение, которое возглавил дворянин П.Ляпунов. В 1611 году земский староста Нижнего Новгорода Козьма Минин обратился с призывом к русскому народу о создании второго ополчения, которое он возглавил вместе с князем Д.Пожарским.

Какое участие в этих событиях принимало население Поморья?

Укрепившись в Тушине и осадив Москву, тушинцы стали захватывать центральные и северные уезды страны. Большинство городов центрального Поморья, не подготовленных к борьбе, вынуждены были признать самозванца. Но северные и северо-восточные уезды так и не подчинились воле Лжедмитрия II.

¹ Там же. — С. 129—131.

В 1608 году из Вологды на Вагу с грамотой самозванца явился представитель Лжедмитрия II Девятко Клементьев, чтобы привести население края к крестному целованию. Жители Важского края креста “вору” не целовали, “истинно, праворазумно и смышленно не колебались их умы”¹:

События “смутного” времени не раз ставили население Поморья перед необходимостью исполнения ратной повинности. Во время борьбы царя Бориса Годунова с самозванцем Гришкой Отрепьевым на театр военных действий через Москву были вызваны значительные отряды посошных людей из Холмогор, Тотьмы, Великого Устюга, Сольвычегодска и других волостей и уездов Поморья.² Затем посошные люди поморских городов были с царем Василием Шуйским под Тулою (1607 г.), а также, по свидетельству архангельского историка В.В.Крестинина, из Архангельска направлялись ополченцы в 1609 и 1610 годах, и наконец, участвовали северяне и в последнем ополчении Д.Пожарского³.

Мы располагаем документальными данными о всенародной борьбе с интервентами юго-восточных поморских городов. Вычегодско-Вымская летопись запечатлела хронику тех грозных событий: летом 1608 года “повеле государь Василий забрати с уезду Еренсково и с Великие Перми людей ратных семидесяти и ийти им к Москве”, “дозорили уезду Еренскова сошка Василей Ларионов, да подьячий Онурей Горохов”; в 1609 году “повелением государя Василея Ивановича с уезду Еренскова посланы люди ратные в Костромской уезд 66 че-

¹ Голубцов Н.А., Попов А.Н. Архангельский край в Смутное время. — С. 2.

² Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. — М., 1995. — С. 257.

³ Крестинин В.В. Краткая история о городе Архангельском. — СПб., 1792. — С. 98.

ловец, а с ним ратный голова Ивашко Григорьев вымич"; в 1610 году "велено взять 60 ратных людей к Вологде в полки князя Скопина-Шуйского"; в 1611 году "повелением князя Дмитрея Пожарского да Прокопия Ляпунова присланы с вычегодские пермские места на Ярославль ратные люди 50 человек"¹.

Признанием вклада жителей Вычегодско-Пермского края является грамота князя Дмитрия Пожарского, отправленная в октябре 1612 года яренскому воеводе Ф. Янову, в которой сообщалось о разгроме под Москвой гетмана Хоткевича. Одновременно Д. М. Пожарский предупреждал воеводу о возможном появлении поляков и литовцев на Вычегде.

Грабеж поляками крестьян под Вологдой дал толчок восстанию, которое началось в городе 29 ноября 1608 года. Восставшие арестовали сторонника тушинцев воеводу Федора Нащокина, других русских изменников. 1 декабря вологжане писали о победе восстания в Тотму, призывая местное население последовать их примеру — "жить и умереть за один, друг за друга". Они также просили скорей прислать "пушки затинные и селитру, тотчас, наспех не издержав". С победой восстания Вологда становится в Поморье центром борьбы с интервентами.

Следует отметить, что для всего Поморья и северных частей Замосковья князь М. В. Скопин-Шуйский был представителем государственной власти и военным руководителем с высшими полномочиями. Его "писания" имели силу указов, которым повиновались не только городские и уездные миры, но и государственные воеводы. По его "отпискам" местные власти собирали ратных людей и готовы были отпустить их "всход, где велит

¹ Вычегодско-Вымская летопись // Родники пармы. — Сыктывкар, 1989. — С. 30—31.

быти государев боярин и воевода князь М.В.Шуйский”¹.

В эти годы восстали многие русские города. Вот как образно описал эти события знаменитый русский историк Н.И.Костомаров: “Вслед за Костромой восстали снова Галич и Соль-Галицкая. Приговорили собрать по двадцать человек с сохи; готовились идти все своими головами. Галичане послали гонцов в северные города, извещали, что литовские люди и русские изменники воюют села, разоряют церкви; обдирают образа; бьют крестьян, бесчестят женщин. Умоляли о помощи. Писали, что литовские люди и воры намереваются идти на Вологду и на Сухону воевать дальние места. По таким отпискам устюжане и сольвычегодцы собрали вновь по 5 человек с малой сошки на “заставу” и послали в Вологду на соединение с ополчениями Вологды и Тотьмы. Кроме устюжан и сольвычегодцев собирали ратных людей и отправляли в Вологду также белозерцы, чарондцы, каргопольцы, жители берегов Ваги и Двины. Этот город сделался сборным средоточием восстания для всего Севера”².

Вновь обратимся к документам. По призыву вологжан, устюжане, не признавшие Лжедмитрия II, выслали своих ратников во главе с подьячим Шестаком Копниным в Вологду. 16 декабря 1608 года сюда прибыли и ратные силы из Сольвычегодского уезда. 18 декабря пришли 60 ополченцев из Яренского уезда во главе с ратным головой Григорием Серединым и пятидесятником Василием Гентюковым. Подспела боевая подмога с Двины, Ваги, из пермских и вятских уездов. Объединенные ратные силы были направлены к Галичу и Костроме. Один из отрядов под командованием Лариона

¹ Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты.... — С. 252—253.

² Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия, 1604—1613. — М., 1994. — С. 442.

Монастырева был послан в Пошехонье, основная территория которого была освобождена от тушинцев в середине декабря 1608 года¹.

Новая волна восстания поднялась в феврале 1609 года. К этому времени почти вся территория Поморья была освобождена от поляков и русских изменников. Белозерско-кагопольскую группу народного ополчения возглавил Богдан Трусов, двинскую — Федор Стафуров, вычегодско-устюжскую — Василий Дербышев. Воеводами всего поморского ополчения стали Ларион Трусов и Семен Скорятин.

9 февраля прибыли ратные люди от князя М.В.Скопина-Шуйского, а объединенные силы возглавили профессиональные воеводы Н.В.Вышеславцев и Г.Н.Бороздин. Поморское ополчение двинулось к Соли Галицкой и Костроме, где велись военные действия.

В 1607 году ополченцы Важского уезда сражались под Тверью, 55 кеврольцев — под Ростовом, яренчане — под Кашиным. Если в начале мая 1607 года М.В.Скопин-Шуйский вышел из Новгорода, имея 5 тысяч ратных людей, то в начале августа под Калезиным у него уже было до 20 тысяч человек, многие из которых были ополченцами поморских уездов.

Как уже отмечалось, посланцы Поморья героически сражались под Тулою. Ратные сборы с поморских городов проходили ежегодно, особенно много воинов было призвано в 1608—1609 годах. В середине апреля 1609 года Великий Устюг послал на поля сражений свою “пятую рать, пятьсот человек”, а в мае того же года начал собирать шестую рать².

В начале 1610 года под ударами войск М.В.Скопина-Шуйского, основную часть которых составляли опол-

¹ Васильев Ю.С. Борьба с польско-шведской интервенцией... — С. 53—54.

² Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты... — С. 257.

ченцы поморских и северных замосковных уездов и городов, сначала тушинцы сняли осаду Троице-Сергиева монастыря, а затем совсем развалился и тушинский лагерь. 12 марта 1610 года объединенные войска М.В.Скопина-Шуйского вошли в Москву¹.

Однако обстановка в стране оставалась напряженной. Скоропостижная кончина полководца М.В.Скопина-Шуйского вызвала толки, народная молва обвиняла в его смерти царя Василия Шуйского, который был свергнут с престола. Власть перешла в руки семибоярщины во главе с князем Ф.И.Мстиславским. Правители-бояре пригласили на русский престол Владислава, сына польского короля. Москва вновь оказалась в руках польских интервентов. Страна снова стояла на краю гибели.

В начале 1611 года в первое народное ополчение брали по три даточных ратника с малой сошки. С черных и дворцовых волостей Белозерского уезда собирали "по 10 рублей с сохи на ратные люди за 6 человек". В состав этого ополчения вошли 50 ратных людей с Перми, 50 человек с Яренска, большая рать с Двинского, Важского, Устюжского, Вологодского и других поморских уездов. Первому ополчению не удалось освободить Москву².

В январе 1612 года князь Д.Пожарский обратился с грамотой к поморским городам, призывая их к народной освободительной борьбе. Ратные люди Поморья сосредоточивались в Ярославле и Вологде. В июне 1612 года поморское войско под командованием П.И.Мансурова вышло в освободительный поход, а 26 октября второе народное ополчение освободило Москву.

¹ Васильев Ю.С. Борьба с польско-шведской интервенцией... — С. 56—57.

² Там же. — С. 58—59.

Не менее важной задачей, чем набор ратников, был сбор средств на формирование ополчения. Здесь роль Поморья, особенно Соловецкого монастыря, была поистине неоценимой. В 1609 году воевода М.В.Скопин-Шуйский обратился в православную обитель с просьбой “о присылке монастырская казны”, а затем и сам царь Василий Шуйский направил в Соловки грамоту: “а нам та казна давати всяким служилым людям на жалованье”¹. О том, как была выполнена царская просьба, мы узнаем из другой грамоты, в которой царь Василий Шуйский пишет: “мол прислали нам с соборными старцы... три тысячи сто пятьдесят рублей, да Печенского монастыря казны триста девяносто восемь рублей и двадцать пять алтын... да сто пятьдесят ефимков, да ложка серебряная, да в прошлом во 117 году... послали монастырская казны две тысячи рублей”². По тем временам это были огромные деньги.

Крестьяне и посадские люди Поморья должны были давать (отсюда — даточные люди) со своих поземельно-тяглых единиц — сох (отсюда — посошные люди) определенное количество ратных людей в правительственные войска. Служба даточных людей начиналась со времени прибытия их к назначенному месту на мирских подводах и на свои средства. Являться на службу они обязаны были при своем оружии. В период службы даточные люди кормились за счет своих крестьянских и посадских миров. В Важском уезде в 1608 году выдавали даточные “на корм человеку по 1-2 рубля в месяц”³. Деньги эти собирались с посадских людей и крестьян уездов. Уходя на службу, даточные люди давали клятву “со службы не сбежать” и закрепляли ее кресто-

¹ ААЭ. — Т. 2. — С. 135.

² Там же. — С. 144.

³ Васильев Ю.С. Борьба с польско-шведской интервенцией... — С. 50—51.

целовальной записью. За их службу несли ответственность родственники и соседи, дававшие специальные поручные записи. В качестве примера приведу выдержку из поручной Ростовской волости: "А службы ему Никита не бежати без воеводского указу, а будет эбежит... и на мне на поручике уезде и прогоны и моя порутчикова голова в его головы место"¹.

Сбор средств на нужды обороны с населения Русского Севера продолжался и в последующие годы. Правительство Михаила Романова собирало с крестьян и посадских людей Поморья старые налоги, а в 1612 — 1614 годах был введен и ряд новых налогов: пушечные деньги, поставка хлебных запасов или деньги на жалование ратным людям, а также появились чрезвычайные сборы средств, так называемые запросные, или пятинные, деньги.

По примерным подсчетам историка С.Б.Веселовского, в 1613 — 1614 годах только с Двинского уезда было взято окладных и накладных налогов на 28661 рубль и чрезвычайных налогов на сумму 9200 рублей².

В то же время жителям Поморья приходилось защищать и свой край.

В 1612 году остатки разбитых отрядов поляков, литовцев, черкас (малороссийских казаков) и бывших тушинцев устремились на Русский Север пограбить богатые поморские города и монастыри. После разгрома войск гетмана Хоткевича (1612 г.) и Владислава (1618 г.) под Москвой часть этих отрядов также уходит в Поморье. Приведем печальную хронику этих кровавых событий: 10 июня 1612 года поляки, "воры" и изменники захватили и разграбили Белозерск, 2 августа — опустошили окрест-

¹ Голубцов Н.А., Попов А.Н. Архангельский край в Смутное время... — С. 49—50.

² Веселовский С.Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. — М., 1908. — С. 12, 18, 26—37, 81—82.

ности Кирилло-Белозерского монастыря; 20—25 октября жестокому разгрому была подвергнута Вологда, 5 декабря отряд Бобовского безуспешно штурмовал Кирилло-Белозерский монастырь, после чего была разорена Чаронская округа, 11 декабря отряд Песоцкого вновь попытался захватить Кирилло-Белозерский монастырь, после чего они грабили жителей побережий Кубенского озера и реки Сухоны, 17 декабря отряды Наливайко в последний раз безуспешно штурмовали Кирилло-Белозерский монастырь, 22 января 1613 года отряд Я.Яцкого захватил и разграбил Соль Вычегодскую, а 25 января подошел к Великому Устюгу, где получил достойный отпор, и, потерпев поражение под Кичгородом, откатился к Галичу.

В 1613 году большое количество польских отрядов сосредоточилось на юге Заонежья. Особенно пострадали от захватчиков Вытегорский и Андомский погосты-округа.

В ноябре 1613 года отряд в две тысячи человек под командованием Барышпольца и Сидорки двинулся на Онегу, пройдя мимо Каргополя, не решившись его штурмовать. Выйдя на реку Емцу, они встретили достаточно укрепленный Емецкий острог. Враги хотели обойти это укрепление лесом, но стрельцы и емчане устроили засаду. В ходе короткого боя защитникам удалось взять несколько человек в плен, а также захватить три боевых знамени. В память битвы с “воровскими людьми” эта местность в нескольких верстах от Емецкого прихода стала называться Ратонаволоком от слов “ратовать” и “волок”¹.

6 декабря 1613 года польско-литовские отряды в количестве 7000 человек подошли к первой столице Поморья — Холмогорам. Вот как описал эти события

¹ Орлов Н. Смутное время (начало XVII в.) и Русский Север // ИАОИРС. — 1913. — № 4. — С. 177.

“Двинской летописец”: “И из острогу воевода и дьяк высылали выласку, сотника стрелецкого Смирного же Чертовского, а с ним колмогорских стрельцов и колмогорских охотников, и воров встретили в Ерзовки. И воры хотели их от острогу отлучить, почали на лошадах объезжать, и сотник, виде то, с ратными людьми назад возвратился, и в острог пришли здраво. И, идучи в острог, посад за Перелоем против острогу и церковь Зосимы и Савватия зажгли, для того чтоб вора́м близь острогу не засесть. И воры стояв под острогом три дни, побежали назат на Вагу, а инни в Низовские волости и в Поморье, и тамо русских людей множество жгли, и мучили, и грабили, и побивали”¹.

Основные отряды грабителей “побежали мимо” Архангельска, разорив Николо-Корельский монастырь и поморские посады Неноксу, Луду, Уну. В Лодье “воры” “церковную казну всякую награбили и какие благословенные грамоты были, с того литовского разорения все грамоты изгибли”. В Нюхче они утащили с колокольни колокол в 100 пудов и потом оставили его в селе Толвуе.

Из Архангельска посылались подвижные отряды для истребления врагов. В документах можно прочесть об этих военных действиях: “посылали подъезды и посылки и на тех посылках воровских людей побивали (до 50 человек) и языков поимали”².

Разорив Устьонежскую волость, неприятель осадил Сумский острог, возведенный на средства Соловецкого монастыря и служивший аванпостом этой святой обители. Сумские крестьяне и стрельцы сделали вылазку и нанесли врагам жестокое поражение. Отступив от острога с большими потерями, “воровские люди” еще долгое время бесчинствовали в Повенецком уезде.

¹ ПСРЛ. — Л., 1977. — Т. 33. — С. 152.

² Голубцов Н.А., Попов А.Н. Указ. соч. — С. 18.

Постепенно их количество уменьшалось, и к 1616 году озлобленные крестьяне-поморы и стрельцы окончательно истребили незваных пришельцев. После чего Поморье могло наконец-то вздохнуть более или менее спокойно.

В исторической литературе достаточно полно освещено то затруднительное положение, в которое попало Русское государство в 1611—1612 годах. Его ослаблением пытались воспользоваться соседние государства — Речь Посполитая (Польша) и Швеция, а также Англия.

Известен один проект иностранной интервенции. Историк И.И.Любименко опубликовала английский план захвата и приведения под протекторат английского короля части территории Русского государства: земель вдоль Северной Двины и Важского понизовья с городами Архангельском, Холмогорами, Великим Устюгом, Тотьмой, Вологдой, а также Поволжья с Ярославлем, Нижним Новгородом, Казанью и Астраханью. Этот план был выработан представителями английских купеческих кругов и отражал давнее желание купцов полностью овладеть русским рынком и проложить торговый путь через Россию в азиатские страны. Проект был принят после обсуждения его Королевским Советом Якова I, и для ведения переговоров в Россию выехали послы Джон Мерик и Ульям Рассек. Однако английскому плану суждено было остаться на бумаге, так как к моменту приезда английских дипломатов на царский престол уже был избран Михаил Романов¹.

¹ Любименко И.И. Английский проект 1612 года о подчинении Русского Севера протекторату короля Якова I // Научный исторический журнал. — 1914. — П. 5. — Т. II. — Вып.3. — С. 1—16; Любименко И.И. Планы английской интервенции в России в начале XVII столетия // Советская наука. — 1941. — № 2. — С. 12—27.

Академик С.Ф.Платонов одним из первых обратил внимание на еще один захватнический частный план компании иноземных авантюристов.

Вот что он пишет: «Одновременно с правительственными планами созревали на Западе и частные попытки вмешательства в московские дела. Так, на походе своем из Ярославля к Москве Пожарский “с товарищи” должен был посчитаться с одной из таких попыток. К нему явился “шкоцкие земли немчан Яков Шав” посланцем от большой компании разноплеменных авантюристов, во главе которой стояли “начальный воевода и боярин Ондреян Флодеран и Лит из Пысжарские державы” и с ними несколько полковников — немцев, французов и англичан. В их числе был и известный нам Маржерет, служивший первому Самозванцу. Шав объявил, что вся эта компания направляется через Архангельск на Русь “для договору наемного войска иноземцев” в надежде, что она “всей земле приходом своим велику радость учинит”. Однако правительство Пожарского думало не так и отказало в найме “Ондреяну Фрейгерю с товарищи”, говоря, что они “оборонятся от польских людей и сами, Российским государством и без наемных людей”»¹.

Сразу после визита иноземцев в лагерь ополчения Д.Пожарский направил в Архангельск грамоту, адресованную воеводе И.Г.Долгорукому и дьяку П.Григорьеву. Им предписывалось зорко охранять первый порт России, держать хорошую стражу и “в лехких судех розъезжати и смотрити накрепко, чтоб с воинскими людьми корабли к Архангельскому городу не пришли и безвольно лиха не учинили”².

¹ Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVII—XVIII веках. — М., 1925. — С. 54.

² Жордания Г. Очерки по истории франко-русских отношений... — Ч. 1. — С. 312—313.

В середине августа 1612 года компания из Гамбурга прибыла в Архангельск. Однако организаторы не сумели набрать предполагаемого количества наемников. Архангельские власти приняли все меры к их изоляции. Незваные гости жили фактически на положении пленных в отдалении от первого порта России. В Холмогорах “на иждивении” находилось 52 наемника; 37 офицеров и солдат проживали в Ярославле. Летом 1613 года большая часть наемников во главе с Флореаном была отправлена из Архангельска восвояси. Летом 1614 года и вторая партия наемников выехала из России. Несколько проверенных человек во главе с Артуром Астоном остались на царской службе, где прослужили несколько лет¹. Так сорвалась еще одна авантюра “друзей России”.

Шведский полководец Яков Делагарди также строил планы экспансии Поморья. В 1613 году он дважды представлял своему королю проект захвата Холмогор и всего побережья Белого моря, а в конце года сделал попытку провести этот план в жизнь. Два польско-литовских отряда, служивших шведам, двинулись на север и пытались штурмом захватить поморские города².

Еще ранее Русский Север был ареной кровопролитных боев. Первый завоевательный поход на Суму и Соловки шведские королевские войска совершили в марте 1611 года. Шведский вооруженный корпус, состоявший из 1500 солдат, возглавлял А. Стюарт. Агрессоры разорили одиннадцать селений, но, не дойдя 150 километров

¹ Об этих событиях можно прочесть: Жордания Г. Очерки по истории франко-русских отношений конца XVII и первой половины XVIII в. — Тбилиси, 1959. — Ч. 1. — С. 297—378; Фруменков Г. Г. Западноевропейские проекты XVI—XVII вв. Завоевания Поморья и их крах // Историко-краеведческий сборник. — Вологда, 1975. — С. 57—62 и др.

² Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. — начало XVII в. — М., 1955. — С. 601.

до Белого моря, вынуждены были повернуть обратно. Их заставили уйти с нашей земли поморские крестьяне, которые при приближении шведских войск сжигали свое имущество, а сами уходили в леса и создавали партизанские отряды. Солдаты королевской армии ни за какие деньги не могли купить ни хлеба, ни соли. Им угрожала голодная смерть. Шведское командование вынуждено было повернуть назад от деревни Чюны, которая находилась в бассейне Кеми-реки¹. Так бесславно закончился первый поход шведов в Русское Поморье.

Летом 1611 года шведы совершили повторный поход к Белому морю. Шведские войска осадили Кольский острог, но взять его не сумели. Тогда они разорили несколько волостей и сел, в их числе Реболу, Котвис и Юшкозеро. Неприятель на судах подошел к Соловецкому монастырю и высадил десант в тридцати верстах от святой обители на западных островах, прозванных позднее "немецкими". Простояв достаточно долгое время, враг не осмелился сделать нападение на хорошо укрепленную и защищенную крепость.

Осенью шведы напали на Заонежские погосты, но и оттуда были прогнаны отрядом сумского воеводы М.В.Лихарева². Таким образом, военная компания 1611 года закончилась поражением и бегством интервентов³.

Разгромом шведских захватчиков руководил Соловецкий монастырь, который имел свое войско, насчитывавшее 1040 ополченцев, размещенных на Соловецких островах и в двух укрепленных острогах — в Суме и Кеми. Сохранилась переписка, которая велась шведски-

¹ Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Поморья. — Архангельск, 1975. — С. 37—43.

² Орлов Н. Смутное время... — С. 175.

³ Фруменков Г.Г. Наш край в годы борьбы с польско-шведской интервенцией и крестьянской войны // Наш край в истории СССР. — Архангельск, 1974. — С. 18—20.

ми властями с православной обителью¹. Соловецкий игумен Антоний вступил в дипломатические переговоры со шведским королем Карлом IX и его военачальниками. Своими благоразумными и умелыми действиями он не дал возможности шведам отторгнуть северные территории России².

В память о “смутном времени” и избавлении от польско-шведских и литовских завоевателей по всему Поморью были построены православные храмы. В Архангельске к Преображенской церкви был пристроен “обетный придел во имя святителя Николая Чудотворца”. В 1614 году в Лодемском приходе был освящен “обетный храм” во имя Богоявления Господня. Церковный староста Варфоломей Павлов писал от имени всех крестьян Куростровской волости патриарху Филарету: в “прошлом де в 127 годе (1619 г. — В.Б.) приходили де на Московское государство Литовские люди и они де боялись от литовских людей войны и выменили образ Пречистыя Богородицы и Честнаго ея Успения и обрекли новый храм воздвигнути на новом месте на Государственной порожней земле на лугу во имя Успения Пресвятыя Богородицы”. В Пингишенском приходе того же уезда в благодарность за избавление от литовского разорения жители, по благословенной грамоте Новгородского митрополита Исидора, построили Введенскую церковь, которая была освящена 17 декабря 1618 года³.

Очень много вкладов и пожертвований получил Соловецкий монастырь за заслуги в обороне Поморья в “смутное время”. Патриарх Филарет пожаловал крест “древомасличный, резной, обложенный серебром золоченым”, ладаницу, отделанную “сканью с финифтью и с

¹ Голубцов Н.А., Попов А.Н. Указ. соч. — С. 40—46.

² Краткое историческое описание монастырей Архангельской епархии. — Архангельск, 1913. — С. 40—46.

³ Голубцов Н.А., Попов А.Н. Указ. соч. — С. 67.

каменьями”, а также разную церковную утварь, книги и иконы. Князь Д.Пожарский пожертвовал Евангелие, “обложенное атласом золотым” с каменьями и жемчугом, а также другие церковные книги. После смерти полководца в святую обитель поступила его сабля с серебряной оправой и дорогими каменьями. Окольный князь С.В.Прозоровский передал Соловецкому монастырю палаш в серебряной оправе с драгоценными каменьями, принадлежавший полководцу М.В.Скопину-Шуйскому¹.

Нашествие “литовских панов и русских воров” сохранилось в памяти жителей тех местностей, где проходили военные действия. Любопытного читателя можно адресовать к работе Н.А.Криничной “Предания Русского Севера”, в которой опубликованы многие из народных легенд, связанных со “смутным временем”².

¹ Там же. — С. 68—69.

² Криничная Н.А. Предания Русского Севера. — СПб., 1991. — С. 79—83.

ПЕРВЫЕ ВОРОТА РОССИИ

первых же строк этой главы я хочу привлечь внимание читателя к небольшой, но важной и принципиальной дискуссии. Известный ученый, доктор исторических наук В.В.Мавродин в предисловии к книге К.И.Коничева "Петр Первый на Севере" написал такие слова о нашем городе: «Получив "окно в Европу", пробитое на берегах Балтики, Россия, естественно, в значительной мере утратила интерес к той "форточке" на берегах Белого моря, которой являлся Ар-

хангельск»¹. Интерес к беломорской международной торговле с основанием Петербурга действительно упал. Это стало возможным благодаря жестким дискриминационным мерам по отношению к первому российскому порту, предпринятым царем-преобразователем Петром Первым. Но вызывает сомнения правомерность характеристики архангельского порта как “форточки”. Старший брат Петербурга Архангельск был даже не окном в Европу, а воротами Российского государства в XVI—XVII веках. Подтверждением этому служит признание знаменитого шведского полководца Якова Делагарди, которого нельзя заподозрить в необъективности. В 1646 году он назвал Архангельск “первыми воротами Российского государства”².

Приморский город Архангельск возник прежде всего как первая и единственная международная пристань России конца XVI — XVII века. Древние Холмогоры — первая столица Поморья — не могли быть морским портом из-за мелководья Северной Двины и многочисленных протоков вокруг торгового посада. Столица Севера закономерно была перенесена на ключевое место — Пур-Наволоцкий (“бурный” или “снежный”) мыс, откуда великая северная река, разделяясь на многочисленные русла, устремлялась к Гандвику — Белому морю. Молодая столица Севера сначала называлась Новым Холмогорским городом, или Новохолмогорами. Город-порт возник на месте Михайло-Архангельского монастыря, поэтому молодая северная столица считала своим небесным покровителем архангела Михаила, и

¹ Петр Первый на Севере. — Л., 1973. — С. 6.

² Огородников С.Ф. Значение Архангельска при Петре Великом // Петр Великий на Севере: Сб. статей и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере. — Архангельск, 1909. — С. 1.

вскоре за ней закрепилось лаконичное, могучее и звучное название — Архангельск.

Михайло-Архангельский монастырь хотя и был головным в Двинской земле, но, как мы узнаем из писцовых книг князя В.А.Звенигородского, отличался скромными размерами: в нем было две деревянные церкви, келія игумена да тридцать братских келий, в которых проживали 42 старца¹. Историк А.И.Копанев приводит ряд документов, из которых видно, что Михайло-Архангельский монастырь к моменту возникновения города-порта переживал не лучшие времена. Царский указ от 4 мая 1551 года свидетельствует, что после 1543 года из монастыря ушли 23 монаха из 35. Другая царская грамота 1542 года объясняет запустение обители недоходом: “во всем Поморье, по многие леты хлеб морозом побивает и водою потопляет и песком засыпает”².

Тем не менее в фундаментальной работе историка Н. Костомарова я обнаружил любопытное известие о том, что еще до основания Архангельска вблизи Михайло-Архангельского монастыря был построен английский гостиный двор, а при нем четыре дома. Там была и первая “вступательная пристань”³.

Однако вернемся к документам. В летописи о возникновении города на Северной Двине говорится так: “В лето 7092-е (1584 — В.Б.) приехали с Москвы воеводы Петр Афанасьевич Нащокин да Залешанин Микифоров Волохов и Архангельский город деревянной по-

¹ Сибирцев И.М. Исторические сведения из церковно-религиозного быта г. Архангельска в XVII и первой половине XVIII века. — Архангельск, 1894. — С. 2.

² Копанев А.И. О государственных налогах черносошных крестьян середины XVI века // Проблемы истории феодальной России: Сб. статей к 60-летию проф. В.В.Мавродина. — Л., 1971. — С. 131.

³ Костомаров Н. Очерк торговли Московского государства в XVI—XVII столетиях. — СПб., 1862. — С. 64.

ставили одним годом на Пурнаволоке над Двиной рекою за тридцать верст от устья той Двины реки. А поставили город круг Архангельского монастыря и съехали к Москве”¹. Итак, согласно этой грамоте, год основания Архангельска — 1584. Эта дата подтверждается еще одним документом — грамотой царя Михаила Федоровича, выданной двинскому воеводе Н.М.Пушкину, в которой говорится, что “в 1584 году блаженные памяти Царь и Великий Князь Иван Васильевич всея Руси велел поставить на Двине город для корабельной пристани”². Но не все историки и краеведы соглашаются считать этот год датой основания города-порта и выдвигают версии о том, что Архангельск возник раньше.

Одни исследователи склонны относить возникновение Архангельска по времени появления Михайло-Архангельского монастыря. И это обоснованно. История многих средневековых городов восходит к тому времени, когда на месте будущего города возникает первое поселение. Правда, и относительно даты зарождения монастыря мнения историков разделились. Одни, начиная с первого историографа Архангельска В.В.Крестинина, считали, что древняя архангельская обитель возникла в XII веке. Крупнейший специалист по истории Севера А.А.Шахматов в своей работе “Исследование о двинских грамотах XV века” отнес появление монастыря к 1388 — 1444 годам.

Современный исследователь В.Ф.Андреев при подготовке своей статьи “О дате основания Михайловского Архангельского монастыря” провел кропотливую работу по уточнению датировки благословенной грамоты новгородского архиепископа Иоанна архангельскому игумену Луке и установил хронологические рамки ее появления:

¹ ПСРЛ. — Л., 1977. — Т. 33. — С. 150.

² Крестинин В.В. Краткая история о городе Архангельском. — С. 157.

не ранее 8 февраля 1389 года и не позднее 20 января 1415 года¹.

Мы также располагаем документальным историческим свидетельством о том, что в 1419 году, мурманы (норвежцы) сожгли "Архистратига Михаила монастырь"². В списке Двинских земель 1471 года упоминается Соломбала³. Надо полагать, что это древнее поселение возникло рядом с Михайло-Архангельским монастырем.

Таким образом, текст благословенной грамоты, ее датировка и последующие документы позволяют сделать вывод о том, что Михайло-Архангельская обитель возникла не позже второй половины XIV века как головной монастырь Двинской земли в период новгородского правления. Думаю, что с этого времени правильнее вести отсчет начальной истории Архангельского города.

Другая группа историков не согласна считать датой основания Архангельска 1584 год⁴, выдвигая в качестве основного аргумента царскую грамоту от 4 марта 1583 года, адресованную воеводе П.А.Нащокину и Н.Волохову, о постройке Архангельска: "Город делати на том месте и по той мере, по росписи и по чертежу, какову есте роспись и чертеж к нам прислали, наспех, теми пошными людми, которую посоху к тому к городовому делу есмя указали..."⁵. В 1582—1583 годах началась за-

¹ Андреев В.Ф. О дате основания Михайловского Архангельского монастыря // Культура Русского Севера. — Л., 1988. — С. 68.

² Титов А.А. Летопись двинская. — С. 7.

³ ААЭ. — СПб., 1836. — Т. 1. — № 94. — С. 73.

⁴ Никашидзе Н.Т. Русско-английские отношения во второй половине XVI в. — Тбилиси, 1955; Лукин Ю.Ф. Начало // Следопыт Севера: Историко-краеведческий сборник. — Архангельск, 1986. — С. 170—182; Богуславский Г.А. Когда был основан Архангельск? // Известия Всесоюзного географического общества. — 1988. — Т. 120. — Вып. 5. — С. 459—464 и др.

⁵ ААЭ. — СПб., 1836. — Т. 1. — С. 380.

готовка и вывозка леса для строительства города. В мае 1583 года северные плотники принялись за работу¹. Вопрос о дате возникновения Архангельска можно считать принципиальным. Надеюсь, что установить истину поможет выявление дополнительных исторических источников и проведение тщательных археологических раскопок.

Однако еще более важным представляется другой вопрос — о причинах возникновения первого порта России. В.В.Крестинин дает на него вполне определенный и недвусмысленный ответ: “заведенные на Двине Российские с Англичанами и Голландцами торги, посредством мореплавания сих иноземцев”². С.Ф.Огородников конкретизирует эту причину. Он считает, что Архангельск был основан в связи с англо-голландской торговой конкуренцией, поэтому Московское правительство “для выхода из такой дилеммы разрешило задачу соответственно нуждам и государственным интересам — избранием на Пур-Наволоке места для новой торговой пристани, которая была бы независима от пристани св. Николая. Вот, по нашему мнению, истинное происхождение Архангельска, то есть причина, вызвавшая постройку нового города, что подтверждается и датированною англичанами в 1586 году новой привилегиею, по постройке уже города”³.

¹ Акты Лодемской церкви Архангельской епархии. — СПб., 1908. — С. 87—97; Овсянников О.В. Архангельский деревянный “город” VI—XVII вв. — форпост России в Беломорье // История и культура Архангельского Севера. — Вологда, 1986. — С. 37—40; Любимов В.А. Поморье в системе российского государства во второй половине XVI века // История и культура Важского края. — Вельск, 1992. — С. 11—12; Попова Л.Д. Архангельск. Очерк истории строительства. — Архангельск, 1994.

² Крестинин В.В. Краткая история о городе Архангельском. — С. 157.

³ Огородников С.Ф. Очерки истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. — С. 46.

Историк В.А.Кордт выдвигает свою концепцию: "Истинное происхождение нового города, — утверждает он, — связано с торговыми нуждами нидерландцев и их желанием получить надежную гавань... которая была бы независима от пристани св. Николая"¹. Краевед Ф.С.Томилов в числе главных причин называет то, что иностранные корабли из-за большой осадки и мелей на Северной Двине не могли подниматься до Холмогор². Эту точку зрения разделяют краеведы А.Н.Попов и Г.В.Тонков³. М.Ф.Кибирев справедливо полагает, что строительство нового города преследовало и военные цели, так как "Архангельский город был одним из крупнейших на Севере деревянных крепостных сооружений"⁴.

Всесторонний анализ причин возникновения города-порта предпринял профессор Поморского университета Ю.К.Новожилов⁵. Как нам кажется, он заглянул в корень вопроса, считая, что возникновение Архангельска в устье Северной Двины не было случайным явлением, а "связано прежде всего с дальнейшим развитием производительных сил и тем экономическим подъемом, который наблюдался в Двинской земле с конца XV века, ростом товарного производства в этом районе страны, чего не могло не учитывать правительство Ивана IV, отдавая приказ о строительстве нового города". Все

¹ Кордт В.А. Очерки сношений Московского государства с республикой Соединенных Нидерландов до 1631 г. // Сб. РИО. — СПб., 1902. — Т. СХVI. — С. LVI.

² Томилов Ф.С. Север в далеком прошлом. — Архангельск, 1947.

³ Попов А.Н. Архангельск. — Архангельск, 1928; Тонков В. Архангельск. — Архангельск, 1937.

⁴ Кибирев М.Ф. Архангельск. — Архангельск, 1959.

⁵ Новожилов Ю.К. К вопросу об основании города Архангельска // Уч. зап. АГПИ им. М.В.Ломоносова. — Архангельск, 1964. — Вып. 16. — С. 176—208.

другие причины возникновения первого порта России, сколь бы важными они ни были, являются производными.

От себя добавим, что к XVI веку складывается единый всероссийский рынок. В 1581 году шведы захватили город Ругодив (Нарву), главную корабельную пристань на Балтийском море. Царь Иван Грозный “велел у Колмогор поставить город и всяким торговым людям из всех государств позволял приходить кораблями к своему государскому Двинскому городу к пристанищу морскому”¹. Следует обратить внимание читателя еще на одно важное обстоятельство. В XVI—XVII веках произошло “открытие” и освоение поморами Урала, Сибири, Дальнего Востока. Огромное количество пушнины и других природных богатств “златокипящей государевой вотчины” настоятельно требовало “выхода”, в том числе и на международный рынок. Сухоно-Двинской речной путь к Архангельскому порту в полной мере способствовал разрешению этой проблемы.

По “росписи и чертежу”, присланным на Двину воеводам П.А.Нащокину и Э.М.Волохову, под “острог” и “город” с посадами, гостиные дворы и “животный выпуск” отводилось всего “пол-трети обежки” Двинской земли.

На этой небольшой территории, центром которой был Михайло-Архангельский монастырь, и был поставлен “город Архангельский, деревянный, на реке на Двине рублен в две стены, мазан глиною, а у города трое ворот”: Архангельские, Воскресенские и Покровские. В городе были установлены башни — Спасская, Воскресенская, Северная, Рождественская. Новый Холмогорский город был неплохо вооружен: “2 пищали затинные, медные, 17 пищалей затинных железных... В городе-ж

¹ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России... — Ч. 1. — С. 93.

двор зелейной (пороховой погреб — В.Б.), а в нем пищаль медная, полуторная, 2 пищали затинные железные, 73 самопола стрелецкие... А всего в городе находилось 36 орудий”¹. Далеко не каждая крепость имела такое количество орудий для обороны².

Одно из первых упоминаний об уже существующем городе содержится в документах, связанных с посольской миссией З.М.Болтина, посланной Иваном Грозным для встречи английского дипломата Джерома Боуса. В путевой грамоте можно прочесть такие слова: “...А Захарье (З.М.Болтину), взяв посла у Еремея человека, да ехети в Новгородок”³. Обращаем внимание читателя на то, как в путевой грамоте назван будущий Архангельск, — “Новгородок”.

Архангельский историк А.Г.Гемп обнаружил в Государственном архиве Архангельской области любопытный документ — данную (дарительную) грамоту, согласно которой один из воевод, А.Н.Залешанин-Волохов, подарил Михайло-Архангельскому монастырю “Двор свой на низу у Нового города”. Грамота датирована 28 июня 1584 года. Вполне очевидно, что к этому времени строительство деревянной крепости — “Новгородка”, “Нового города” — было завершено и воевода, собрав свои “вещички”, укатил в первопрестольную столицу.

Вместе с крепостью была сооружена и “государева корабельная пристань”. Это удостоверяет другой документ — отпись сотника И.Федорова от 28 декабря

¹ Огородников С.Ф. Очерки истории города Архангельска // Морской сборник. — 1889. — Т. ССVXXIII. — № 9. — С. 115—119; Новожилов Ю.К. К вопросу об основании города Архангельска. — С. 197—198.

² Разин В. История военного искусства. — М., 1940. — Ч. 2. — С. 230.

³ Куратов А.А. Ранняя история Архангельска в свете археографии и палеографии: Методические рекомендации для студентов. — Архангельск, 1984. — С. 8.

1584 года: "...наняли ратного казака к городу на три месяца да в перестой ратных казаков, что настояли у морской пристани"¹. Строительство города-порта осуществляли поморские города. М.М.Богословский опубликовал документ, содержащий сведения о том, что "тот архангельский город ставлен пятью городами (двинскими посадами — М.Б.) и Кевролью, и Мезенью"².

Первыми жителями Архангельского города, кроме монахов, были ратные люди — стрельцы, "ибо новостроенная крепость без гарнизона праздного не оставляется и на краткое время"³. В.В.Крестинин уточняет даже их количество: "Стрельцы, которые из 200 человек состоящий городской гарнизон в остроге содержали, кроме Холмогорских стрельцов". В 1587 году к новому городу были переселены деревенские пахотные люди и небольшое число посадских людей, переведенных из Холмогор и других двинских деревень и посадов. В.В.Крестинин называет их фамилии: Иван Иванов сын Косицын, Степан Фролов, Нестерка Яковлев, Сенка Борисов сын Голцова, Гришка Никифоров сын Овцына, Гаврилка Дмитриев, Гришка Заслонов, Юшка Мансуров, Нечайка Негодяев, Иванко Кирьянов, Гришка Иванов сын Ивашева, Аксенка Афанасьев и другие⁴. Многие из числа "переведенцев" принадлежали к "лучшим двинским людям". К примеру, Иван Иванов сын Косицын был внуком знаменитого холмогорского крестьянина-богатея, рыбопромышленника и купца Михаила Григорьева сына Косицына, ездившего в 1556 году вме-

¹ Там же. — С. 8—9.

² Богословский М.М. Земское самоуправление... — Т. 1. — С. 17.

³ Крестинин В.В. Исторические начатки о Двинском народе древних, средних, новых и новейших времен. — СПб., 1784. — С. 40.

⁴ Крестинин В.В. Краткая история о городе Архангельском. — С. 162.

сте с русским послом Непеем в Англию в качестве “гостя” “на немецких кораблях с товарами”. Возглавлял эту первую русскую торговую делегацию низовский крестьянин, купец и промышленник Фофан Макаров¹.

12 февраля 1587 года царской грамотой в новом городе был учрежден посад, куда прибыл первый двинской воевода В.А.Звенигородский. В этом же году завершается строительство деревянных гостиных дворов. Вся торговля с иностранными купцами сосредоточивается здесь. Город официально стал морским торговым портом².

В это же время поступило указание из Москвы переселить в Архангельск двинских “торговых людей”, которым надлежало “жить на посаде” и в “новом городе торговати”. В 1587 году было переселено двадцать шесть купеческих “товариществ”: шесть — из двинских городов, в основном из Холмогор, двадцать — из черных волостей. В 1587 году двинским купцам царской грамотой было строго предписано: “Жити им на посаде в новом Холмогорском городе торговати, а кормчемного питья и блядни и приезду лихим людям у себя не держати, и никаким воровством не воровати, а с немцы приезжими недружити, и товаров у них заморских на встрече и у города таем не покупати, и в государевых ни в каких делах хитрости не чинити...”³. Однако оказалось, что жизнь в новом городе при казенных порядках не позволила большинству из них добиться ожидаемых успехов. К 1596 году из 133 купцов здесь осталось 96, а в 1605 году — лишь 30, остальные, помимо

¹ Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. — Л., 1969. — С. 282.

² Летопись города Архангельска. — Архангельск, 1990. — С. 7.

³ Историческое описание Российской коммерции... сочиненное Михаилом Чулковым. — СПб., 1781. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 345.

умерших, не вынеся посадского ярма и “великих поборов”, “захудали” и “разбрелись” по старым местам. Многие из них просто сбежали, другие поступали хитрее: “оболгав” себя, утверждали, что “одолжали и осиротели”, и их было “от посаду велено оставить”, хотя позднее оказалось, что “они де люди прожиточные”; третьи (видимо, особо богатые) ухитрились “всякие подати” платить с архангелогородцами, но жить все-таки “по посадам и по деревням в старых своих дворах, верст за сто и за полтораста” от Архангельска¹.

Между тем подати регулярно взыскивались за сто тридцать семей. Архангелогородцы обратились в Москву с просьбой о дозволении создать отдельную общину, независимую от Холмогор. Царской грамотой от 26 марта 1596 года дозволение было дано, но положение жителей Архангельска мало изменилось. Монополия торговли с иностранцами всецело находилась в руках холмогорских, вологодских и других купцов².

Тяжелым бременем для первых посадских людей явилось расквартирование стрельцов. Они обратились с челобитной к царю: “...у нас же сирот твоих как приезжает весною к Архангельскому городу по два полка стрельцов и их ставят на наших сирот твоих посадских и на стрелецких дворишках с женками и детьми, избы и бани топят нашими дровами... и оттого в домишках нам чинится великое утеснение, а в промыслах наших всегда чинится помешка...”

Со стрельцами связана и жалоба холмогорцев, которые начали тяжбу между Архангельском и Холмогорами за право быть главным центром Двинской земли. В челобитной грамоте холмогорцев говорится: “...да они-ж

¹ Крестинин В.В. Краткая история о городе Архангельском. — С. 162—165.

² Сибирцев И.М. Исторические сведения из церковнорелигиозного быта г. Архангельска... — С. 4.

Двиняне обязывались ставить к Архангельску на стрельцов хлеб на 2 тысячи рублей”¹. Такая большая денежная сумма могла выделяться правительством на доставку продовольствия для двух стрелецких полков, расквартированных в Архангельске. Забегая вперед, сообщим читателю, что холмогорцы проиграли эту тяжбу, да иначе и не могло быть, ведь молодой город не по дням, а по часам “вырастал из пеленок”...

Как уже отмечалось в предыдущей главе, морской путь из Белого моря вокруг Скандинавского полуострова на запад, проложенный поморами, был известен в Западной Европе по рассказам русских дипломатов к концу первой половины XVI века. Из западноевропейцев, как уже известно читателю, первыми “открыли” Московию англичане: Ричард Чанселлор прибыл в устье Северной Двины 24 августа 1553 года. Позднее Двинская летопись сообщила, что суда “голландские и барабанския” также пришли на Двину. Крупный специалист по истории международных отношений академик И.Х.Гаммель считает, что первый голландский корабль, посланный в 1565 году по ходатайству Филиппа Винтеркёнига, пристал к берегам Лапландии. На Двину же первый голландский корабль Джиллеса Гоофмана прибыл в 1577 году². В 1582 году девять иностранных кораблей посетили устье Северной Двины, а в 1604 году к Архангельскому городу пришло двадцать девять английских, голландских и французских судов, на которых были привезены различные товары — от предметов роскоши и заморских лакомств до металлов и колоколов³.

¹ Огородников С.Ф. Очерк истории города Архангельска... — С. 140—142.

² Гаммель И.Х. Англичане в России... — Т. 2. — С. 182..

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — М., 1989. — Т. 7—8. — С. 370.

В период царствования Федора Иоанновича “правом приезда в Архангельск пользовались... торговые иноземцы всех наций...”. Влиятельный дьяк А.Щелканов старался содействовать процветанию северной столицы, благодаря ему были установлены торговые отношения с Францией. Он отправил во Францию и в Остзейские города приглашение приезжать на своих кораблях для торгова в Архангельск, обещая всяческую поддержку и содействие. Осенью 1585 года состоялся ответный визит двух делегатов из Франции. Французские корабли прибыли первый раз в Архангельск в 1586 году¹.

Кардинал Ришелье в своем “Политическом завещании” подчеркнул большое значение развития северной, в том числе русской, торговли: “Север безусловно нуждается в вине, уксусе, водке, каштанах, сливах и орехах; во всех товарах, которыми изобилует королевство... и тем легче вести эту торговлю, что можно вывозить отсюда лес, кожи, смолу и деготь”².

Французское вино — дорогой напиток, оно было доступно только состоятельным людям. Адам Олеарий — секретарь голштинского посольства в 1634—1635, 1636 и 1638—1639 годах — так описал употребление спиртного в России: “Для питья у простонародья служил квас, а также пиво, мед и водка... У самых знатных лиц, наравне с хорошим пивом, подаются за столом также испанское, ренское и французское вина, разных родов меда и двойная водка... Вино получают они через Архангельск в свою страну”³. В царствование Алексея Михайловича завоз французских вин резко возрос. В июле 1649 года из Москвы в Архангельск прибыл купец Дм. Федосеев с соболиной рухлядью, которая оценива-

¹ Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений... — Ч. 1. — С. 59—60.

² Там же. — С. 131.

³ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. — СПб., 1906. — С. 204.

лась более чем в 20 тысяч рублей. Пушнина была предназначена для продажи и обмена на всякие “узорочные товары” и “фряские (французские) вина”. Французское вино первого сорта составляло одну четверть всех вин, закупаемых в Архангельске на царский обиход¹.

Царский двор получал через Архангельск необходимые для себя товары. Интересна переписка с местными властями в июле—декабре 1626 года в отношении покупки для нужд двора всяких “фряских вин и пряных зелей”, а также “узорочных товаров” и ефимков. В архиве Оружейной палаты хранятся две отписки из Архангельска, полученные в Москве 27 ноября и 2 декабря, а также память Большого приказа от 19 декабря и список царской грамоты, отправленной 25 декабря на Двину воеводе Федору Васильевичу Волинскому и дьяку Ивану Остапову.

Из этой переписки мы узнаем, что в июле 1626 года была отправлена в Архангельск грамота с указом о приобретении на царский обиход в Архангельске у иноземцев и московских торговых людей заморских вин, пряностей и других продуктов к 135 году (сентябрь 1626 — сентябрь 1627 года). Закупку производили в Архангельске таможенные головы — гость Василий Юдин и Михайло Неупокоев с товарищами, а отбирали и оценивали товар торговые люди — три москвича, два московских немца, вологжанин, каргополец и холмогорец. Товар приняли и повезли в Москву двое двинских выборных целовальников. Те же таможенные головы по заказу Москвы закупали в Архангельске “узорочные товары и ефимки”, которые были отправлены в первопрестольную с двумя таможенными целовальниками².

¹ Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений... — Ч. 1.- С. 158.

² Там же. — С. 138—139.

Сведений о первых годах жизни Архангельска сохранилось немного. Находка и публикация каждого нового документа о юном граде становится местной сенсацией. Издательство Поморского университета выпустило в прошлом году сборник статей "Памятники архитектуры Русского Севера". В нем З.Д.Дмитриевой, М.И.Мильчик и А.Н.Чистиковым опубликованы два документа из ранней истории Архангельска. Память (грамота) двинского воеводы И.В.Милюкова игумену Кривецкого монастыря Михаилу от 15 декабря 1597 года позволяет нам узнать, что по царскому указу предстояло отремонтировать кровлю на крепостных стенах, которая простояла уже одиннадцать лет. В противопожарных целях предполагалось обмазать стены глиной. Впервые планировалось соорудить тайный подземный ход из крепости к Северной Двине. Больших усилий требовало сооружение обруби из бревен для укрепления берега реки. К проведению строительно-ремонтных работ привлекалось 150 человек "с топоры, и з заступы, и с кирками, и с лошадьми" со всей Двинской земли. Распоряжение двинского воеводы, как видно из грамоты, следовало выполнить незамедлительно¹.

Любопытные данные о молодом Архангельске — одно из первых описаний города-порта — содержат записи француза Жана Соважа, сделанные в 1586 году: "При входе в реку Двину до св. Михаила Архангела 12 льё, и все острова, между которыми ходят барки, и тут надобно плыть на барке, платить пошлыны из бревен заостренных и перекрестных; постройка его из бревен превосходна; нет ни гвоздей, ни крючьев, но так хорошо все сделано, что нечего похулить; хоть у строителей

¹ Дмитриева З.В., Мильчик М.И., Чистиков А.Н. Два документа из ранней истории Архангельска // Памятники архитектуры Русского Севера: Сб. статей. — Архангельск, 1998. — С. 43—54.

русских все орудия состоят в одних топорах, но ни какой архитектор не сделает лучше того, как они делают". Жан Соваж обратил внимание на оборонное значение города-острога: "Архангельск... составляет крепкий замок, где более двадцати пушек из красной меди, на хороших бастионах, и делают они ему сильную защиту..."¹.

Н.М. Карамзин просмотрел отписки из Холмогор за 1604—1605 годы в архиве Коллегии иностранных дел и привел в своей "Истории" перечень имен некоторых русских и голландских купцов и их товаров: "Июля в 24 день пришел к Колмогорскому городу (Архангельску) корабль Галанские же земли, города Астрадама, Галанские же земли к гостю к Ондреяну Лукьянову; Карабельщик на корабле Герт Саклис; кормщик Томас Валемс; а деловых бушманов 17 человек; а товару на корабле: 2 камышки яхонты лазоревы, поставлены в золоте, цена обоих 50 рублей; 120 золотников жемчугу; по 2 рубли с полтиною золотник; 476 золотников жемчугу, по рублю и по 26 алтын по 4 денги золотник... 24 зерна жемчужку, по 26 алтын по 4 денги зерно... 16200 ефимков, по 12 алтын ефимок; 200 литер золота и серебра пряденово, по 5 рублей литра, 8 ожерелей мусских капутельных, 4 стоячих, а 4 отложенных, по 20 рублей ожерелье; 33 поставы сукон лундышев (лондонских), по 30 рублей постав; 10 поставов сукон на страфили средние земли, по 13 рублей постав; 111 половинок сукон еренков, по 3 рубли половинка; 75 половинок сукон английских средние земли, по 6 рублей половинка..."².

¹ Записки о путешествии в Россию Жана Соважа Диеппского в 1586 году // Русский вестник. — 1841. — Т. 1. — С. 228—229.

² Карамзин Н.М. История государства Российского. — М., 1988. — Т. X, прим. 426. — С. 75.

Другой не менее знаменитый русский историк С.М.Соловьев уточняет количество судов и их приписку. В 1604 году первый порт России принял двадцать девять кораблей из Лондона, Амстердама и Диеппа¹.

Из Архангельска в Западную Европу отправлялись лес, смола, пенька, продукты зверобойного промысла, рыба. Воспользуемся данными И.Ф.Кильбургера. В 70-х годах XVII века из главной гавани России было вывезено 579 сороков соболей, 18742 штуки собольих хвостов, 598 собольих опушек, 288 сороков горноста, 325950 беличьих шкурок и другая драгоценная мягкая рухлядь².

В 1611 году в Архангельске случился первый большой пожар, сгорели дома и постройки на Стрелецкой, Пушкарной, Затинной и Посадской улицах. Это обстоятельство крайне затруднило для жителей города-порта уплату податей. Вновь последовало коллективное ходатайство архангелогородцев в Москву о даровании им независимости от Холмогор. 1 августа 1613 года была послана долгожданная грамота, утвердившая самостоятельность Архангельска³. Число жителей города стало быстро увеличиваться за счет торговых людей, крестьян и ремесленников. Из представителей посадских людей создается местное самоуправление, способствующее справедливому распределению различных сборов и повинностей. Город стал расширяться и обустраиваться, закипела его общественная жизнь...

В 1622 году на Двину приехал "писец Мирон Вельяминов с товарищи писать Двинской Земли". Его писцовая книга содержит самое раннее из дошедших до нас документальных описаний города-крепости. Из этого

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — М., 1988. — Т. 7—8. — С. 370—371.

² Кильбургер И.Ф. Краткое известие о русской торговле. — СПб., 1820. — С. 33—34; 54—56.

³ Сибирцев И.М. Исторические сведения из церковно-религиозного быта г. Архангельска... — С. 5.

документа мы узнаем, что в городе значилось 113 посадских дворов и 33 двора “приказного чина служителей”; кроме монастыря, имелись церковь архистратига Михаила и церковь Покрова, а также были “изба съезжая, пять житниц, тюрьма, двор зеленый. В городе же двор воеводский...” Из жилых и хозяйственных построек — “сто избышек да одиннадцать амбаров, поставленных для осадского времени”. Стена, окружавшая город, тянулась на 417 сажен¹. Согласно писцовой книге, на Архангельском посаде было два царских гостиных двора: один — “русских гостей”, на котором помещалось 84 амбара, 22 лавки и сарай, да у двора еще было 10 лавок. На этом дворе останавливались со своими русскими товарами “розных городов всякие торговые люди”. На том же дворе стояли амбары русских купцов — “московских и разных городов гостей и торговых людей”. Другой двор — “гостинный немецкий” — насчитывал 86 царских амбаров. На том же дворе стояли амбары иноземных купцов — “немецких заморских гостей и торговых немец”. Наряду с гостинными дворами, в Архангельске были частные дворы: голландцам принадлежало три двора, английским купцам и московским немцам — по два двора².

В писцовых и переписных книгах XVII века уже содержится значительная информация о беломорской столице: в 1622—1624 годах население города состояло из 447 человек, в 1646—1647 годах осталось 218 жителей, а в 1678 году население снова увеличивается до 465 человек. Нужды Архангельского посада в 1622—1624 годах обслуживало небольшое количество ремесленников — бочаров, сапожников и харчевников. Потребности населения в бытовых вещах и изделиях, необ-

¹ Летопись города Архангельска. — С. 9.

² Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений... — Ч. 1. — С. 118—119.

ходимых для судоходства, полностью удовлетворяли девятнадцать кузниц.

В эти годы в Архангельске уже работало 70 лавок, кроме того, у гостиных дворов располагалось 100 лавочных мест, 8 мест харчевых, 3 — бочарных, 2 — сапожных и 19 различных мест действовали только во время навигации¹. Таким образом, в первые полстолетия своего существования Архангельск выглядел еще “под-ростком” на фоне таких крупных торговых центров, как Холмогоры, Великий Устюг и Сольвычегодск.

15 июля 1636 года в Архангельске произошло печальное событие. Из “Двинского летописца” мы узнаем о том, что “был у Архангельского города пожар. И оттого пожара сгоре в городе Архангельске монастырь, церкви и кельи, и воеводской двор, и полгорода от Двины реки...”². Другой документ, хранившийся в Крестном монастыре, позволяет лучше представить масштаб бедствия: “...от того пожару выгорело и разломано Архангельского города городовые стены сто пятьдесят восемь сажен да три башни, да хлебных запасов сгорело сто тринадцать четвертей с осминою ржи, да семьдесят четвертей овса. Отнят было того монастыря, Никольского подворья (которое тоже сгорело — В.Б.) и острожные стены немощно ни которыми мерами, потому что от Архангельского монастыря и от Никольского подворья в городе было утеснение великое...”³.

Но город-порт быстро возродился из пепла. Тот же “Двинской летописец” сообщил: “И после пожару город построен по-прежнему, а монастырь Архангельский по-

¹ Овсянников О.В. Холмогорский и Архангельский посады по писцовым и переписным книгам XVII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. — Вологда, 1970. — Вып. I. — С. 201—202.

² ПСРЛ. — Л., 1977. — Т. 33. — С. 173.

³ Сибирцев И.М. Исторические сведения из церковнорелигиозного быта г. Архангельска... — С. 11.

ставлен за городом над Двиною же рекою в Нячерах, от города за версту”¹.

Как говорят на Руси, не было бы счастья, да несчастье помогло. В Архангельск потянулись и иностранные купцы из Холмогор. В середине XVII века в городе-порте уже насчитывалось 23 иностранных двора и 21 амбар, были построены прядильный и канатный заводы, 10 кузниц и 2 мельницы. Все эти постройки занимали береговое пространство от немецкого гостиного двора до Успенской “на бору” церкви². Вся эта местность называлась “сальным берегом”, так как именно здесь проходила оживленная торговля дарами Белого и Баренцева морей, и прежде всего салом морского зверя. Эта торговля приносила большие доходы царской казне. Из челобитной 1646 года архангельских купцов царю Алексею Михайловичу мы узнаем, что в казну поступало “таможенных пошлин тысячи по четыре, по пяти и больше”³.

В 1649 году “англичане всею землею учинили большое злое дело — государя своего Карлуса короля убили до смерти”. Царь Алексей Михайлович воспользовался этим обстоятельством и лишил английских купцов тех значительных льгот, которыми они пользовались при торговле через Архангельск. Больше того, вышел специальный царский указ “О высылке английских купцов из России и о приезде их токмо к Архангельску, за большое злое дело, государя своего Карлуса короля убили до смерти”. Многие российские историки, анализируя этот указ, выделяют обусловившие его появление экономический и политический мотивы, причем отмечают, что

¹ Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений... — Ч. 1. — С. С. 173.

² Памятная книжка Архангельской губернии за 1861 г. — Архангельск, 1861. — С. 16.

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — Т. 9—10. — С. 458.

казнь в Лондоне английского короля была лишь благо-
видным предложением, которым московское правительство
воспользовалось для устранения с русского рынка опас-
ных конкурентов российского купечества¹.

Нужно отметить, что благоприятную роль в осуще-
ствлении выгодной для России торговой политики сыг-
рал Новоторговый устав, принятый в 1667 году².

Обращая внимание читателя на важное обстоятель-
ство — строительство Архангельска как порта-крепос-
ти. После того как в 1667 году очередной пожар унич-
тожил многие торговые и посадские строения ("а в Ар-
хангельском городе и волею божею ныне погорело")³,
было решено начать каменное строительство. В Двин-
ской летописи сообщается, что в 1668 году были посла-
ны из Москвы "иноземцы градоделъцы Петр Марселис
да Валим Ширф, а велели им осмотреть у Архангель-
ского города место, где бы мочно построить город и гос-
тиные дворы каменные"⁴.

Строительство архангельских гостиных дворов было
возложено на девять поморских городов: Вологду, Кар-
гополь, Тотму, Великий Устюг, Сольвычегодск, Ча-
ронду, Вагу, Вятку, Кевролу, которые должны были
выделить работных людей и собрать деньги на строи-
тельство. Главным строителем каменного комплекса стал
М.Анцын, а после его смерти — Д.Старцев. К сожа-

¹ ДАИ. — Т. 3. — № 116. — С. 413; Алексеев М.П. Ан-
глия и англичане в памятниках московской письменности XVI—
XVII в. // Ученые записки Ленинградского госуниверситета. —
Л., 1947. — Вып. 15. — С. 84; Лурье Я.С. Русско-английские
отношения и международные отношения России до XVII в. — М.,
1961. — С. 419—487.

² Андреев А.И. Новоторговый устав 1667 г. (К истории его со-
ставления) // Исторические записки. — М., 1942. — Т. 13. —
С. 303—307.

³ ДАИ. — Т. 3. — С. 113.

⁴ ПСРЛ. — Т. 33. — С. 156.

лению, история сохранила имена лишь немногих строителей одного из самых грандиозных сооружений подобного типа в России: каменных дел мастеров Алексея Маркова и Максима Лохоцкого, мастеров декоративной кладки и бойниц Михаила Мартынова и Михаила Сидорова, коваля Селина Поздеева, холмогорских кузнецов Якова Микулина и Алексея Верецагина¹. Гостиные дворы строились шестнадцать лет (1668—1684 гг.) и призваны были выполнять не только торговые, но и оборонительные функции.

Во второй половине XVII века в структуре города оформилась Немецкая слобода, где жили иностранцы. Следует сказать читателю, что в портовом интернациональном Архангельске позднее были построены лютеранский, англиканский, мусульманский и другие храмы.

Н.М.Костомаров пишет, что в это время в Архангельск ежегодно приходило от 30 до 40 иностранных судов. В 1663 году царские власти по ходатайству иностранных купцов приняли решение о продлении ярмарки, которая проходила с 1 июня до 1 сентября. Но жизнь вносила поправки, и торг продолжался практически до конца сентября.

С открытием ярмарки правительство стало назначать для управления торговыми делами и сбора пошлин своего представителя из числа гостей, в подчинении которого были два таможенных головы и выборные целовальники. Таможенные головы выбирались из торговых людей московской гостинной сотни, а целовальники — из гостинной и суконной сотен. С 1658 года шесть целовальников выбирались из Ярославля и Костромы, а также из поморских городов — Вологды, Великого Устюга, Яренска и Сольвычегодска. В 1667 году по два це-

¹ Попова Л.Д. Архангельск. Очерк истории и строительства. — Архангельск, 1994. — С. 32—41.

ловальника направляли Каргополь, Великий Устюг и Сольвычегодск.

С возникновением Архангельска была устроена корабельная пристань, а при ней — таможенный двор. В 1635 году устье Северной Двины с обеих сторон было ограждено стрелецкими караулами, которые останавливали все плывущие в порт корабли¹.

Царским указом 1685 года наблюдение за иностранными кораблями и их охрана были возложены на созданную таможенную заставу, переименованная впоследствии в брандвахту².

“В 1689 году начальствующий Архангельском и корабельной гаванью стрелецкий полковник, — пишет Н.И.Костомаров, — должен был расспросить прибывающих через вожей или таможенных целовальников: нет ли в той стране, откуда они приходят, морового поветрия, и только после такого расспроса допускать ново-прибывший корабль к Архангельску”³. Другим требованием местных властей к капитанам прибывающих иностранных кораблей было не сбрасывать камни и песок, служившие балластом, в устье Северной Двины, а складывать их на берегу у пристани. Теперь читателю станет ясно происхождение многочисленных камней, до сих пор лежащих на берегу реки напротив Гостиных дворов.

Торговое и таможенное значение Архангельска с каждым годом возрастало. В 1650 году “приезжих торговых людей на Колмогоры перед прежними годами гораздо было мало, потому что по указу государя царя и

¹ Костомаров Н.И. Очерк торговли Московского государства в XVI—XVII столетиях. — СПб., 1862. — С. 66—67.

² Историческая заметка. Заселение двинского края новгородцами // Памятная книжка Архангельской губернии за 1870 год. — Архангельск, 1870. — С. 10.

³ Костомаров Н.И. Очерк торговли Московского государства... — С. 68.

великого князя Алексея Михайловича покупные в разных городах и уездах хлебные запасы в государеву казну везены мимо Колмогор, к Архангельскому городу, на продажу заморским немцом”, — читаем мы в документе, опубликованном “Архангельскими губернскими ведомостями” в 1869 году. О количестве этих “государевых хлебных запасов” можно судить по таможенным записям “проезжих и писчих пошлин”, которых было собрано 1191 рубль, 2 алтына, 6. полуденег¹. В Архангельске в эти годы уже существовали “корабельная пристань”, таможенная, для которой был куплен “двор, где таможенные пошлины собирают”, ежегодно проходила торговая ярмарка².

Мы располагаем данными о доходах, приносимых таможенной государственной казне. До 1689 года этот доход не превышал 72 тысяч рублей. В последующие годы таможенные пошлины и сборы возросли до 75 тысяч рублей³.

Ни один морской порт не может успешно работать без лоцманской проводки судов. В первом порту России профессия лоцмана на протяжении столетий, как правило, передавалась от отца к сыну. “Эта профессия, — как отмечает почетный доктор Поморского университета, историк-краевед Г.П.Попов, — одна из старейших, всегда пользовалась в морской среде особым уважением”⁴.

Лоцман — слово иностранное. В Поморье их называли корабельными вожами. Корабельные вожи появились в Беломорье еще до официального создания здесь

¹ Архангельские губернские ведомости. — 1869. — № 13,14.

² Сибирцев И.М. Исторические сведения из церковно-религиозного быта... — С. 16.

³ Костомаров Н.И. Очерк торговли Московского государства... — С. 77.

⁴ Попов Г.П. Ногою твердой стать при море... Штрихи к портрету Архангельского порта. — Архангельск, 1992. — С. 19.

первой в России лоцманской артели в 1613 году. Так, документ 1602 года сообщает о продаже корабельным вожем своего “дворового места” со всеми жилыми и подсобными постройками Николо-Корельскому монастырю. Фамилия вожа, к сожалению, осталась неизвестной¹.

В сентябре 1840 года капитан 1-го ранга Павел Федорович Кузмищев был назначен “состоять капитаном над Архангельским портом”. За десять лет пребывания на этом ответственном посту он сделал много полезного для развития Архангельского порта, улучшения быта морских служителей, проявил себя незаурядным исследователем морской истории Беломорья. Он разыскал в делах архива Архангельского губернского правления и опубликовал бесценные документы об архангельских вожах: “Лета 7182 (1674) марта в 20-й день, по Государеву Цареву и Великого Князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца указу, память корабельным вожем Проньке Игумному, Ермилке Дядькину, Ермолке Рокитину с товарищи. — В нынешнем во 182 году марта в день били челом Великому Государю... Подали вы Пронька с товарищи челобитную, а в челобитной написано: в прошлых-де годах, водили вы с моря к Архангельскому городу и от города на море корабли, и с того корабленого воженья в Государеву казну оброк платили два года; и чтоб пожаловал велел вам о том корабельном воженье дать память, противу прежняго своего Государева указу и по грамотам... А в прошлом 179 году, будучи на Москве, Архангельского города корабельные вожи Пронька Ефимов с товарищи, давали, с того корабленого вожевого промыслу, по десяти рублей на год; а в 180 году, колмогорец Ермолка Рокитин с товарищи, с того ж промыслу давали по тридцати рублей на

¹ Там же. — С. 21.

год и с Москвы съехали...". П.Ф.Кузмищев опубликовал еще одну грамоту (1690 года) — царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича — "память корабельным вожам Ивашке Олтуфьеву да Коземке Котцову с товарищи..."¹.

Из писцовой книги М.Вельяминова (1622—1624 гг.) стали известны имена двух корабельных вожей. В те годы ими числились Иван Степанов сын Ильин и Завьял Кобрев, проживавшие "в Архангельском городе на посаде"². Проводкой судов по сложным и изменчивым фарватерам в дельте Северной Двины могли заниматься только местные жители, которые досконально знали все особенности плавания "от взморья до городских пристаней". С годами они сформировали своеобразную артель, доступ в которую ревниво оберегался, поскольку работа эта оплачивалась заморскими "гостями" и местными купцами выше, чем любая другая³.

Архангельский историк С.Ф.Огородников в своем обстоятельном очерке о лоцманах пишет о том, что со временем корабельные вожи стали селиться в одном месте и создали "свой отдельный мир, так называемый лоцманский стан, отстоящий от Архангельска в 7 верстах, вниз по Двине. Стан этот группируется на Двинских островах, в семи деревнях, близко между собой лежащих: Верхние и Нижние Хвосты, Кальчино, Кавколо, Пустошь, Ильины Пески и Залохотье"⁴. В деревнях Верхние и Нижние Хвосты жила динас-

¹ Кузмищев П.Ф. Исторические сведения об Архангельских лоцманах. — СПб., 1864. — С. 301—311.

² Овсянников О.В. Холмогорский и Архангельский посады... — С. 202.

³ Попов Г.П. Ногою твердой стать при море... — С. 23.

⁴ Огородников С.Ф. Лоцманская артель в Архангельске // Сборник материалов об артелях в России. — СПб., 1873. — Вып. 1. — С. 77.

тия Урпиных, в Кальчино — Хабаровых, в Кавколо — Котловых, в Пустоши — Пустошных...¹

В 1705 году царь Петр Первый ввел для лоцманов яркую и необычную одежду на европейский манер: "...алый кафтан французский, комзол и штаны красного сукна", на голове им положено было носить парик и шляпу, а на ногах — чулки и башмаки. В середине XVIII века лоцманам была предоставлена особая привилегия — освобождение от воинской рекрутской повинности².

А теперь, уважаемый читатель, вновь вернемся в Архангельск середины XVII века. В 1646 году, опасаясь нападения "датских немцев", правительство для охраны первого порта России направило 600 московских, 200 нижегородских и 1000 холмогорских стрельцов. Так как "воинских людей к Архангельскому городу приходу тогда не было и впредь не чаемо", то московские и нижегородские стрельцы были отпущены в свои города, а местные холмогорские воины в большей своей части пополнили состав жителей Архангельска. Больше того, к полковой церкви архангельских стрельцов они присоединили свою церковь Рождества Пресвятой Богородицы. Освящение ее состоялось в 1652 году.

Через Архангельск Россия устанавливала все новые торгово-дипломатические связи. С 1659 по 1663 годы царь Алексей Михайлович вел переписку с "флорентийским князем Фердинандом". С 1655 по 1663, а затем с 1685 по 1689 годы ведется торгово-дипломатическая переписка с Венецией, в которой обсуждаются вопросы о свободной торговле республики с Архангельском. Переписка XVII века с итальянскими государствами занима-

¹ Чесноков И. Архангельского порта лоцман // Архангельск. — 1998. — 23 июня.

² Попов Г.П. Ногою твердой стать при море... — С. 24.

ет обширный том, превышающий 1698 колонок!¹ Вот где поле деятельности для молодого исследователя.

Осенью 1656 года от северной корабельной пристани на голландских кораблях отправились в Венецию царские посланники — стольник Чемоданов и дьяк Постников, которые везли с собой царские и патриаршие товары на продажу. Морской путь для царских купцов-дипломатов был нелегок: им пришлось испытать шторма, туман, пиратские налеты. Зато по прибытии во Флоренцию их ждал грандиозный прием. Великий герцог Фердинанд Медичи, устроивший русским послам торжественную встречу, задал им вопрос: “Великий государь ваш пожалует ли моих подданных, торговых людей, велит ли у Архангельска покупать икру и другие товары?”. Ответ Москвы был утвердительным. 22 января 1657 года венецианским посланникам было объявлено, что их купцам разрешено торговать у Архангельска повольною торговлею, с уплатой традиционных во всех портах пошлин.

В 1659 году из Архангельска с очередным визитом в Венецию отправился царский посланник Лихачев, которому был оказан еще более пышный прием². Так Архангельск, первый порт России, выходил на широкий европейский рынок...

Для поднятия авторитета Архангельска большое значение имела поездка новгородского митрополита Никона, впоследствии патриарха всея Руси. В феврале 1652 года царь Алексей Михайлович совместно с духовенст-

¹ Памятники дипломатических сношений древней России с папским двором и с итальянскими государствами. — СПб., 1871. — Т. 10; Рутенбург В.И. Итальянские источники о связях России и Италии в XV в. // Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященных 75-летию С.Н.Валка. — М.; Л., 1964. — С. 455—462.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен.. — Т. 9—10. — С.521—527.

вом принял решение о перенесении мощей святителя Филиппа Колычева — великого игумена Соловецкой обители, митрополита Московского и всея Руси — в московский Успенский собор. Исполнение этого решения было поручено новгородскому митрополиту. С путешествием Никона были связаны многочисленные распоряжения правительства, а в его громадную свиту входили многие духовные и светские лица. Нас сейчас интересуют прежде всего посещения Никоном Архангельска, в котором он побывал дважды.

О первом — кратковременном — визите, состоявшемся 12 — 14 мая, почти не сохранилось сведений. 14 мая 1652 года Никон и его свита на судах вышли в море, взяв курс на Соловецкий архипелаг. Во время сильной бури многие его спутники погибли, а он вынужден был вернуться в Архангельск.

В первом порту России митрополит Никон находился с 22 по 29 мая. Будущий патриарх посетил местные церкви, дал разрешение на освящение церкви Рождества Пресвятой Богородицы, выдал благословенную грамоту по челобитью крестьян Кехотской волости на постройку церкви во имя их земляка “преподобного Антония, игумена Сийского монастыря”, разрешил спорные дела между Архангельском и Спасским монастырем о земле...¹

Обратный путь митрополита Никона с Соловецкого монастыря лежал через Онегу, минуя Архангельск. Но с обстоятельствами этого путешествия связана уже другая страница жизни будущего патриарха, о чем рассказано в первой книге трилогии — “Заволочье”.

В 1666 году патриарх Московский и всея Руси Никон был сослан в Ферапонтов монастырь. В делах Вологодского государственного архива сохранилась выпи-

¹ Сибирцев И.М. Исторические сведения из церковно-религиозного быта... — С. 25—26.

ска от 1674 года о том, что в Архангельск ходил дощаник (большая речная грузовая плоскодонная лодка с палубой или полупалубой и мачтой — В.Б.) опального патриарха Никона с вологодскими судовыми работниками.

В XVII веке речные пути к Архангельску приобрели важное значение для торговли. В Вологодском архиве сохранился редкий документ — поручная запись вологжан за Ивана Комарова, подрядившегося 13 мая 1684 года у Прокофья Саватиева доставить “в своих судах и в барках своими наемными работными людьми и носники и кормчики великих государей казны поташу (щелочная соль, вывариваемая из древесной и травяной золы — В.Б.) триста тридцать бочек... с Вологды к Архангельскому городу”.¹

По Сухоно-Двинскому водному пути с открытием навигации и до поздней осени непрерывно шли суда, а иногда целые караваны дощаников с хлебом, солью, рыбой, мехами, кожами, железом, ядрами, оружием и другими отечественными и заморскими товарами. Профессия носника — речного лодмана — приобреталась длительным опытом и передавалась из поколения в поколение.

В архивных документах мы находим такие слова: “А они, носники, с того своего промыслу платят великому государю в казну новую прибыль — десятую деньгу, и всякие подати платят и службу служат с миром в ряд”².

Эти и другие документы наглядно показывают, что с открытием первого порта России нашли выход в Евро-

¹ Мясникова Л.Н. Документы ГАВО (Государственный архив Вологодской области) о судостроении в XVI — начале XVII вв. // Историческое краеведение и архивы. — Вологда, 1997. — С. 115.

² Колесников П.А. Организация нижнесухонских носников в XVII в. // Русское государство в XVII веке. Сборник статей. — М., 1961. — С. 197.

пу и русские традиционные товары, а река Северная Двина стала не только главной торговой улицей, но и, без преувеличения, — Великим северным речным путем, успешно конкурировавшим с другим Великим речным путем — Волжским.

Как уже отмечалось в других главах, история Архангельска тесным образом связана с именем Петра Первого. 18(29) декабря 1708 года был принят указ Петра Первого “рописать горада частями, кроме тех, которые во 100 верстах от Москвы к Киеву, Смоленску, к Казани и к Архангельскому”¹. Позднее к этим первым шести губерниям присоединились Ингерманландская (Петербургская) и Сибирская, а из Казанской выделались Нижегородская и Астраханская губернии. По этому документу Архангельск стал губернской столицей, а губерния стала именоваться Архангелогородской. Новообразованная губерния простиралась от границ Финляндии и Норвегии (Шведское и Датское королевства) до Урала (Сибирская губерния), включая территории нынешних Архангельской, Вологодской, Мурманской областей, республики Коми, части республики Карелии, Кировской и Костромской областей. На юге и юго-западе Архангелогородская губерния граничила с Московской и Ингерманландской губерниями.

Первым архангелогородским губернатором стал двинской воевода ближний стольник князь Петр Алексеевич Голицын².

Архангельск в XVII веке был единственным российским морским портом, через который шел основной международный товарообмен. Первые ворота государства по сути дела предопределили в годы Северной вой-

¹ Шумилов Н.А. Архангельская губерния (К 280-летию со дня образования) // Памятные даты Архангельской области. 1988 год. — Архангельск, 1987. — С. 51.

² Полное собрание законов Российской империи. — СПб., 1830. — Т. 4. — С. 397.

ны (1700—1721 гг.) успех России в затяжной борьбе против Швеции, так как отечественная промышленность долго не была в состоянии обеспечить петровские армию и флот оружием, боеприпасами, обмундированием и другим снаряжением. Основные партии военных грузов поступали в Россию из западноевропейских стран исключительно через Архангельск.

Приведем документальные данные. 1710 год явился весьма удачным годом для внешнеторгового оборота Архангелогородской ярмарки. В это время Архангельск еще сохранял монопольное положение единственного русского морского порта. Сумма товаров, приобретенных иностранными купцами на ярмарке в 1710 году, достигала 1463,7 тысяч рублей. Общая сумма проданных иностранцами товаров равнялась 1237 тысячам рублей. Среди ввезенных в Архангельск иностранных товаров первое место занимали сукна и суконный лоскут, металлы и изделия из металлов. В группе металлов преобладали медь и свинец, а основным их потребителем было государство¹.

Архангельский историк-краевед А.М.Кондрескул опубликовал любопытные результаты своего исследования. За годы Северной войны в Архангельске побывало 3195 иностранных судов, а сумма всех таможенных сборов в порту только за 1710—1721 годы составила более двух миллионов семисот тысяч рублей. Привоз в основном составляли товары, необходимые для успешного ведения войны: сера, медь, проволока, компасы, сукно, медикаменты. До половины потребностей в оружии армия удовлетворяла за счет импорта. В 1701—1710 годах западноевропейские купцы поставили сто пятнад-

¹ Козанцева Р.И. Внешнеторговый оборот Архангелогородской ярмарки и ее роль в развитии всероссийского рынка // Исследования по истории феодально-крепостнической России. Сб. статей. — М., 1964. — С. 121—123.

цать тысяч “амстердамских” ружей, пистолетов и более двухсот тысяч клинков¹.

Это был последний взлет Архангельска, внесшего не-оценимый вклад в создание могучей Российской империи. Но неумолимо приближался закат “золотого века” города на Двине. Северный порт уступал дорогу растущему городу-порту на берегах Невы. Не только “старая Москва” померкла “перед младшею столицей”, но и первые морские ворота Российского государства потеряли свое исключительное значение. Окно в Европу было прорублено и на Балтике...

¹ Кондрескул А.М. Архангельский край и Северная война (1700—1721) // Памятные даты Архангельской области. 1996 год. — Архангельск, 1996. — С. 32.

РОССИЯ МОЛОДАЯ

АЗВАНИЕ этой главы отсылает читателя к одноименной книге Ю.П. Германа, а также к знаменитым пушкинским строкам, которые цитирует писатель:

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.

Именно с деятельностью Петра Великого связано возвышение молодой России в необычайно короткий срок. Петровские реформы предопределили процесс военного, промышленного, торгового и культурного роста страны. Именно Петру Первому суждено было обеспечить национальные потребности, продиктованные всем объективным ходом истории.

Его деятельность во всех сферах государственной жизни стала подвигом во имя славы и могущества своей Родины. Вновь обратимся к А.С.Пушкину, назвавшему российского императора "мощным властелином судьбы", который

... над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы.

В русской исторической науке существуют различные мнения о характере и результатах петровских реформ. Одни историки считают, что реформы привели к полному и бесповоротному разрыву с прошлым, что своими грубыми, "варварскими" действиями Петр Первый прервал шедшую из глубины веков цепь исторической преемственности, нарушил процесс органического развития России. Другие, напротив, убеждены, что Петр Великий лишь реализовал те тенденции, которые наметились в XVII веке, и совершил преобразования, задуманные его предшественниками.

Я не ставлю перед собой задачу дать здесь историографический обзор этой непростой проблемы, поэтому ограничусь тем, что приведу лишь два авторитетных высказывания. М.В.Ломоносов, которого трудно заподозрить в предвзятом отношении к царю-преобразователю, писал следующее: "...и я при строении городов, пристаней, каналов, между бесчисленным народом множеством, я межь стенанием валов Белаго, Чернаго, Балтийскаго,

Каспийского моря и самого Океана духом обращаюсь. Везде Петра Великого вижу, в поте, в пыли, в дыму, в пламени... С кем сравню Великого Государя! Я вижу в древности и в новых временах обладателей, великими названными. И правда — пред другими велики, однако пред Петром малы”¹.

Советский академик Е.В.Тарле в результате глубокого научного исследования пришел к заключению, что тогдашнее положение России “поставило еще в допетровском поколении перед сколько-нибудь прогрессивно и самостоятельно мыслящими людьми грозный вопрос о возможности дальнейшего сохранения государственной безопасности и даже о национальном самосохранении в широком смысле этого слова, если остаться при рутинном быте, политическом и общественном, при рутинной непримиримо консервативной идеологии, при отказе от сколько-нибудь активной внешней политики”². К счастью, этого не случилось. Молодая Россия, поднятая “на дыбы” железной уздой Петра Великого, ценой страшного напряжения всех сил народа перемахнула через бездну...

В 1688 году шестнадцатилетний царевич Петр в амбаре села Измайлова нашел старый английский бот. Голландец Карштен Брандт починил суденышко, которое стало “дедушкой русского флота”. На реке Яузе, на Просянном пруду, Переяславском и Кубенском озерах юный Петр получил первые навыки судового вождения. Осенью 1691 года из Архангельска ему для “потех” были доставлены “4 шняка (карбаса), 24 барабана да мафематийские орудия, два глобоза, органы большие, 30 пар пистолей и карабинов нового дела, 110 аршин по-

¹ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. — М.:Л., 1959. — Т. 8. — С. 611.

² Молчанов И.Н. Дипломатия Петра Великого. — М., 1991. — С. 432.

лотна парусного”¹. Настало время, когда река и озера перестали интересовать будущего царя-мореплавателя, его неудержимо тянуло к морю.

Формирование личности Петра Первого как преобразователя России, военно-морского деятеля, дипломата и главного купца неразрывно связано с его трехкратным посещением беломорского Севера. Здесь он впервые увидел безбрежное Белое море и сделал вывод о том, что “всякий потентан (властелин, вельможа — В.Б.), который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет”². В Соломбале он основал казенную (государственную) судостроительную верфь, лично заложил морской военно-торговый корабль. Вскоре на берегах Двины появилось и первое в стране адмиралтейство. 20 мая 1694 года со стапелей Соломбальской судостроительной верфи был спущен первый царский военно-торговый морской 24-пушечный корабль “Св. Павел” (“Апостол Павел”), и этот день принято считать днем рождения отечественного флота, а Архангельск — колыбелью “новоманерного” морского судостроения.

В этом же году “Св. Павел” впервые отправился за границу с северными товарами. Именно здесь, на Русском Севере, родине военного и торгово-промыслового флотов страны, нужно искать истоки петровских преобразований, морского могущества молодой России.

16 марта 1693 года в Холмогоры, к двинскому воеводе Андрею Артамоновичу Матвееву, исполняя царский указ, прибыли “...2 человека иноземцев карабельных мастеров, Петр Бас да Гербрант Янсен, да резного дела мастер Фрянс Иванов (Франц Янсен), да для

¹ Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. — М., 1940. — С. 135.

² Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. — М.:Л., 1945. — Т. 1. — С. 74.

переводу языка переводчик Петр Делорев, и русские люди, плотники, а велено им построить у Архангельского города яхта, которая б была к мореходному ходу годна, длиною в восемь сажен аршинных, и образцом, какова им, мастерам, приказана, да на Мосееве острову светлицу...”¹. Из этого документа мы узнаем, что к приезду царя должны были быть построены “государева” яхта и царский дом-светлица на Мосеевом острове.

А теперь, уважаемый читатель, вместе с молодым царем-преобразователем отправимся в путешествие на берега студеного Белого моря.

...28 июля 1693 года, в 2 часа дня, от Богоявленских ворот до пристани в Холмогорах были выстроены два стрелецких полка, а на берегу было установлено 13 пушек. Как только из-за Кур-острова показался царский струг (карбас), началась ружейная и пушечная стрельба; колокольный звон и радостные крики народа огласили окрестности. Царя Петра сопровождала многочисленная свита: боярин-князь Б.А.Голицын, князя М.И.Лыков, Ю.И.Салтыков, В.Ф.Нарышкин, генерал Лефорт, думный дворянин Ф.И.Чемоданов, постельничий Г.И.Головин, ближние стольники — князя Ф.Ю.Ромодановский и И.Н.Бутурлин, двое карлов Ермолай и Тимофей, сорок стрельцов и многие другие — всего около ста человек. Преосвященный архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий с хором певчих и иконами встречал царя у Преображенского собора. После молебствия юный государь осмотрел архиерейский дом, огород, ветряную мельницу, гулял по старинному северному городу, совершил прогулку на своем

¹ Изюмов А. Некоторые новые данные к вопросу о первом пребывании Петра Великого в Архангельске в 1693 г. // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. — 1911. — № 10. — С. 796; Брызгалов В.В., Попов Г.П. “Государева” яхта // Соломбальская верфь. 1693—1862. — Архангельск, 1993. — С. 7.

струге по Двине¹. Петр не скрывал своего нетерпения увидеть первый порт России и Белое море. 30 июля в 2 часа дня архангелогородские стрельцы из всех ружей и пушек палили с набережной города в честь прибытия государя. Петр Первый проплыл мимо города и остановился на Мосеевом острове, где для него были приготовлены царские светлицы. К приезду царя двинские и вологодские плотники под руководством голландских судостроителей Питера Баса и Гербранта Янсена построили 12-пушечную яхту "Св. Петр".

Для строительства яхты были использованы двинской лес и "заонежское" железо; канаты и веревки изготавлял холмогорец Иван Бусинов "с товарищами"; кузнечные работы, в том числе "поковка" якорей, были выполнены холмогорскими кузнецами. Роспись внутренних помещений на яхте сделали "живописец" Афанасий Трухменский с сыном.

31 июля новенькая яхта "Св. Петр" стояла у городской пристани. Голландец Франц Тиммерман приобрел в Архангельске для яхты "заморской большой шняк (бот) с всякими снастями и с парусами" и нанял кормщиком на судно голландца Яна Фласа, который "взят был на государеву яхту для морского ходу". В эти дни английские и голландские корабли, нагруженные русскими товарами, собирались покинуть Архангельск. Молодой царь решил сопровождать их на яхте "Св. Петр" до Трех островов, расположенных в гортле Белого моря. Петр I при виде морского простора не скрывал своего восторга, любуясь искусным управлением парусными кораблями, почти и не заметил пройденного трехсотверстового расстояния. Только 10 августа яхта вернулась в Архангельск.

¹ О высочайших путешествиях великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича... из царствующего града Москвы на Двину к Архангельскому городу. — М., 1783. — С. 11—16.

Во время своего первого визита на Русский Север царь внимательно изучал торговую жизнь города, бывал на городской бирже, в порту знакомился с иностранными купцами, посещал ярмарку.

В память своего первого посещения Архангельска Петр I подарил архиепископу Афанасию свой царский струг "с парусом, якорем, со всею прекрасною и снастью судовой" и карету на рессорах, стоившую сто рублей¹.

17 сентября 1693 года, возвращаясь со службы в Кегостровской церкви, молодой царь показал сопровождавшему его архиепископу Афанасию приготовленные "на берегу чиненныя потехи, караблик и иные со всем урядом". На следующий день состоялась закладка корабля на Соломбальском острове, а вечером в честь этого события и отъезда царя в Москву был устроен фейерверк². Примечательно, что позднее Петр I собственноручно сделал наброски герба Архангельска, подчеркнув его значение как форпоста по охране северо-западных рубежей России тем, что поместил в центре герба изображение Георгия Победоносца — олицетворения воинской доблести и чести³.

Осенью и зимой молодой царь не забывал о своем детище — первом русском морском корабле, заложенном в Архангельске. 29 января 1694 года в письме двинскому воеводе Ф.М.Апраксину он извещает об отправке в беломорский порт голландцев "Никласа да Яна (Никлас Вилим и Ян Ранс) для строения малого корабля". В другом письме он сообщает двинскому воеводе о металле для корабля, который будет доставлен Андреем Бутенантом фон Розенбушем с его медных и железоде-

¹ Петр Великий на Севере: Сборник статей и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере. — Архангельск, 1909. — С. 21—23.

² Брызгалов В.В., Попов Г.П. "Государева" яхта. — С. 16.

³ Соболева Н. Старинные гербы российских городов. — М., 1987.

лательных заводов, расположенных в Олонецком уезде¹. Более того, в одном из писем в Архангельск царь упоминает о том, что сам точит блоки для первенца морского судостроения².

Именно знакомство с Архангельском повлияло на решение молодого царя-реформатора развернуть строительство отечественного торгового и промыслового флота. Об этом свидетельствует запись, сделанная царским денщиком А.К.Нартовым: "...первое его посещение города Архангельска подало в нем охоту завести там строение судов как для торговли, так и для морских промыслов"³.

В конце апреля 1694 года юный царь вновь стал собираться в поездку на Русский Север. В Вологде для него было построено 22 карбаса. 18 мая при пушечной пальбе, с распушенными на мачтах флагами, под всеми парусами речная флотилия подошла к городу-порту и суда бросили якоря у архангельского моста. Петр I вновь разместился в своей светлице на Мосеевом острове. После богослужения в Кегостровской церкви по случаю благополучного путешествия царь сразу направился в Соломбалу к своему детищу — строящемуся кораблю "Св. Павел" ("Апостол Павел").

20 мая состоялся спуск на воду первенца российского флота. Царь лично подрубил подпоры, удерживавшие корабль на стапелях, и под артиллерийский салют первый морской корабль Российского государства плавно сошел на воды Северной Двины. Успехи в строительстве соломбальского первенца, который оказался к "морскому ходу годеи", побудили увеличить на северной верфи количество поморских мастеровых — плотников и

¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. — СПб., 1887. — Т. 1. — С. 19—21.

² Богословский М.М. Петр I... — С. 175.

³ Кротов П.А. Соломбальская верфь в начале XVIII столетия // Архангельск в XVIII веке. — СПб., 1997. — С. 64.

кузнецов: “и для кузнечной работы велено давать в подмочку двинян людей добрых сколько человек понадобится”¹.

В историко-краеведческой литературе бытует мнение о том, что со спуском корабля “Св. Павел” Архангельск стал колыбелью торгового флота России. Другой колыбелью — военно-морского флота — считается Воронеж. Так ли это?

Предпримем небольшой экскурс в историю. Судовое кочевое дело возникло на Крайнем Севере России в далекие времена. Народные предания, жития святых, рукописные книги поморов связывают начало полярного судостроения с деятельностью северных монастырей и прежде всего — Соловецкой обители.

В 1570 году купцы-промышленники Строгановы основали в Соломбале судостроительную верфь, наняв голландских мастеров, имевших, в отличие от поморских корабелов, опыт сооружения крупных транспортных судов, предназначавшихся для поиска пути к устью Оби и для вывоза ценных сибирских товаров. Несколько позднее на этой верфи Строгановы построили серию мореходных китоловных судов для промысла на Груманте (Шпицберген). Там же было сооружено несколько экспедиционных судов для разведочных походов на Новую Землю. В 1581 году царь Иван Грозный выписал из Голландии опытных мастеров, которые построили на острове Соломбала небольшую верфь. Через два десятилетия, в 1602 году, по указу другого русского царя — Бориса Годунова — на этой верфи было построено 15 морских судов — “морянок”. Эти чрезвычайно интересные данные привел в своей книге исследователь И.А.Быховский². К со-

¹ Материалы по истории Архангельска // ИАОИРС. — 1911. — № 16. — С. 112.

² Быховский И.А. Архангелогородские корабли. — Архангельск, 1988. — С. 13.

жалению, эти сведения не подкреплены достоверными источниками, хотя отдельные упоминания о судостроительной деятельности Строгановых встречаются в записках иностранных путешественников.

В 1634 году царь Михаил Федорович дал разрешение немецкому посольству земли Шлезвиг-Гольштейн на постройку в России десяти транспортных судов для плаваний в Персию (Иран) по Волге и Хвалынскому (Каспийскому) морю. Этот факт де-юре положил начало зарождению отечественного флота. В 1635 году на верфях Нижнего Новгорода было построено трехмачтовое плоскодонное парусное судно "Фредерик". Однако в первом рейсе корабль попал в шторм и затонул¹.

14 декабря 1667 года в селе Дединово на реке Оке был заложен морской двухпалубный трехмачтовый корабль "Орел" — первый русский военный корабль. Одновременно с ним здесь строились яхта, вооруженный струг и две шлюпки. Весной 1669 года после ледохода суда вышли к Астрахани. К сожалению, первенца военного кораблестроения России также ожидала несчастливая судьба: "Орел" так и не увидел внутреннего моря и на стоянке пришел в полную негодность.

Тем не менее Петр I высоко оценил постройку первого русского военного корабля, отмечая в "Уставе морском...", что "это намерение отеческое не получило конца своего, однакож достойное оно есть вечного прославления!"². Только при молодом царе-реформаторе началось успешное строительство русского военно-морского и торгового флотов.

По заключению архангельского историка В.В.Брызгалова, корабль "Апостол Павел" являлся по типу ма-

¹ Аммон Г.А. Морские памятные даты. — М., 1987. — С. 21—22; Иванов Д. Флот и флаг // Архангельск. — 1994. — 28 мая.

² Устав морской, о всем, что касается к доброму управлению в бытности флота на море. — СПб., 1993. — С. 6.

лым фрегатом и соответствовал аналогичным типам малых фрегатов голландского военно-морского флота¹. 24 орудия, размещенные на этом фрегате, также позволяют считать его военным кораблем. Строительство такого торгового судна, которое одновременно могло выполнять и военные функции, было продиктовано необходимостью. Царь прекрасно понимал, что противостоять разбойничавшим на морях пиратам (корсарам) могло только военно-торговое судно. Корабли других государств, находившихся в военно-политическом и торговом противостоянии, также мешали коммерческому судходождению.

“Св. Павлу” в полной мере довелось испытать опасности морских плаваний. В начале октября 1694 года этот корабль с казенными товарами под голландским флагом отправился во Францию. С 1688 года Франция вела войну против Аугсбургской лиги, куда, наряду с другими странами, входила и Голландия, поэтому “Св. Павел” был захвачен французами как корабль противника. По всей видимости, французские власти конфисковали все товары, а сам корабль использовали для нужд военно-морского флота или продали². Российские дипломаты неоднократно предпринимали попытки спасти судно, проводились судебные разбирательства, которые окончились безрезультатно.

Спустя два года, в 1696 году, в Воронеже были построены 36-пушечные фрегаты “Апостол Петр” и “Апостол Павел”. Следует обратить внимание читателя на то, что названия этих фрегатов перекликаются с именами первых судов архангельской постройки. По указу Петра I в Воронеж и его окрестности прибыли сотни плотников из Вологды, Холмогор, Каргополя, Архан-

¹ Брызгалов В.В. Первенец соломбальской верфи // Соломбальская верфь. — Архангельск, 1993. — С. 20.

² Там же. — С. 18.

гельска, Нижнего Новгорода и других мест. Среди них было немало талантливых судостроителей. Так, вологодский плотник Осип Щека прославился при строительстве галер, а нижегородский плотник Яков Иванов был непревзойденным мастером по изготовлению стругов¹. Строительство 36-пушечных кораблей "Апостол Петр" и "Апостол Павел" проходило под руководством русского мастера Титова. Вполне возможно, что он был выходцем с Русского Севера. Для внутренних морей России — Азовского и Каспийского — было построено, кроме названных фрегатов, 23 галеры, 4 брандера, 1300 стругов, 100 плотов и 30 морских лодок. Для того времени это был сильный флот². Многие историки считают Воронежские верфи родиной военно-морского флота России.

Только в последние годы, благодаря изысканиям архангельских историков и краеведов Н.А.Конькова, Г.П.Попова, В.В.Брызгалова, петербургских исследователей И.А.Быховского, Ю.Н.Беспярых, П.А.Кротова и других, появилась возможность по-новому осмыслить обстоятельства зарождения российских военно-морского и торгового флотов.

В 1698 году Петр I отдал распоряжение начать подготовку эллингов и заготовку необходимых материалов для строительства новых кораблей на Соломбальской верфи. В 1700 году по указу царя "у Архангельского города, на Соломбальской верфи, государевых шесть кораблей больших основали и делать начали". Все кораблестроительные работы поручили вести Елизарию Избранту, назначенному экипажмейстером верфи. Царь-преобразователь решил завести в Архангельске строительство на средства казны торгового флота из 12

¹ Быховский И.А. Архангелогородские корабли. — С. 6,18.

² Мавродин В.В. Рождение новой России. — Л., 1988. — С. 38.

флейтов. Такой флот мог сыграть свою роль в вывозе российских товаров в Западную Европу, а также в снабжении армии военно-стратегическими товарами в годы Северной войны.

В фундаментальной работе архангельского историка С.Ф.Огородникова "История Архангельского порта" приводится описание судов Соломбальской верфи: "Корабли были сосновые. Имели три палубы, называвшиеся житьями. Для выхода и света имели три люка, носившие названия творил... Корабли были трехмачтовые."¹ Корабли были также вооружены пушками. В.В.Брызгалов считает, что это были торговые суда, относящиеся к типу кораблей-флейтов. Летом 1701 года первые шесть соломбальских флейтов были достроены и спущены на воду. Им дали названия "Святой апостол Андрей", "Святой Павел", "Зеленый дракон", "Экзбой", "Рычард Энжен" и "Меркуриус". Осенью 1701 года на все шесть кораблей был готов набор флагов. Об этом писал стольник Г.А.Племянников, посланный Петром I для осмотра и описи первой партии русского торгового флота: "А те флаги и вымпелы, и флюгеля шиты трех цветов: белого, синего, красного", то есть на первых российских коммерческих судах были национальные бело-сине-красные флаги и таких же расцветок вымпелы и флюгера. Российский флаг-гюйс представлял собой красное полотнище с наложенными друг на друга косым синим андреевским крестом с белыми полосами вдоль его линий и прямым георгиевским крестом, образованным двумя перекрещенными белыми полосами.

Во многих историко-краеведческих изданиях настойчиво повторяется, переходя из книги в книгу, гипотеза о том, что Петр I использовал расцветку голландского флага, состоящего из трех цветов: белого, синего и крас-

¹ Огородников С.Ф. История Архангельского порта. — СПб., 1875. — С. 16.

ного, которые на русском флаге расположены “в обратном голландском флагу порядке”. Но, во-первых, верхняя полоса голландского флага того времени была не красной, а оранжевой, или “рудо-желтой”. Во-вторых, идея создания российского бело-сине-красного флага появилась еще при царе Алексее Михайловиче в 1676 году, но не получила окончательного юридического оформления. Бело-сине-красный флаг как символ государственности впервые появился на кораблях, построенных в Архангельске.

Обратимся к “Советской исторической энциклопедии”, вполне доступному и авторитетному источнику. Вот что в ней написано: “Андреевский флаг — военно-морской, кормовой флаг дореволюционного русского военно-морского флота, учрежденный в 1699 году в честь ордена Андрея Первозванного”. Напомним читателю, что, по преданию, апостол Андрей, считавшийся покровителем Руси, был распят на кресте. На оригинале-рисунке флага сохранилась надпись Петра Первого: “Зане (ибо) св. апостол Андрей Первозванный землю русскую светом Христова учения просветил”¹. Энциклопедия также приводит сведения о том, что полотнище андреевского флага “было вначале трехполосное — бело-сине-красное, затем в разное время — одного из этих цветов и впоследствии — только белое; все образцы — с андреевским (голубым) крестом по диагонали малого прямоугольника в верхнем углу у древка или по диагонали всего полотнища”². Впоследствии командиры русских кораблей напутствовали экипажи перед боем словами: “С нами Бог и Андреевский флаг!”

¹ Дыгало В.А. Откуда и что на флаге пошло. — М., 1993. — С. 130.

² СИЭ. — М., 1961. — Т. 1. — С. 575; Иванов Д. Флот и флаг // Архангельск. — 1994. — 28 мая.

Любопытно проследить судьбу первых торговых судов архангельской постройки. 28 сентября 1702 года именным указом флейт “Рычард Энжен” “со всеми снастями” был отдан внаем английскому купцу А.Р.Стейлсу (Стелсу, Стельсу). В 1704 году Петр I распорядился отправить “с кладью” “Св. апостола Петра” в Лондон, “Св. апостола Андрея” и “Св. апостола Павла” в Амстердам “и назад к городу Архангельскому”. Еще один флейт был отдан внаем на три года купцу В.Болему (а после его смерти — А.Бланту). Шестой еще в феврале 1707 года находился в ведении казны Архангельска.

Историк П.А.Кротов считает, что сооружение на Соломбальской верфи шести больших купеческих кораблей — факт весьма примечательный в осуществлении торгово-промышленной политики Петра I. Однако создание этих судов еще не привело к возникновению государственного торгового флота. Причину следует искать в том, что российское (архангельское) купечество еще не было готово к тому, чтобы самостоятельно и активно проникать на рынки стран Западной Европы¹. В то же время следует иметь в виду, что на пути развития архангельской внешней торговли ставились различные препоны в виде сверхвысоких пошлин и портовых сборов. Это была, по существу, торговая блокада, и у российских купцов не хватило энергии, опыта и навыков дипломатии, чтобы преодолеть ее.

В то же время соломбальское строительство флейтов в 1700—1701 годах оказало большое влияние на частное судостроение на Русском Севере.

В 1701 году близ Новодвинской крепости на острове, в 15 верстах ниже Соломбальской верфи, находилось шесть брандеров. Голландец Корнейль-де-Бруин, наблюдавший строительство Новодвинской крепости, за-

¹ Кротов П.А. Соломбальская верфь... — С. 69—73.

писал 3 сентября 1701 года : “Тут же приготавливали три брандера...”¹

Из документов мы также узнаем и о строительстве других военно-морских плавсредств. Вице-адмиралу К.И.Крюйсу, прибывшему 18 марта 1702 года в Архангельск для подготовки обороны от возможного повторного нападения шведской эскадры, были направлены четыре брандера и две “барки пушечные”. Барки имели “пушечные окошки”. Видимо, “барки пушечные” представляли собой плавучие батареи, призванные усилить оборону двинских устьев. Они были построены восемнадцатью архангельскими плотниками за шесть дней².

Вице-адмирал К.И.Крюйс занимался также портовыми работами, ремонтом Новодвинской крепости и военных судов, реконструкцией водяной мельницы. К сожалению, у него не сложились отношения с местным воеводой, и провести все эти работы ему не удалось. Корнелиус Крюйс заслуживает того, чтобы рассказать о нем подробнее. Он был норвежцем, и его настоящее имя — Нильс Ульсен. К.И.Крюйс прибыл в Россию, чтобы принять участие в создании русского флота. Один из “птенцов гнезда петрова”, он был первым бургомистром Таганрога, стал известным флотоводцем. Директор Института всеобщей истории РАН профессор А.О.Чубарьян дал высокую оценку деятельности соратника Петра I: «Представляется символичным, что именно норвежец помогал русскому императору “прорубить окно в Европу”, сделать Россию европейской державой, ввести ее как часть европейской международной политической системы, европейской культуры и цивилизации. Россия была связана со Скандинавией с древних времен. Деятельность Корнелиуса Крюйса может быть рассмотрена

¹ Бруин К. де. Путешествие через Московию. — М., 1873. — С. 24.

² Кротов П.А. Указ. соч. — С. 69.

как продолжение этой традиции тесных контактов России с Северной Европой»¹.

В 1702 году царь Петр I заложил на Соломбальской верфи 26-пушечный фрегат, нареченный потом "Св. Ильею" (или "Пророком Ильей"), предназначенный для усиления морских сил России на Белом море².

В заключение следует сказать, что первое Соломбальское казенное судостроительное предприятие, основанное в 1693 году Петром Великим, внесло неоценимый вклад в зарождение военно-морского и торгового флотов России. На нем было построено около 500 различных судов, среди которых больше половины составляли многопушечные линейные корабли и фрегаты для молодого Балтийского флота.

Торговые и промысловые суда строились и на других верфях Русского Севера. На Вавчугской верфи Баженина за время ее существования было построено до 120 торговых и промысловых судов. В основном это были флейты, галиоты, пинки, лихтеры и трехмачтовые гукоры. Вавчужские суда строились из беломорской сосны и, благодаря умению и сноровке корабельных мастеров и плотников, были "и годны, и крепки, и сильны".

"Второй корабельной на двинских берегах верфью коммерческих судов" назвал В.В.Крестинин Быковскую верфь, расположенную в пяти верстах от Архангельска в местечке Бык. Основателем ее был купец Никита Саввич Крылов. 29 июля 1729 года на основании царского указа на купеческой верфи стали строиться торговые суда — гукоры, флейты и галиоты. Неизвестный автор "Краткого исторического известия о заведении, продолжении и запусении купецких верфей на Двине в

¹ Корнелиус Крюйс. Адмирал Петра Великого. Ставангер — Москва — Санкт-Петербург, 1998. — С. 8, 62.

² Богатырев И.В. Корабельная Соломбала // Судостроение. — 1983. — № 8. — С. 51; Кротов П.А. Указ. соч. — С. 76, 77, 79.

Архангельской губернии" утверждал, что Н.С.Крылов занимался постройкой кораблей около пятнадцати лет "безпрерывно", начиная с 1734 года. Однако он заготавливал лес для постройки судов и в 1761 году, что свидетельствует о его почти тридцатилетней судостроительной деятельности¹.

Во второй половине XVIII века в районе Маймаксы архангельский купец Прокопий Федорович Пругавин основал свою купеческую верфь для строительства ластовых судов.

Особое место в созвездии архангельских верфей занимала Фразеровская, которая находилась в местечке Бык возле деревни Варавино. Свое название она получила от ее основателя, английского (немецкого) купца Генриха Фразера, который был "человек естественными дарованиями, политическими знаниями и коммерческою практикою отличный"².

Были на Русском Севере и другие купеческие и крестьянские верфи.

В июне 1694 года царь Петр на яхте "Св. Петр" отправился в морское плавание на Соловецкие острова. В районе Унской губы разразилась сильная буря, волны перекатывались через яхту, и гибель казалась неизбежной. У руля судна встал монастырский кормщик Антип Тимофеев и хладнокровно направил его в узкий проход Унской губы. При виде подводных камней царь хотел вмешаться в управление судна, но отважный помор-мореход выкрикнул: "Коли ты, государь, отдал мне руль, так не мешай и поди прочь. Здесь мое место, а не твое, и я знаю, что делать". Благодаря искусству монастырского лоцмана яхта избежала опасности и 2 июня бро-

¹ Репин Н.Н. Коммерческое судостроение в России в конце XVII — первой половине XVIII в. // Вопросы истории. — 1978. — № 1. — С. 47.

² Быховский И.А., Коньков Н.А. Колыбель русского флота // Архангельск: 1584—1984. — Архангельск, 1984. — С. 57—64.

сила якорь вблизи Пертоминского монастыря. Счастливый царь освободил помора от монастырских работ, выдал денежную премию и подарил Антипу Тимофееву свою одежду и шапку. Предание говорит, что в этом царском головном уборе поморский мореход мог бесплатно угощаться во всех питейных заведениях, что впоследствии стало причиной его смерти...

На месте высадки царь собственноручно соорудил огромный деревянный крест и сделал надпись на нем: "Сей крест, сделал шхипер Петр в леть Христово 1694". Позднее петровский крест был перенесен в Архангельский кафедральный собор¹.

Трое суток провел царь в Соловецком монастыре — поклонялся мощам святых угодников.

Скромный опыт плаваний в Белом море показал Петру I, что у России нет командного состава для тех немногих русских кораблей, которые уже были построены. Ни "вице-адмирал" Бутурлин, командир корабля "Апостол Павел", ни "адмирал" князь Федор Ромодановский, командовавший фрегатом "Святое Пророчество", ни "контр-адмирал" Гордон морского дела не знали. Гордон чуть не потопил свою яхту "Святой Петр" и сам сознался, что "только божественное провидение" спасло его, когда он по ошибке чуть не посадил свой корабль на скалы². Только матросы из северян-поморов, выросшие у моря, знали свое дело. Несмотря на "конфузии", Петр I навсегда полюбил море. Именно на Севере у него зародилась мысль, которую он позднее высказал и претворил в жизнь. "Водное пространство — вот что нужно России, — наставительно говорил он князю Кантемиру, — и эти слова он написал на заглавной странице своей жизни"³.

¹ Петр Великий на Севере... — С. 25—27.

² Тарле Е.В. Русский флот и внешняя политика Петра I. — М., 1949. — С. 9; СПб., 1994. — С. 14.

³ Мавродин В.В. Рождение новой России. — С. 34.

Из второго путешествия к Белому морю Петр I вернулся в Москву с твердой мыслью о необходимости создания русского флота.

Двинская земля связана с зарождением и частного торгового судостроения. В 15-ти километрах от Холмогор купцы Баженины основали первую на Севере партикулярную (частную) верфь. В 1680 году братья Осип и Федор Баженины переоборудовали с "немецкого образца... из своих покупных лесов" унаследованную от отца мукомольню, что стояла на правом берегу реки Вавчуги, в лесопильную водяную мельницу. На противоположном берегу реки они построили двухрамную лесопилку, основав одно из первых частных лесопильных предприятий.

Осенью 1693 года юный царь, возвращаясь из Архангельска, посетил хозяйство Бажениных и увлек их планами строительства торговых кораблей. Во второй свой приезд на Север он снова посетил Вавчугу, где полным ходом кипела работа по сооружению верфи. Царь не только обещал всяческую поддержку энергичным купцам, но и дал им новые привилегии. Через два года Баженины соорудили парусный завод, канатный двор и несколько кузниц, а верфь уже была готова для закладки первых судов. Петр I предоставил холмогорским купцам право строить в Вавчуге суда — "корабли и яхты", причем не только для своих нужд, но и для продажи, а также вооружать их пушками и снабжать боезапасом.

Весной 1702 года Петр I лично подрубал подпоры двух 12-пушечных фрегатов, построенных в Соломбале. Осипу Баженину царь, посетив Вавчугскую верфь, присвоил звание корабельного мастера, а Бажениных и их наследников велел относить к "именитым людям гостинной сотни"¹. Это была вторая в Поморье (после купцов

¹ Быховский И.А. Архангелогородские корабли. — С. 43—49.

Строгановых) династия, удостоенная почетного звания “именитых людей”.

Пример первых судостроителей был заразительным. Вслед за ними на Северной Двине и Онеге завели судостроительные верфи Елизарий Избрант, Иван Стрежнев, Никита Крылов, Алексей Попов, Иван Амосов.

Иностранцы были встревожены известиями о начинавшемся в России строительстве торгового флота. А.А.Матвеев, русский посол в Нидерландах, писал в 1700 году, что “Голландии очень неприятно строение кораблей у Архангельска” и “там опасаются ущерба своему купечеству”. Об этом говорил, выступая в парламенте, современник Петра I английский министр Вальколь¹.

Хотя численность русских кораблей, выходивших в европейские страны в начале XVII века, была невелика, но российский флаг, получивший свою прописку в Архангельске, приобрел в это время права гражданства, с чем не могла не считаться Европа.

Война за выход к Балтийскому морю была для России долгой и изнурительной. И все это время поморские города и уезды, их жители постоянно ощущали на себе ее тяготы. Архангельск, первый международный порт России, согласно шведским планам, с самого начала войны следовало “разрушить и уничтожить, захватить и забрать по военному обычаю все, что можно”. Наиболее тревожными для города-порта были 1701—1703, 1708 и 1720 годы. Петр I направил двинскому воеводе князю Прозоровскому и архиепископу Афанасию указ, предписывавший построить в 15 верстах ниже Соломбалы на острове Линском при узком проходе реки Двины каменную крепость, “чтоб тех неприятельских людей в

¹ Репин Н.Н. Коммерческое судостроение в России... — С. 53—54.

двинские устья не пропускать и города Архангельского и уезду ни до какого разорения не допускать". 3 апреля 1701 года в Архангельске была учреждена Ратуша, которая называлась Семиградской, возглавил ее дьяк Федор Гусев. Он руководил ломкою камней, наймом рабочих людей, раздачей денег и ведением книг. Архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий всячески способствовал строительству крепости, заботился о том, чтобы "камня бутового, стеного и мостового, и кирпича и извести, и щебня и извести велико было"¹. Военные приготовления в Поморье были не напрасными. 24 июля 1701 года шведская эскадра военных кораблей появилась в Белом море. Интервенты захватили лодью Низовского стана Мудьюгской волости, на которой находились поморы с женами и детьми. В числе их был кормщик Иван Ермолин Седунов по прозвищу Ряб (Рябов). Именно он, Иван Рябов, посадил шведские корабли на мель напротив Новодвинской крепости. В результате сражения шведы потеряли два корабля со всей артиллерией, боеприпасы, продовольствие и одну шлюпку². Третий фрегат, наблюдавший издали за происходящим, бежал в море и присоединился к четырем шведским фрегатам; но от них "промыслу до сих пор не являлось". Так бесславно окончился поход шведской эскадры на Русский Север. Петр I, получивший донесение, поделился радостью с Ф.М.Апраксиным, начав письмо восторженной фразой: "Я не мог вашему превосходительству оставить без ведома, что ныне учинилось у города Архангельска зело чудесно"³.

¹ Постников С. Афанасий, первый архиепископ Холмогорский и Важский. — СПб., 1866. — С. 41; Архангельские губернские ведомости. — 1846, № 22.

² Беспятых Ю.Н. История знаменитого сражения. — Архангельск, 1990. — С. 59—80.

³ Павленко Н.И. Петр Великий. — М., 1994. — С. 155.

В 1702 году царь Петр I в третий раз посетил Архангельск. С ним прибыли четыре тысячи солдат-преображенцев и многочисленная свита. Около трех месяцев находился царь в Архангельске. Это было самое продолжительное его пребывание на Русском Севере. Времени зря он не терял: при нем было спущено два фрегата и заложен еще один — 26-пушечный. Не забывал Петр I и развлекаться. Одно из его увеселений описано находившимся в Архангельске английским купцом-резидентом Томасом Хейлом в письме к брату в Лондон от 20 августа 1702 года: царь “около 30 или 40 самых знатных (русских) старых и молодых, он загнал и уложил в маленький прудик, куда запустил к ним двух живых моржей и сам присоединился войдя (в воду), плавал и нырял за ними. Компания была страшно напугана, но моржи никому не причинили вреда. Никто не может пожаловаться на проказы царя, поскольку как он сам во всем первый”¹.

На 13 (9) кораблях, в основном отечественной постройки, войско отправилось в Соловецкий монастырь, а затем к поморскому селу Нюхче. К этому времени через леса и топи была проложена “осударева дорога” к городу Повенцу. Руководил строительством этой дороги сержант Преображенского полка Михаил Иванович Щепотев (Щепотьев). Как справедливо заметил историк И.П.Шаскольский, маршрут, выбранный гвардейским сержантом М.И.Щепотевым, шел почти точно по одному из путей (первому), описанных сподвижником царя архиепископом Афанасием в 1700 (1701) году². Для постройки этой трассы были призваны кемские и сумские монастырские крестьяне, а также прибыли с

¹ Там же. — С. 161; Беспятых Ю.Н. Третье “пришествие” Петра I на Белое море // Архангельск в XVIII веке. — СПб., 1993. — С. 37.

² Шаскольский И.П. “Описание трех путей” Афанасия Холмогорского // ТОДРА, 1958. — Т. XIV. — С. 459.

подводами каргопольские и белозерские крестьяне. Одни из них рубили просеку, другие очищали ее от камней-валунов, третьи заготавливали лес и мостили дорогу. В работах было занято от шести до семи тысяч северных крестьян. Особенно большие трудности выпали на долю крестьян Олонецкого уезда, где была проведена массовая мобилизация. Из архивных документов мы узнаем, что для переправки фрегатов и петровского войска было привлечено несколько тысяч крестьян и две тысячи подвод. Только с александровских крестьян было взято по одной подводе с каждого второго двора¹.

По казенному подряду были построены два 12-пушечных фрегата — “Курьер” и “Святой дух”. Петр I принимал участие в спуске их на воду. Оба эти судна были направлены к пристани поморской деревни Нюхча². На Соловки к царю уже спешил посланец от сержанта М.И.Щепотева с донесением: “Известую тебя, государь, дорога готова, и пристань, и подводы, и суда на Онего-озере готовы, а подвод собрано по 2-е августа 2000, а еще будет прибавка...”³

...Корабли “Курьер” и “Святой дух”, охваченные многочисленными канатами, сотнями “бурлаков” — лошадей, крестьян, солдат — на валах-кругляшках двигались по мостовому настилу к намеченной цели. Это была грандиозная картина. Весь 160-верстовый путь “осударевой дороги” занял десять суток, днем и ночью (тем более, что северные ночи светлые) продолжался этот беспримерный по трудности переход.

По “осударевой дороге” прошли петровские войска, а также были проташены на бревенчатых катках из Белого моря в Онежское озеро два военных фрегата, ко-

¹ Шабанова А.М. Государственные повинности частновладельческих крестьян Северо-Запада России в первой четверти XVIII в. // Из истории феодальной России. — Л., 1978. — С. 155.

² Быховский И.А. Архангелогородские корабли. — С. 21.

³ Коничев К. Петр Первый на Севере. — Л., 1973. — С. 127.

которые затем совершили переход по реке Свири в Ладожское озеро. По шведским крепостям был нанесен внезапный и успешный удар. Возвращение России крепости Орешек, переименованной Петром I в Шлиссельбург (Ключ-город), существенно изменило военное положение страны.

Спустя семнадцать лет после этой победы обер-иеромонах флота Г.Ф.Бужинский на проповеди в Шлиссельбурге образно и точно выразил значение этой победы: "Ключ сей отверзл море Балтийское... благополучное начало... флота российского, ключ сей — основание царствующего С-Питербурха"¹. Добавим от себя, что в эту победу достойный вклад внесли два военных фрегата архангельской постройки, которые в числе первых вошли в состав будущего Балтийского флота.

Что касается "осударевой дороги", то она служила свою службу на протяжении долгих лет Северной войны. По ней перевозили различные военные грузы, осуществлялась переброска войск. Поморские крестьяне несли постоянную повинность и поддерживали дорогу в хорошем состоянии. С подписанием Ништадтского договора (10 сентября 1721 года) и наступлением мира она постепенно начала приходить в негодность. К началу XX века от нее остались только память и легенды, бытовавшие среди поморов. В 1906 году ее остатки еще сумел обнаружить известный русский путешественник и писатель М.М.Пришвин².

Необходимо отметить, что северяне проявили мужество и отвагу на полях многих сражений. Так, например, во время знаменитой Полтавской битвы в центре первой линии боевых порядков, рядом с гвардейцами про-

¹ Кротов П.А. Указ. соч. — С. 78.

² Пришвин М.М. Из дневника. 1947—1953: К истории создания романа "Осударева дорога" // Север. — 1981. — № 8. — С. 100.

славленных Преображенского и Семеновского полков они сражались в составе сформированного по принципу землячества Архангелогородского полка. В самый решающий момент боя драгунами полка был пленен шведский фельдмаршал К.Реншильд¹.

На Русском Севере в народных песнях, преданиях, старинных сказаниях сохранилась память о трехкратном посещении беломорского края царем-преобразователем молодой России. У трудолюбивых поморов "царь-плотник" вызывал уважение. "Вот царь был, как царь, — говорили о Петре I крестьяне Карельского Поморья, — даром хлеба не ел, пуще бурлака работал". Многие названия населенных мест овеяны легендами и также связываются с именем Петра Великого. Даже поморским староверам, уходившим в дремучие северные леса, в Повенецкий, Олонецкий, Выгский и другие скиты, чтобы сохранить свой восьмиконечный крест и церковные книги "старого письма", нравились в Петре I его трудолюбие, энергия, отношение к простому человеку. Но они, конечно, безмерно осуждали царя за преследование "верушки старинной", называли его "царем-антихристом"². Серьезно и строго подошло население Поморского края к памяти Петра I, справедливо оценив его яркую, своеобразную личность, его кипуную деятельность по преобразованию молодой России, а также его жизнь, полную внутренних противоречий, положительные и отрицательные стороны его деятельности.

¹ Кондрескул А.М. Архангельский край и Северная война (1700—1721) // Памятные даты Архангельской области. 1996 год. — Архангельск, 1996. — С. 33.

² Мавродин В.В. Рождение новой России. — С. 203—207; Криничная Н.А. Предания Русского Севера. — СПб., 1991. — С. 51—54; 183—199.

“МУЖ СЛОВА И РАЗУМА”

ПЕРВЫЙ архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий (в миру — Алексей Артемьевич Любимов-Творогов) был выдающимся религиозным и политическим деятелем, одним из ближайших соратников Петра Великого, образованнейшим из русских людей своего времени. Архиепископа Афанасия окольничий А.А.Матвеев назвал в своих “записках” “мужем слова и разума зело довольным”.

Родился преосвященный Афанасий в городе Тюмени Тобольской губернии в 1641 году в семье, принадлежав-

шей к военному сословию. Мы располагаем сведениями о том, что его брат Д.А.Любимов, как и его отец, был военным и служил "конным казаком" в Тюмени. Большое влияние на будущего архиепископа оказала его мать Пелагея, глубоко верующая женщина, которая после смерти мужа стала монахиней в Тюменском Алексеевском женском монастыре под именем Параскевы. В дальнейшем она была игуменьей женского Успенского монастыря в местечке Лявля¹.

В юности Алексей Любимов разделял взгляды старообрядцев. Он поступил в единственную тогда в России патриаршую школу, которая находилась в Чудовом монастыре. Своим умом и прилежанием он обратил на себя внимание главного наставника школы Епифания Славеницкого. Под его влиянием он оставил мир и принял монашеский обет в Далматовском монастыре, где провел несколько лет².

В августе 1679 года старец Далмат направил Афанасия бить челом о "монастырских нуждах" в Москву, откуда он уже не вернулся. Его ученость и энергия обратили на себя внимание патриарха Иоакима, который определил его патриаршим крестовым иеромонахом³. Афанасию были поручены наблюдение и контроль за изданием переводов с греческого на славянский трудов отцов церкви.

¹ Верюжский В. Афанасий архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVIII века. Церковно-исторический очерк. — СПб., 1908. — С. 7—21, 672.

² Феер Павел. Архиепископ Афанасий (1641—1702 гг.) // 1991. Календарь знаменательных дат. (Методические рекомендации в помощь учителям географии, биологии и истории). — Архангельск, 1991. — С. 91—92.

³ Фруменкова Т.Г. Афанасий Холмогорский (к 350-летию со дня рождения) // Памятные даты Архангельской области. 1991 год. — Архангельск, 1990. — С. 29.

Во второй половине XVII века, как известно, произошел раскол русской православной церкви. Особенно широкий размах приняло движение старообрядчества на Русском Севере — в Поморье. В 1667 году на церковном Соборе для противодействия расколу было принято решение: “Во граде Архангельском и на Колмогорах быти архиепископу”¹. Однако это распоряжение Собора осталось невыполненным.

2 сентября 1681 года царь Федор Алексеевич представил на обсуждение патриарха и Собора русских архиереев свой проект открытия новых епархий. В числе других предполагалось создать пять епархий на Русском Севере — на “Колмогорах, на Кевроли, в Мезени, в Кольском остроге и на Ваге”².

19 марта 1682 года состоялось посвящение Афанасия в сан архиепископа Холмогорского и Важского. В ряду других архиепископов Афанасий занимал 6-ю степень, одной степенью выше посвященного одновременно с ним архиепископа Устюженского. По приказу патриарха Иоакима ему была прислана полная архиерейская ризница от новгородского митрополита Корнилия, к епархии которой принадлежали земли вновь учрежденной Холмогорской архиепископии.

Царевна Софья Алексеевна пожаловала первому архиепископу Холмогорскому и Важскому в дни его посвящения серебряные рипиды и панагию на золотой цепи, украшенную изумрудами, яхонтами и алмазами. Патриарх подарил Афанасию семь ковчежцев с мощами и несколько богослужебных книг³. Патриарх Иоаким всегда благоволил умному пастырю. Накануне отъезда ар-

¹ Верюжский В. Афанасий архиепископ Холмогорский... — СПб., 1908. — С. 56.

² Собрание Государственных грамот и договоров, — Т. IV. — № 131. — С. 410, 411; АИ. — Т. V. — С. 109—110.

³ Верюжский В. Афанасий архиепископ Холмогорский... — СПб., 1908. — С. 31—33.

хиепископа Афанасия принимать поморскую епархию ему был вручен пастырский жезл патриарха. Это был особый символ, жезл был прислан константинопольским патриархом Парфением в дар московскому патриарху Иосифу. Теперь эта знаменитая реликвия, перешедшая от Константинополя к Москве, отправлялась на Русский Север¹. И в этом, видимо, была определенная закономерность... Надо полагать, что на позднем портрете преосвященный Афанасий изображен именно с этим жезлом.

Холмогорская и Важская епархия была чрезвычайно обширна. Она простиралась с запада на восток от границ шведской Лапландии и Финляндии до Сибири, а с севера на юг — от Ледовитого океана до Вологодской губернии. Епархия включала в себя всю огромную Архангелогородскую губернию, значительную часть Вологодской и Олонецкой губерний. Эта огромная страна была населена славянами поморского происхождения, а также потомками чудского племени, которые “были особенно склонны к суеверию и передавали его своим соседям русским”. “С другой стороны, раскол, — как пишет биограф первого архиепископа, — вытесненный из Соловецкого монастыря, заразил собою не одно Поморье, но разносился и по всему обширному пространству Архангельской губернии. В разных местах ее время от времени основывались скиты, к явному вреду православия”².

5 июля 1682 года архиепископ Афанасий принял участие в споре с раскольниками о вере в Грановитой палате Кремля. Это событие принесло ему известность. Он так умело и жестко вел полемику, что его главный оппонент, Никита Пустосвят, не сдержавшись, стал

¹ Постников С. Афанасий, первый архиепископ Холмогорский и Важский (1682—1702). — СПб., 1866. — С. 33.

² Там же. — С. 18—19.

“бити и терзати” владыку. По легенде, Пустосвят выдрал у Афанасия часть бороды, и архиерею приходилось впоследствии бриться. Но источники утверждают, что он не имел бороды “от природы”¹.

В октябре 1682 года владыка Афанасий выехал из Москвы принимать дела своей епархии.

Двинской воевода Н.С.Урусов получил царскую грамоту о назначении Афанасия Холмогорским архиепископом и о том, чтобы в “нужных случаях” оказывать владыке содействие против “церковных ослушников”². Новому архиерею в помощь было выделено сто три священно- и церковнослужителя, среди которых были судья духовных дел, казначей, духовник, начальный иеродьякон, два крестовых иеромонаха, три иеродьякона, просфорник, чашник, конюшенный, 24 певчих, 13 человек детей боярских и другие³. Процедура встречи архиепископа в Холмогорах была тщательно расписана в соответствии с устоявшимися церковными традициями. Вот как изобразил это важное событие “Двинской летописец”: “Октября 18 приехал на Двину преосвященный Афанасий архиепископ Холмогорский и Важский, в мире зовомый Алексей, приехал на Холмогоры, пристал на Глинском посаде против таможни, и вышел из судна в церковь Живоначальные Троицы, и в той церкви облекся в архиерейскую одежду, а из соборной церкви и из всех приходских церквей священники для его архиерейской встречи пришли к той церкви со святыми иконами. И преосвященный архиепископ, вышед из церкви на уготованное место, и всему народу подал благословение, пошел в соборную церковь за святыми иконами, и в соборной церкви служил божественную литургию. И, отслужив, ездил около Холмогорского города по

¹ Фруменкова Т.Г. Указ. соч. — С. 29.

² АИ. — Т. V. — № 93. — С. 145—146.

³ Постников С. Афанасий... — С. 11.

их архиерейскому обычаю. И с ним был боярин и воевода князь Никита Семенович Урусов, и дьяк Федор Микулин, и головы стрелецкие, и приказные и служилые люди, и всяких чинов люди”¹.

В честь открытия новой епархии владыка Афанасий распорядился “в соборной церкви и во всех церквах на Холмогорах октоврия в 19 день праздновать для соборной церкви праздник Преображения Господня со всенощным”. 19 октября после литургии архиерей устроил обед, на котором присутствовали воевода и дьяк с приказными людьми, игумены и протопоп с соборным духовенством².

Прежде всего владыка создал в Холмогорах архиерейский дом и Казенный приказ — учреждения, олицетворяющие распорядительно-исполнительную и контрольно-судебную власть архиепископа. Его уполномоченные — казначей, иеромонах, дьяк и целовальники — собирали с духовенства средства в государственную и архиерейскую казну, проверяли состояние церквей и приходов, деятельность священнослужителей.

С именем Холмогорского архиепископа Афанасия связано строительство ряда каменных церквей на Русском Севере. Основной его заботой стала первая северная столица — Холмогоры, которую называли “град многочеловечен”. В 1685 году он лично заложил первый камень в основание кафедрального Спасо-Преображенского собора, строительство которого было закончено в 1691 году.

При активном содействии Холмогорского владыки строились каменные церкви в Архангельске и в других поморских городах и волостях. Требуя строгого соблюдения канонов, архиепископ запрещал строить шатровые церкви. Не оставлял он без внимания и гражданское строительство. В Холмогорах “его разумом и смышле-

¹ ПСРЛ. — Т. 33. — С. 187—188.

² Верюжский В. Афанасий архиепископ Холмогорский... — С. 49.

нием” были возведены каменный архиерейский дом, сад и ветряная мельница, а в Архангельске и Шенкурске — деревянные архиерейские дворы¹.

В 1691 году владыке пришел царский указ о необходимости построить вместо обветшавшего новый деревянный город на Холмогорах. Эти ремонтно-строительные работы рекомендовалось проводить силами двинян, а также монастырских крестьян “для окладу денег в то городовое строительство”. Владыке велено было выбрать окладчиков, а для их сбора — целовальников, “людей добрых”. Архиепископ, любивший северную столицу, ставшую его резиденцией, незамедлительно разослал во все монастыри распоряжение о присылке на Холмогоры “добрых окладчиков”, о сборе “денег по раскладке”, о присылке плотников². Благодаря проведенным работам Холмогоры похорошели.

Поморский писатель Б.В.Шергин, высоко ценивший вклад архиепископа Афанасия в развитие “художеств” на Русском Севере, считал, что «страсть Афанасия строить, переустраивать, обновлять, а главное, украшать дала толчок, стимул бытовым народным художникам и ремесленникам. В течение двадцати одного года буквально день и ночь “без поману” и на Колмогорах, и в Архангельске, и по Двине, и по Пинеге работают “каменные мастера”, “плотники добрые”, “искусные умельцы по железу”, “мастера кузнечного дела”, “добрые мастера столярного художества”, “изрядные живописцы малеры”. (Эти “малеры” расписывают карбаса и струги, сани и кареты, потолки и двери, крыльца, галереи и переходы.) В великом фаворе у Афанасия были художники-резчики по дереву и, конечно, резчики по кости»³.

¹ Фруменкова Т.Г. Указ. соч. — С. 29—30.

² Архангельские епархиальные ведомости (АЕВ). — 1897. — № 17. — С. 535, пр. 138; ААЭ. — Т. IV. — № 303.

³ Шергин Б.В. Поэтическая память. — М.: Сов. Россия, 1978. — С. 97—98.

Афанасий был одним из немногих русских архиереев, которые поддерживали преобразования, проводимые в России Петром I. Можно даже сказать, что царь Петр и поморский владыка были в близких, дружеских отношениях. Этому способствовали трехкратное посещение царем-преобразователем Русского Севера, а также неоднократные “командировки” архиепископа Афанасия в первопрестольную столицу.

Двинская летопись передает любопытный факт, произошедший в 1697 году. Молодой царь Петр “в четвертую неделю святого и великого поста” посетил архиепископа Афанасия, находившегося в Москве. Причем встреча была “в ночи не со многими своими ближними людьми”. Мы, конечно, никогда не узнаем, о чем беседовали царь и Холмогорский владыка, но сам факт ночной беседы говорит о их близких и доверительных отношениях. Петр Великий всегда мог положиться на владыку Афанасия, в том числе и в том, что касалось “кадровых вопросов”. Приведем один из царских указов 1701 года: “...выбрав тебе на Двине и на Колмогорах в епархии своей из бельцов священника человека добра и искусна и ученаго и пожиточнаго, а выбрав и дав ему с приходских церквей той же твоей епархии подмогу нескудную, послать его на караблях нынешним летним путем от Архангельского города в Галанскую землю к великому нашему послу, к ближнему окольному и наместнику Ярославскому к Андрею Артемоновичу Матвееву”¹. Известно также, что Петр I предполагал сделать архиепископа Афанасия преемником патриарха Андриана. Однако этого не случилось, царь Петр изменил свое решение, зная твердый характер поморского владыки, который мог не поддержать предстоящую церковную реформу².

¹ Верюжский В. Афанасий архиепископ Холмогорский... — С. 571—572.

² Там же. — С. 572—573.

В "Двинских церквах" были найдены записки о посещении Архангельска Петром I. Мы можем только предполагать, кто был их автором. Если не сам архиепископ Афанасий написал эти записки, то какой-либо северный священник тщательно подготовил эту рукопись под руководством Холмогорского владыки. Позднее они были опубликованы под очень длинным названием известным русским просветителем Н.И.Новиковым¹.

Во время своих приездов на Русский Север царь Петр неизменно выказывал симпатию и оказывал знаки внимания Холмогорскому владыке. В первый свой визит Петр подарил архиепископу Афанасию царский струг и разные флаги, в том числе штандарт с русским гербом и иерусалимский флаг с нашитыми на нем крестами, а также карету на рессорах². Во второй приезд Петра Великого на Русский Север Холмогорский архиепископ Афанасий в царские именины (29 июня) провел освящение крепостной церкви Петра и Павла. Ее постройка началась одновременно со строительством Новодвинской крепости. Над украшением церкви работали как московские мастера, так и местные — двинские. Нам известно имя одного иконника — Иван Погорельский. Новая церковь была снабжена государем "книгами, ризами и сосудами, церковными, и колоколами и всяким церковным благолепием и украшением". В день освящения Петропавловской новодвинской церкви

¹ О высочайших пришествиях великого Государя царя и Великого князя Петра Алексеевича, всея великия и малыя и белыя России Самодержца, из царствующего града Москвы на Двину, к Архангельскому городу, тоекратно бывших; о нахождении Шведских неприятельских кораблей; на ту же Двину, к Архангельскому городу; о зачатии Новодвинской крепости и освящении нового храма в сей крепости. Изданием Н.И.Новикова и компании. — М., 1783.

² Верюжский В. Афанасий архиепископ Холмогорский... — С. 527.

царь пожаловал преосвященному Афанасию два саккоса (одеяние, которое имели право носить только патриархи и митрополиты) — “один из золотой персидской парчи, а другой, драгоценнейший первого, потому что устроен был из собственного зеленого бархатного плаща Государева”¹. Во время освящения храм был украшен знаменами и флагами, вокруг него были расставлены петровские полки. Когда царь вместе с архиепископом вышел из церкви, то началась ружейная стрельба “от всех солдат побезным огнем круг церкви”, а потом открыли стрельбу из пушек по всей крепости — “кругом по стенам”².

С третьим приездом Петра Великого связано строительство на Заяцком острове Соловецкого монастыря церкви во имя апостола Андрея Первозванного³. Архиепископу Афанасию был пожалован захваченный шведский флаг и три пушки, отвоеванные в битве у Новодвинской крепости⁴.

Во время войны со Швецией архиепископ Афанасий делал многое для того, чтобы ускорить победу России.

Как известно, в начале войны, в битве под Нарвой (19 октября 1700 г.), русская армия потеряла почти всю свою артиллерию. Последовало распоряжение царя Петра “со всего государства, с знатных городов от церквей и монастырей, собрать часть колоколов на пушки и мортиры”. В октябре 1701 года последовал новый указ о направлении на “пушечный двор” из архиерейского дома и монастырей “пивоварных и квасоварных котлов и винокурных кубов и иной красной меди застольной посуды, oprичь самых нужных и поваренных и столовых

¹ Заринский М. Иерархи Архангельские и Холмогорские. — АГВ. 1847. — № 23. — С. 334—336.

² Верюжский В. Афанасий архиепископ Холмогорский... — С. 564.

³ Там же. — С. 565.

⁴ Постников С. Афанасий... — С. 43.

сосудов". Как ни трудно было исполнять эти царские указы и распоряжения, но Холмогорской епархией они были выполнены¹.

Владыка Афанасий проявил дальновидность, завидную энергию и твердость при строительстве Новодвинской крепости и отражении нападения шведов на Архангельск. Преосвященный Афанасий распорядился передать из запасов епархии на строительство крепости "30 сажен трех аршинных в длину и ширину камни бутowego лещадливого, самого доброго, к строению годного; 570 камней стенных, тесанных, разных рук; 302 камня мостовых, тесанных разных рук; 50 тысяч кирпича самого доброго; 300 бочек мерных извести; щебня кирпичного в кучах, сколько есть". За столь щедрое пожертвование архиепископ получил царскую благодарность².

Строить Новодвинскую крепость велено было "окрестными поморских городов жителями", а также "Двиняны и Кеврольцы и Мезенцы и иных городов посадскими людьми и уездными и монастырскими и церковными крестьяны". Позднее к "беломорской стройке" были приписаны четыре города — Каргополь, Чаронда, Кевроль и Мезень, которым было указано участвовать в строительстве "всем вопче... всеми жителями"³.

В 1701 году архиепископ Афанасий, желая помочь Петру Первому в войне со шведами, написал сочинение, называвшееся "Описание трех путей из России в Швецию". Владыка, безусловно, обладал необходимыми знаниями для подготовки этого документа. Он неплохо разбирался в вопросах истории и географии, а в его доме-резиденции, как фиксирует опись имущества, имелись

¹ Верюжский В. Афанасий архиепископ Холмогорский... — С. 540—541.

² Там же. — С. 545

³ Труды Архангельского статистического Комитета. — Архангельск, 1865. — Кн. 1. — С. 62.

“книга атлас”, “книга карта морская”, “всякие картины и чертежи”, “два глобуса на станках”, “компас”, “двенадцать чертежей да две карты морские”¹. По всей вероятности, все эти вещи не только приобретались, но и дарились преосвященному владыке поморскими мореходами, торговыми людьми, иностранными путешественниками. Он любил с ними беседовать, записывал их рассказы о морских и сухопутных путешествиях. Кроме того, еще до начала военных действий архиепископ организовал сбор разведывательных данных. К нему направляли “для беседы” всех его подчиненных, обладавших необходимой информацией, ему приходили письма из приграничных монастырей и приходов.

Этот документ-сочинение, еще до сих пор не оцененный как литературно-географический памятник, был впервые опубликован и прокомментирован в 1838 году академиком П.Г.Бутковым. Второй раз этот труд издал В.Верюжский в приложении к своей книге об Афанасии Холмогорском².

Многие исследователи не совсем точно передают его название. Сочинение архиепископа Афанасия (в рукописи) называется так: “Описание трех путей из державы царского величества, и с поморских стран, в Швецкую землю и до столицы из”³. В 1958 году Л.А.Дмитриев нашел в собрании И.А.Шляпкина в библиотеке Саратовского государственного университета второй список сочинения Афанасия Холмогорского в составе рукописного сборника географического содержания, написанного скорописью первой половины XVIII века. Этот спи-

¹ Верюжский В. Афанасий архиепископ Холмогорский... — С. 476.

² Бутков П.Г. Описание трех путей из России в Швецию // Журнал Министерства внутренних дел. — СПб., 1838. — Ч. 29. — С. 260—295; Верюжский В. Афанасий архиепископ Холмогорский ... — С. 656—665.

³ Шаскольский И.П. “Описание трех путей”... — С. 460.

сок полнее и более точно передает первоначальный текст холмогорского владыки. Как считает крупный специалист в этой области профессор И.П.Шаскольский, "известный нам ранее список представлял собою позднейшую переработку сочинения Афанасия Холмогорского, произведенную через несколько десятилетий после окончания Северной войны"¹.

Целью сочинения было описание не городов и местностей, но прежде всего (как явствует из заглавия) путей, ведущих в шведские владения. Фактически в данном случае автором соединены вместе два пути — древний путь из Новгорода и Приладожья к Белому морю, бывший (по крайней мере, с X—XI вв.) основной линией связи между Новгородом и Русским Севером, и важнейший русский водный путь через Неву в Балтийское море, когда-то являвшийся началом знаменитого "пути из Варяг в Греки"².

По предположению В.Верюжского, это "описание" должно было дать сведения для намечавшихся Петром I операций против шведов из района Белого моря, практически осуществившихся летом 1702 года в виде легендарного перехода петровского войска с двумя фрегатами от Белого моря через Онежское и Ладожское озера, совершавшегося почти точно по линии первого пути, описываемого Холмогорским владыкой³.

Выведем еще одно предположение о причинах создания архиепископом этого сочинения. Возможно, сама идея военного перехода по "осударевой дороге" исходила непосредственно от пронидательного и умного политика Афанасия. Мы не знаем, где и когда обсуждались

¹ Дмитриев Л.А. Новый список "Описания трех путей" Афанасия Холмогорского // Археографический ежегодник за 1958 год (АЕ). — М., 1969. — С. 335—349.

² Шаскольский И.П. "Описание трех путей"... — С. 459.

³ Верюжский В. Афанасий архиепископ Холмогорский... — С. 630—631.

эти вопросы между царем и владыкой, вполне вероятно, ими велась и секретная переписка. Во всяком случае, очевидно, что этому военному проекту Афанасий дал вполне научное обоснование.

На Русском Севере архиепископ Афанасий столкнулся с двумя трудноразрешимыми проблемами. Последователь реформ Никона, он жестоко преследовал старообрядцев. В 1683 году владыка посетил Соловецкий монастырь, остававшийся центром раскола, и дал чернецам уставную грамоту, направленную на регламентацию их жизни и борьбу со “старой верой”.

Основным средством противодействия расколу архиепископ Афанасий считал просвещение прихожан своей епархии, а для этого необходимы были образованные священники. Молодых юношей владыка направлял на учебу в православные школы и училища, после окончания которых священнослужителей определяли учителями в церковно-приходские школы¹.

Для борьбы с наиболее активными староверами архиепископ применял и репрессивные меры. По его приказу раскольников, “скованных и связанных”, со всей обширной епархии присылали в Холмогоры. Их содержали в тюрьме при архиерейском доме, допрашивали и избивали, заставляли отказаться от старообрядчества². Однако перелом в религиозном сознании большей части поморского населения, несмотря на властность и жестокость владыки, так и не наступил.

Большую известность на Русском Севере получили “окруженные послания” холмогорского архиепископа, которые призывали верующих посещать церковь, от “проклятого пьянства и шкаредомерзкого и злосмрадного табакопийства гнушатиcя и отбегати”³.

¹ Постников С. Афанасий... — С. 25.

² Фруменкова Т.Г. Указ. соч. — С. 29—30.

³ Шаскольский И.П. “Описание трех путей”... — С. 30.

На Русском Севере издавна существовала демократическая традиция избрания священника. Церковные акты постоянно упоминают о таких выборах. Архиепископ Афанасий сделал попытку прекратить приходски выборы и "изъять избирательные списки и порядные записи"¹. Однако эта попытка оказалась неудачной. Демократические традиции в православной церкви Русского Севера сохранялись вплоть до XVIII века.

Архиепископ Афанасий был человеком выдающихся способностей, широко образованным священником. Вот как о нем отзывался голландский путешественник Корнейль-де-Бруин: "Мы очень приятно провели два часа времени с этим прелатом, человеком здравого ума и любителем изящной литературы". В его библиотеке были книги на латинском, греческом и немецком языках. Библиотека также свидетельствует о том, что интересы Афанасия не ограничивались вопросами религии и богословия: среди книг, принадлежавших ему, было много медицинских, исторических, а также сочинений по географии, космографии, военному искусству.

Библиотека Афанасия — свидетельство большого уважения и любви ее владельца к книге. В описи, которая была составлена сразу же после его смерти, упомянуто 270 названий книг и 490 отдельных томов. Почти половина книг были рукописными. Палеографические особенности рукописей, созданных в Холмогорах в конце XVII века, позволяют сделать определенный вывод о сложившейся там школе книгописания².

¹ Верюжский В. Афанасий архиепископ Холмогорский... — С. 188, 675.

² Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера. — Л., 1977. — С. 185—195.

По специальному заказу Афанасия Холмогорского была составлена новая редакция "Двинского летописца"¹.

Понимая и высоко оценивая значение архивных документов для истории, владыка Афанасий устроил помещение для архива в колокольне воздвигнутого им в Холмогорах каменного кафедрального Преображенского собора, где по его распоряжению собирались все документы по управлению епархией².

Архиепископ Афанасий был автором ряда произведений богословско-полемического характера, которые были направлены против раскола: "Цвет духовный" (1682), "Книга о пресуществлении" (1688) и "Щит веры" (1690). Им также написаны научные труды — "Описание трех путей России в Швецию" (1701) и медицинский трактат (Лечебник) "Реестр дохтурских наук"³ с рецептами изготовления и применения различных лекарств. Среди произведений холмогорского епископа особое место занимает "Шестоднев", в котором наиболее полно выражено мировидение автора, его взгляд на внешний мир, человека и его предназначение⁴.

¹ Сербина К.Н. Развитие русского летописания в Поморье XVI—XVIII вв. // История и культура Архангельского Севера (Досоветский период): Межв. сб. научных трудов. — Вологда, 1986: — С. 64—65.

² АЕВ. — 1907. — № 6. — С. 180.

³ Феер Павел. Архиепископ Афанасий. — С. 94.

⁴ Панич Т.В. Особенности "Шестоднева" Афанасия Холмогорского // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. — Новосибирск, 1986. — С. 5—24; Есюков А.И. Человек и мир в православной просветительской мысли России второй половины XVIII века. Историко-философские очерки. — Архангельск, 1998. — С. 24—33.

Преосвященный Афанасий стал первым летописцем погоды и оборудовал в Холмогорах первую на Русском Севере обсерваторию¹.

В Москве архиепископ Афанасий заказал живописцу свой портрет, второй портрет выполнил двинской иконописец². Благодаря этим работам мы можем представить себе внешность самого яркого из епархиальных архиереев России.

Архиепископу Холмогорскому и Важскому были присущи неумемая любознательность, интерес к жизни, восприимчивость ко всему новому и любовь к прекрасному. Он вел обширную переписку с духовными и светскими вельможами, к нему стекались все новости из столицы. Неоднократные встречи с царем сделали Афанасия сторонником начатой Петром Первым внешней политики. Исследователь Т.Г.Фруменкова отмечает, что в архиве иерарха хранились материалы об Азовских походах Петра Первого 1695—1696 годов³. Владыка Афанасий был сыном своего времени и всегда находился в гуще всех политических событий. Он не только сам был активным соратником царя-преобразователя, но и помог духовенству и многим прихожанам своей обширной епархии оценить реформаторскую деятельность Петра.

¹ Кириллов С. Первая астрономическая обсерватория // За коммунизм (Холмогорский район). — 1965. — 11 дек.; Ануфриев В. Погоды первый летописец // Правда Севера. — 1968. — 21 нояб.

² Ружникова Е.И. Портреты Афанасия Холмогорского в собрании Архангельского музея изобразительных искусств // Холмогоры — центр художественной культуры Русского Севера. — Архангельск, 1987. — С. 52—63.

³ Фруменкова Т.Г. "Вести из-под Азова" Афанасия Холмогорского // Спорные проблемы истории русской общественной мысли (до начала XIX века). Научная конфер. Москва, 12—14 мая 1992 г. Тезисы докладов. РАН. Институт Российской истории. — М., 1992. — С. 61.

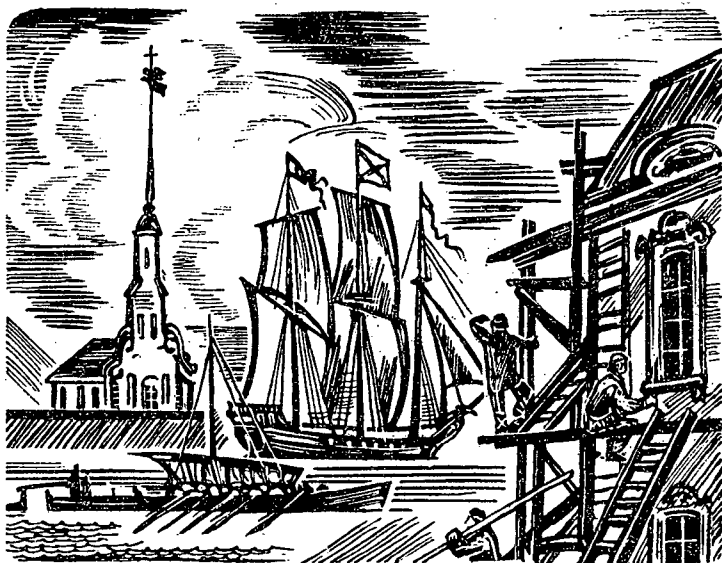
17 сентября 1702 года преосвященный архиепископ Афанасий скончался. “Пастырь бе изящный, божественного писания довольный сказатель, громогласный, речевист по премногу, остро разсудителен, чина церковного опасно хранитель, ревнитель в вере, на расколы разрушитель, трудолюбив, многа здания созда”¹, — так написали современники об Афанасии Холмогорском, самой яркой звезде в созвездии епархиальных архиереев петровского времени.

После смерти в шкафу владыки нашли четырнадцать ящичков “со всякими письмами и с грамотками советными” и сто рублей за его архиерейской печатью с ярлыком и надписью “на погребение”². Воистину, все остается людям... Таким остался в памяти северян первый преосвященный архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий, о котором Б.В.Шергин сказал: “Великого размаха был человек. Под стать Петру-то”³.

¹ Постников С. Афанасий... — С. 46.

² Верюжский В. Афанасий архиепископ Холмогорский... — С. 476.

³ Шергин Б.В. Указ. соч. — С. 33.

“ПАРАДИЗ” ПЕТРА ВЕЛИКОГО

ЗНАКОМИВШИСЬ с островами дельты реки Невы, царь Петр решил построить город-крепость на небольшом Заячьем острове. 16 мая 1703 года состоялась закладка крепости, строительством которой руководил “друг сердешный” царя Александр Данилович Меншиков. Первыми строителями Петропавловской крепости стали солдаты и рабочие, трудившиеся над укреплением Шлиссельбурга. Петр Первый в это время был в Лодейном Поле. Еще в 1702 году во время легендарного перехода из Белого моря к

Ладожскому озеру царь обратил внимание на огромные массивы сосновых лесов по берегам реки Свири и отдал приказ соорудить здесь судостроительную верфь. Губернатор Ингерманландии¹ А. Меншиков и олонецкий комендант И. Яковлев собрали со всего Поморья квалифицированных плотников для строительства Олонецкой верфи, на месте которой позднее и возник город Лодейное Поле. В 1702 году началось строительство Сясьской корабельной верфи. Крестьяне Александровской вотчины вместе с лошадьми непрерывно высылались “на Сясьское устье к корабельному строению”. Не подействовала жалоба крестьян, писавших, что у них “клячи... многие перепропали, а которое и остальные и на тех возить нечего не мочно”. В 1703 году все население Олонецкого уезда приписали к Олонецкой верфи. Нередко мобилизовывалось на строительные работы верфи все взрослое мужское население².

Среди семи фрегатов, заложенных на этой верфи, один получил название “Шлиссельбург” в честь сентябрьской победы 1702 года. Корабль был заложен 18 октября 1703 года и сооружался особой командой вологодских плотников под наблюдением голландского мастера Выбе Геренса. В июле 1704 года этот фрегат был спущен на воду и по Ладоге переведен в Петербург. К сожалению, построенный из сырого леса, он требовал частого ремонта, а в 1709 году стал окончательно непригодным к служ-

¹ Ингерманландия — термин из русской политической географии, заимствованный из немецко-шведского географического лексикона, определяющий территорию, лежащую к югу от Финского залива и Невы, между Волховом и Нарвой. (Историческая этнография. Русский Север и Ингерманландия. СПб., 1997. — С. 11—12).

² Шабанова А.М. Государственные повинности частновладельческих крестьян Северо-Запада России... — С. 156—157.

бе во флоте.¹ Непросто рождались первые корабли Балтийского флота, северным мастерам еще не хватало опыта и знаний для строительства петровских “новоманерных” кораблей.

Вернемся снова к берегам Невы. 24 июня 1703 года на Заячьем острове была заложена церковь во имя святых Петра и Павла, строительству которой царь придавал особое, символическое значение, так как апостол Петр, его небесный покровитель, был, по христианскому преданию, обладателем ключей от врат рая. Город, носящий имя этого святого, должен был стать ключом, открывающим выход к Балтийскому морю.

В 1704 году был составлен проект второй невской крепости — Адмиралтейства. Ее решено было возвести на месте деревушки Гавгуево, лежащей напротив Васильевского острова. Руководил ее строительством также А.Д.Меншиков, а его помощниками стали обер-комендант Петербурга Я.Брюс и олоонецкий комендант И.Яковлев.

На берегу Невы выстроили десять эллингов и стапелей. Уже в 1706 году Адмиралтейство спустило на воду своих первенцев — 18-пушечный корабль “Прам” и яхту “Надежда”.

Первыми судостроителями стали присланные из Поморья олонецкие мастера и подводчики из Белозерского, Пошехонского, Каргопольского и Новгородского уездов². История сохранила имена первостроителей кораблей Федосея Окляева, Гаврилы Меньшикова, Щербачева, Батакова, Окупаева, Пальчикова, мастеров парусного, мачтового и блокового дела Тихона Лукина, Ивана Кочета, Анисима Моляра, Фаддея Попова³.

¹ Зайцев С.Н. Вологжане на Петровских верфях // Историческое краеведение и архивы. — Вологда, 1997. — С. 66—67.

² Веселаго Ф.Ф. Очерки русской морской истории. — СПб., 1875. — Ч. I. — С. 500.

³ Мавродин В.В. Рождение новой России. — С. 118.

К Адмиралтейству приписали многие крестьянские дворы Петербургской и Архангельской губерний. Приписанные крестьяне обязаны были направлять работников в Петербург, где они трудились обычно четыре месяца в году. Направленным в Адмиралтейство по указу платили “кормовые деньги” — по три копейки в день в среднем — и выдавали хлеб и соль. Наиболее “навычные в деле”, знавшие судовое строение, получали, кроме того, жалованье в размере 10—12 рублей в год¹.

В 1712 году в помощь Адмиралтейству был основан Галерный двор, где строились галеры и полугалеры, ходившие не только под парусами, но и на веслах, что было так необходимо для ведения военных действий против шведов в шхерах Финского и Ботнического заливов.

История строительства русского галерного боевого флота неразрывно связана с Русским Севером. В 1695 году первый образец боевой галеры был доставлен в Архангельск из Голландии. Этот необычный заказ осуществил большой друг царя Петра — амстердамский бургомистр Н. Витсен. В разобранном виде галера была перевезена в село Преображенское. Сюда же доставили вологодских плотников, бывших с Петром I во время первого похода под Азов. Они под руководством голландского мастера изготовили детали и части для двадцати двух галер. Царскую галеру, которой было дано название “Принципиум”, что в переводе с латыни означает “основа”, “начало”, “руководящая идея”, собирал опытный вологодский плотник Осип Щека “с товарищи 24 человека”. 3 апреля 1696 года она была спущена на воду в Воронеже. Сорокаметровая царская галера, украшенная резьбой, была легкой и ходкой, и во время взятия

¹ Там же. — С. 118.

Азова ею командовал сам государь под именем капитана Петра Алексеева¹.

Российский флот на Азовском море состоял из построенных в Воронеже трехмачтовых 26-пушечных парусных судов, называемых барколанами. Строительство их требовало огромных затрат, возложенных на "кумпанства" (товарищества) светских и духовных землевладельцев, имевших не менее 100 дворов. Документы Вологодского государственного архива поведали о деятельности кумпанств Центрального Поморья (Вологодской и Белозерской епархии), которыми были построены два барколана.

Первое кумпанство образовалось в марте 1697 года и состояло из представителей: от архиепископа (1230 дворов) — Матвея Яковлева сына Волкова, он же представлял мелкие монастыри: Иннокентьев (119 дворов) и Нуромский (104 двора); от Кириллова монастыря (5250 дворов) — Василия Маркова сына Булычова; от Прилуцкого монастыря (616 дворов) — Якова Алферьева сына Старилова; от Корнильева монастыря (731 двор) — Гаврилы Павлова сына Беляницына.

Матвей Волков и Василий Булычов подрядили в Воронеже строить барколан гостиной сотни сына иногороднего купца Зиновия Тимофеевича Суровцева, а кирилловские монастырские служки Алексей Эвозский и Григорий Суровцев выполняли требование властей о найме корабельных мастеров. Оборудование, вооружение и заморские припасы на первый барколан поставил из-за моря по зимнему пути голландский купец Франс Федоров сын Тиммерман.

1 апреля 1698 года усилиями компанейщиков первый барколан был введен в строй.

¹ Елагин С.И. История русского флота. Период азовский. — СПб., 1864. — Приложение I. — № 1—3, 5, 6; Зайцев С.Н. Волжане на Петровских верфях. — С. 65—66.

Холмогорский архиерейский двор был причислен к кумпанству патриарха и рязанского архиерея. В пользу этого кумпанства архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий регулярно перечислял деньги из своего дома. Кроме того, со 134 крестьянских дворов, находившихся в Загорском стане и Чухчеремской волости, а также с 60 крестьянских хозяйств Спасского стана сбор "на корабельное строение" по полтине с каждого двора поступал во Владимирский судный приказ.

В 1697 году архиепископ Афанасий дал распоряжение сийскому архимандриту о сборе с монастырских крестьян по 27 алтын с каждого двора на "корабельное строение". В 1698 году он снова напоминает архимандриту о необходимости доставки недоплаченных денег в размере 25 рублей 25 алтын на "строение первого корабля", а также о сборе средств на строение второго корабля по 20 алтын с каждого двора и отсылку этих средств в Москву. В этом же году архиепископ Афанасий приказал собрать с 55 крестьянских дворов Никольского Корельского монастыря по полтине с каждого хозяйства на "корабельные строения"¹.

Во второе кумпанство, помимо северных монастырей, входило кумпанство архиепископа Казанского. На новый барколан средства собирали всем миром по алтыну с 10 дворов, а всего было внесено в казну 9400 рублей. Построить и снарядить судно подрядился иноземец архангельской прописки Елизар Елизаров сын Избрант. Построенные кумпанствами корабли оказались невостребованными, с Турцией был заключен мирный договор².

¹ Верюжский В. Афанасий архиепископ Холмогорский... — С. 538.

² Мясникова Л.Н. Документы ГАВО (Государственный архив Вологодской области) о судостроении в XVI — начале XVIII вв. // Историческое краеведение и архивы. — Вологда, 1997. — С. 116—118.

Наряду с барколанами для российского флота строились и малые суда: шлюпки, боты, карбасы, шняки и галеры. 12 марта 1696 года в Воронеж были посланы “карбусники Савостька Васильев с товарищи, 23 человека, для карбусного дела и велено им сделать в низовой отпуск карбусов и шняков сколько мочно к поллой воде”¹. Позднее вологодские умельцы проявили свое плотницкое ремесло и на строительстве галер. Боевые галеры составляли основу молодого Балтийского флота. А, как известно, матросов на эти суда набирали с Русского Севера — Беломорья. В 1713—1714 году на российский флот было призвано 1550, а в 1715 году — 2000 поморов. Вот только один из немногих характерных царских указов от 9 октября 1714 года, направленный Архангельскому вице-губернатору П.Е.Лодыженскому: “послан от нас капитан-поручик Румянцев для набору в матрозы у города також в Сумском остроге, на Мезени и в других местах, где есть лутшие работники, которые ходят на море за рыбным и звериным промыслом на качах (кочах — В.Б.), морянках и протчих судах”². Знал царь Петр, где искать опытных моряков. Но нельзя не отметить, что эти действия пагубно сказывались на экономике края. Об этом свидетельствовал, в частности, ганноверский дипломат Ф.Х.Вебер, находившийся в России в 1714—1719 годах, который писал о тяжести рекрутских наборов на флот в Поморье: “Когда сообразили, что люди эти, привыкшие плавать повсюду и на устроенных надлежащим образом кораблях, то всех их позабирали в Петербург, и добыча соли была, следовательно, брошена; поэтому-то царь и велел впоследствии закупать заграничную соль, на что должен был затрачивать ежегодно

¹ Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота. — СПб., 1895. — Ч. I. — Приложение 1, — С. 39.

² Петр Великий на Севере. — С. 148—149.

великие суммы”¹. Вот так Петр Первый в угоду своему любимцу — Петербургу — “ставил на колени” все Поморье. Но матросы из числа поморов принесли славу и победы молодому Балтийскому флоту. Приведем слова российских академиков Д.Лихачева и В.Янина: “Европа удивлялась, каким образом мелкие петровские весельные суда — галеры смогли одолеть первоклассный парусный флот Швеции в битве при Гангуте? Как могла осуществиться эта первая беспримерная победа России на Балтийском море? Причин можно назвать немало. Но одна из главных заключалась в том, что на веслах сидели поморы...”²

В Адмиралтействе сначала строили мелкие и средние суда, но после Полтавской баталии наступили времена многопушечных кораблей. Численность рабочих верфи непрерывно росла. Если к 1709 году число их не достигало и тысячи человек, то к 1715 году здесь уже было занято свыше 2700 человек, а к 1721 году — более 5 тысяч плотников, столяров, кузнецов, пильщиков и парусных мастеров³. В их числе были кузнецы и плотники из Архангельска, Холмогор и Великого Устюга. А “для всякие корабельные работы” к Адмиралтейству были приписаны поморские города — Олонец, Каргополь, Белоозеро, Устюжка и дворцовая волость Чаронда⁴.

В декабре 1709 года, в ознаменование Полтавской победы, на верфи по проекту Петра I и Федосея Скля-

¹ Кротов П.А. Роль населения Поморья в комплектовании военно-морского флота матросами в эпоху Петра Великого // Россия. Север. Море. V Соловецкий форум. — Архангельск, 1993. — С. 56.

² Лихачев Д., Янин В. Русский Север как памятник отечественной и мировой культуры // Коммунист. — 1986. — № 1. — С. 117.

³ Мавродин В.В. Рождение новой России. — С. 119.

⁴ Очерки истории Ленинграда. — М.;Л., 1955. — Т. 1. — С. 58.

ева был заложен первый линейный 54-пушечный корабль "Полтава". А в год спуска "Полтавы" на воду (1712 г.) на верфи уже строилось шесть линейных кораблей. Позднее Адмиралтейство могло строить корабли любого ранга: были спущены на воду 90-пушечный "Лесное", 92-пушечный "Гангут", а в 1723 году по царскому проекту был заложен 100-пушечный корабль.¹

Через Архангельск на петербургские верфи из Англии и Голландии доставлялись чертежи и макеты военных кораблей. В местном архиве был найден любопытный документ: "По указу Великого Государя, Вице-Губернатор Алексей Александрович Курбатов приказал доставить образцовый кораблик, который привезен к городу Архангельскому из Англии иноземцем Иваном Менварином... И велел им дорогою ехать тихо и бережно, а тот кораблик хранить в ухабах и косогорах, и с гор спускать и в лесах и на переправах беречь и отвести в целости..."² Документ датирован 21 января 1713 года.

Адмиралтейство располагало большим числом всевозможных вспомогательных предприятий, среди которых были Смоляной двор, водяные пильные мельницы, пороховой и канатные заводы. А для этих предприятий были необходимы квалифицированные кадры. В Архангельск 15 января 1718 года вновь направляется распоряжение: "Понеже надобно в Санктпетербурх в адмиралтейство на канатный двор прядильщиков сто пятьдесят человек года на два... число прядильщиков сыскав на Вологде и в других городах своей губернии вышлите в Питербурх немедленно"³. Пошли на пользу России трехкратные путешествия царя в Поморье, он запомнил

¹ Там же. — С. 55.

² Петр Великий на Севере... — С. 49.

³ Там же. — С. 154—155.

не только суровое Белое море, но и специалистов, работающих на постройке судов, их оснастке и снаряжении.

Строительство флота было тяжелым бременем для страны и прежде всего для Русского Севера. При проверке приходо-раскладных книг Спасо-Прилуцкого монастыря за 1696—1697 годы архиерейский казначей сделал замечание монастырскому служке за внесение неокладного корабельного взноса в книгу и рекомендовал учесть его отдельно. Но с 1698 года такие сборы стали систематическими. В 1701 году был введен корабельный налог на поддержание флота, за неуплату которого “ставили на правеж”.

Служилые люди, земские и церковные старосты, архиерейские домовые стряпчие разъезжали по поморским городам и селениям, собирая деньги на строительство, оснастку и починку кораблей, провиант и жалование мастерам и рабочим верфей. Все эти средства немедленно отправлялись в Петербург. Указные царские грамоты воеводам и стольникам содержали требование неукоснительного сбора недоимок под угрозой больших штрафов и жестоких наказаний, вплоть до каторги. Деньги на корабельное строение предписывалось брать со всех слоев населения: черносошных, монастырских, церковных и бобыльских людей. Даже городские обыватели-беломестцы, освобожденные за особые заслуги от всех или некоторых подворных податей и повинностей, обязаны были платить корабельные налоги.

В 1698 году, согласно отписям, крестьяне платили по полтине (полрубля, 50 копеек) со двора, в 1699 — по 3 алтына (алтын — 6 денег, 3 копейки), 2 деньги (деньга — полкопейки); в 1701 году — по 4 алтына с деньгою, в 1712 году — по 12 алтын с полденьгою, в 1720 году — по 1 рублю 5 алтын¹. На Русском Севере накопились значительные недоимки корабельного налога. Вот характерный пример. Церковный староста

¹ Мясникова Л.Н. Указ. соч. — С. 119—120.

вотчины Спасо-Каменного монастыря Савва Григорьев, выборные Афанасий Семенов, Яков Григорьев, Петр Никитин от имени всех старост и крестьян доносили в 1708 году Вологодскому архиепископу, а последний — царю, что “тех денег платить нам, крестьянам, невозможно для того: в той де их вотчине по переписным книгам 186 году (1678 г. — В.Б.) написано 472 двора, а ныне налицо 172 двора, а триста дворов пусты. И оттого, что многие крестьяне в новозаведенных городах в плотниках и в работниках померли, и в солдаты отданы; а иные от скудости и от многой такой пустоты сошли безвестно, так же и ныне в работники отданы. И естли за те деньги наши пожитки, хлеб и скот, и все, что есть, по твоему, великого государя, указу велено будет за то ценить и продавать — на столько не будет. И от того и последняя ис той вотчины разбредутца врозь; и та вотчина вся будет в запустении”¹. И такое разорение царило по всей России. Как показала перепись населения 1710 года, вследствие непрерывных наборов на строительство верфей, городов и крепостей, а также побегов от податей платежеспособное население государства к 1710 году снизилось с 791 тысячи дворов по переписи 1678 года до 637 тысяч, а на Русском Севере эта убыль достигла 40 процентов².

Трижды за годы войны проводились переписи поморского населения, которые выявили его значительную убыль. Основными ее причинами, помимо военных мобилизаций (за 1700—1709 гг. из поморских волостей и уездов в действующую армию было взято не менее двадцати тысяч рекрутов), были, как уже отмечалось выше, мобилизации на строительство Санкт-Петербурга, Кронштадта, каналов, а также многочисленные бегства

¹ Там же. — С. 119.

² Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. — СПб., 1898. — Т. 23 а. — С. 491.

черносошных и дворцовых крестьян. Только за три года (с 1707 по 1709) на различные стройки “парадиза” было отправлено более десяти тысяч человек, многие из которых погибли от непосильных трудов в тяжелых условиях¹.

Для быстрого решения финансовых проблем на места выезжали столичные чиновники. В Архангельске, например, четырежды побывал “для управления таможенных и прочих дел” инспектор ратушного правления С.В.Леонтьев. Не помогло в сборе казны и введение в 1711 году института фискалов. Поставленные на страже законности и справедливости, они сами часто нарушали законы, злоупотребляли, говоря современным языком, своим служебным положением. В 1712—1713 годах в Архангельске был “учинен розыск” взяточников-фискалов во главе с Перекрестовым.

С 1708 года на Соломбальской верфи Архангельска началось интенсивное строительство военных кораблей для Балтийского флота. Для руководства их постройкой царь Петр направил в Архангельск опытного корабельного мастера голландца Выбе Геренса с сыном Питером. К весне 1710 года на Соломбальской судовой верфи были построены два военных фрегата “Св. Павел” и “Св. Петр”. Организаторы и строители этих кораблей помнили имена первой яхты и фрегата архангельской постройки, надо полагать, в их честь и было названо второе поколение военных судов. “В петровскую эпоху, — как отмечает профессор Н.М.Теребихин, — культ Петра и Павла, получивший статус официального государственного, стал широко распространяться в периферийных, пограничных землях России”². Заминка с отправкой ко-

¹ Кондрескул А.М. Архангельский край и Северная война... — С. 33.

² Теребихин Н.М. Образ Петра I в ономастике сакральной архитектуры Русского Севера (храмы, лабиринты, корабли) // Памятники архитектуры Русского Севера: Сб. статей. — Архангельск, 1998. — С. 249.

раблей на Балтику произошла из-за несвоевременной поставки артвооружения. Летом 1712 года из Архангельска вышла эскадра из трех фрегатов. В ходе плавания была атакована шведская бригантина и захвачены два неприятельских корабля. Во время этого перехода фрегат “Св. Павел” взял на абордаж 11-пушечный французский капер, грабивший купеческие суда на линии Лондон — Амстердам — Архангельск. Русский посланник в Копенгагене князь Долгорукий восклицал тогда: “Слава больше прибыла, где от начала Света русские фрегаты не бывали, ныне воюют”. В силу различных причин фрегат “Св. Павел” архангельской постройки первым прибыл на Балтийский флот¹. И это тоже символично.

С 1711 года экипажмейстером на Соломбальской судовой верфи начал работать известный вавчугский судопромышленник Ф.А.Баженин. В 1712—1713 годах на верфи уже было спущено на воду пять 54-пушечных кораблей. А всего за годы Северной войны на Соломбальской верфи было построено семь линейных кораблей (52-пушечных), четыре фрегата (32-пушечных — 3, 24-пушечных — 1) и шесть брандеров. Пушки для них доставлялись с Петровских заводов (Карелия) по “осударевой дороге” до Нюхчи, оттуда морем в Архангельск. Пильные доски поступали с ветряной мельницы на Мосеевом острове, а корабельный лес заготавливался в Важском, Тотемском и Великоустюжском уездах². Корабли благополучно совершили переход из Белого моря в Балтийское, приняв участие в военно-морских сражениях.

Из Архангельска на Балтику уходили не только корабли, но и кадры для флота. В 1715 году, согласно запискам очевидца, поручика флота Я.С.Барша, при от-

¹ Быховский И.А. Архангелогородские корабли. — С. 34—35.

² Аммон Г.А. Морские памятные даты. — М., 1987. — С. 25.

правлении из северного порта четырех построенных на Соломбальской верфи 52-пушечных кораблей из 3500 набранных в Архангельской губернии рекрутов, а также с русских купеческих судов взяли "в матрозы... лутчих людей", полностью восполнив нехватку квалифицированных кадров на новопостроенных кораблях¹.

В течение восьми лет семь линкоров и три фрегата, построенные в Соломбале и Холмогорах из добротного северного леса, служили на Балтийском флоте. Эти суда, по отзывам современников-моряков, отличались высокими мореходными и маневренными качествами. Четыре линейных корабля ("Рафаил", "Ягудиил", "Уриил" и "Варахаил") под командованием флотоводца Н.А.Сенявина участвовали в знаменитом сражении у острова Эдель (Сааремаа) в мае 1719 года. Здесь была одержана первая победа русских кораблей в открытом море без abordaja, которую Петр Первый назвал "добрым почином Российского флота"².

До 1725 года в Соломбале было построено 126 судов различных типов. Архангельск был одним из главных корабельных центров России³.

В январе 1733 года в Архангельск прибыл корабельный мастер Ричард Козенц и заложил два 54-пушечных корабля — "Северная Звезда" и "Город Архангельск". Летом 1735 годы оба судна были спущены на воду. Одновременно состоялась закладка новых кораблей. На Соломбальской судовой верфи, первом казенном судостроительном предприятии России, основанном в 1693 году Петром Великим, трудилась славная плеяда видных отечественных кораблестроителей, поднявших престиж Российского военно-морского флота. Среди них наи-

¹ Кротов П.А. Роль населения Поморья... — С. 56.

² Кондрескул А.М. Архангельский край и Северная война... — С. 33.

³ Быховский И., Коньков Н. Колыбель русского флота... — С. 65.

большей известностью пользовались Андрей Михайлович Курочкин, Василий Артемьевич Ершов, Федор Тимофеевич Загуляев. За всю славную историю Соломбальской судовой верфи здесь было построено около 500 различных судов, среди которых больше половины составляли многопушечные линейные корабли и фрегаты, ставшие основой Балтийского флота и его эскадры, действовавшей на Средиземном море, в том числе первый гвардейский корабль русского военно-морского флота "Азов". Число линейных кораблей и фрегатов "архангелогородской" постройки в полтора раза превосходит количество аналогичных кораблей, построенных в XVIII—XIX веках в Санкт-Петербурге¹.

Со строительством порта и верфей быстро рос и сам город Петербург. Вся страна поставляла ему рабочую силу. Но больше всего работников прибывало из городов и сел Русского Севера. Больно сказать, но Петербург строился "на костях" северян. Люди погибали от непосильного труда, недоедания, болезней. Иностранцы определяют число погибших на строительстве Петербурга (1703—1717 гг.) в 60, 80 и даже 100 тысяч человек. Но учета погибших не велось, ни о какой статистике в эти годы не могли и помышлять². Руководители строительства не проявляли заботы о бытовых нуждах первостроителей города, об обеспечении их жильем. Жизнь в землянках, в шалашах или в наспех сколоченных лачугах определяла эти бытовые условия. Это наглядно показывает одно из донесений лица, ведавшего строительством города, о работных людях Московской, Смоленской, Казанской и Архангельской губерний, выполнявших сезонные работы в 1712 году. Из 6597 человек, принятых "приводцами" на месте отправки, 14

¹ Соломбальская верфь. 1693—1862. — Архангельск, 1993. — С. 5.

² Мавродин В.В. Рождение новой России. — С. 129.

умерли в дороге, 387 человек заболели и были оставлены в пути, а 441 — сбежали. Не дошло до Петербурга свыше 840 человек.

Прочитируем еще один документ — указ от 21 июня 1711 года “О высылке плотников для стройки кораблей”. Подьячему Василию Пырсенову приказано было ехать в Поморье для набора плотников по разнарядке: “с Ваги с посаду и с уезду с 5306 дворов плотников 24 ч[e]л[o]в[e]ка, дачу им денег 159 р. 6 ал., да с Устьянских волостей с 1393 дворов плотников 6 ч[e]л[o]в[e]к на дачу им денег 41 рубль, 26 алтын, 2 денги”¹.

В 1712 году состоялась первая массовая “мобилизация” рабочих Русского Севера на строительство Санкт-Петербурга (с 12 дворов по человеку), в августе 1713 года — вторая, в 1714 — третья, на строительство Кронштадта. Направленных по “оргнабору” рабочих должны были содержать в складчину крестьяне тех волостей, из которых они были направлены. Так к тяжелейшему корабельному налогу прибавился налог на содержание рабочих. А он был не малым. Например, староста Покровской церкви Ероговской волости Устюжского уезда с двух церковных дворов на жалованье петербургским плотникам, покупку и экипировку лошадей и подвод, фуража и провианта заплатил в государственную казну в феврале 1712 года 31 алтын и 2 деньги, в мае — 33 алтына и 2 деньги, в декабре 1712 года — 20 алтын и 2 деньги, в январе 1713 года — 32 алтына и 4 деньги, в ноябре 1713 года — 1 рубль, 24 алтына, “полчетверты” деньги². И все эти огромные средства денежным ручейком стекались в молодую северную столицу.

¹ Романов М. История одного северного захолустья. — В. Устюг, 1925. — Приложение. — С. 71.

² Мясникова Л. Н. Указ. соч. — С. 122.

В 1718 году заведующий строительными работами князь А. Черкасский указывал царю Петру на нецелесообразность использования работников в принудительном порядке. Работных людей, высылаемых из северных губерний по указу правительства, стали заменять людьми, нанимаемыми по найму. Собранные со всего обширного Русского Севера для строительства молодой столицы эти тысячи работников, которые организовывались в артели по землячеству, вокруг артельных котлов-очагов, в первые пятнадцать лет жизни Петербурга составляли значительную часть трудового населения нового города.

Сравнительно благоприятные условия сложились для переведенцев Охтинской слободы. В начале 1720 года был издан указ о строении на берегу Невы Охтинской стороны в пятьсот изб. Через год, когда было построено 216 домов, в поморские города — Белоозеро, Вологду, Шуйский городок, Холмогоры, Каргополь и Великий Устюг — был послан офицер с поручением “взять с тех городов 432 добрых плотников”, знающих судостроение, и выслать их в Петербург с женами и детьми, “и как привезены будут, дать им провианта муки по три четверти, да на то избное строение денег по два рубля на семью, и огороды в построенных домах... вспахать”¹. Такие условия создавали только высококвалифицированным плотникам-судостроителям. Ценил их труд, знания и сноровку главный реформатор России!

А сколько северян погибло от непосильного труда... Вот выдержка из челобитной старосты и выборных крестьян Засодимской волости на имя Петра Первого в апреле 1707 года: “Многие крестьяне в новозавоеванных городах в плотниках, в работниках, и в каменщиках померли...”²

¹ Очерки истории Ленинграда. — М.; Л., 1955. — Т. 1. — С. 96—98.

² Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. — М., 1976. — С. 124.

Создание "парадиза" Петра Великого и российского военно-морского флота потребовало усилий и жертв всего населения государства. Неоценимый вклад в становление молодой России как мировой державы внес Русский Север.

К строительству "северной Пальмиры" привлекались лучшие отечественные и иностранные зодчие: Иван Матвеев, Федор Васильев, Иван Устинов, Михаил Земцов, Петр Еропкин, Андрей Воронихин, Тимофей Усов (уроженец Поморья), Доменико Трезини, Карло-Бартоломео Растрелли и многие другие. Их имена достаточно известны широкому кругу читателей. Пришло время сказать и о тех, кто воплощал в жизнь идеи и замыслы талантливых архитекторов. К числу их относится выдающийся каменотес с Русского Севера Самсон Ксенофонтович Суханов. Будущий строитель родился 27 июня (10 июля н. ст.) 1768 года в деревне Завотежица Евдской волости, недалеко от города Красноборска, в крестьянской семье. Он бывал в Холмогорах и Архангельске, работал в артели промышленников-зверобоев на Груманте (Шпицбергене). В 1797 году ушел на заработки в Петербург. Через своего родственника Копылова устроился на строительство Михайловского замка, где в совершенстве освоил профессию каменотеса. Талантливый мастер и хороший организатор С.К.Суханов создал собственную артель, в основном из своих земляков. Семь лет Суханов был главным приказчиком на строительстве Казанского собора, по окончании которого был награжден золотой медалью на красной ленте с надписью "За усердие". Его руками высечены гранитные пьедесталы памятников М.И.Кутузову и М.Б.Барклаю-де-Толли, стоящих перед Казанским собором. Следующим местом работы сухановской артели стала стрелка Васильевского острова, где был создан великолепный ансамбль, включавший здание Биржи и полукруглую гранитную набережную с двумя ростральными

ми колоннами и со спусками к воде. Но, видимо, главным делом С.К.Суханова и его бригады было участие в сооружении Исаакиевского собора, а также Александрийской колонны из гигантского гранитного монолита с бронзовой капителью, барельефом на пьедестале и скульптурой на вершине, установленной на Дворцовой площади в память о победе в Отечественной войне 1812 года. Позднее С.К.Суханов уже именовался санкт-петербургским купцом¹.

В XVIII веке Поморье дало России и миру двух гениальных людей — Михаила Васильевича Ломоносова и Федота Ивановича Шубина (Шубного). М.В.Ломоносова в России, а тем более на Севере, знают все. Ф.И.Шубин менее известен нашим читателям. А жаль. Наш земляк был великим скульптором. Любимым материалом мастера был мрамор, хотя он умело пользовался гипсом, перламутром, бронзой и кистью. Он получил великолепное образование. Первоначальные навыки Ф.И.Шубин приобрел у себя на родине — в Холмогорах, где освоил косторезное мастерство. Он блестяще закончил Петербургскую (Российскую) академию художеств, затем совершенствовал свое мастерство в Париже, у прославленного скульптора Жана Батиста Пигалля. В Риме Ф.И.Шубин изучал скульптурное мастерство эпохи Возрождения.

Мраморные портретные бюсты М.В.Ломоносова, Ф.Н.Голицына, А.Г.Орлова, А.М.Голицына, царицы Екатерины II принесли ему большой успех и признание на родине. Он без устали трудится, создает множество неповторимых, исключительно ярких, выразительных скульптурных портретов государственных мужей, ученых и полководцев. До нашего времени дошло более

¹ Зайцев С.Н. Участие вологжан в строительстве Петербурга (первая половина XIX века) // Вологда: Историко-краеведческий альманах. — Вологда, 1994. — Вып. 1. — С. 86—95.

200 работ Шубина. Часть его художественного наследия хранится в Москве, в Государственной Третьяковской галерее. Но основная экспозиция его работ находится в “парадизе” Петра Великого — в Петербурге. Творения эти уникальны. Каждое из них — шедевр. Работы Ф.И.Шубина явились вершиной русского и мирового реалистического искусства скульптуры XVIII столетия. Они принесли автору и его родине — Поморью — всемирную известность¹.

Но вернемся в петровские времена.

Для того, чтобы “юный град, полнощных стран краса и диво”, быстрее окреп и стал крупнейшим торговым портом, Петр I предпринял ряд строжайших мер, ограничивающих экспортно-импортную торговлю Архангельска. В 1710 году было запрещено вывозить через первый порт России хлеб. Указ 1713 года предписывал русским купцам привозить пеньку и юфть не в Архангельск, а в Петербург. Позднее этот указ распространился и на икру, клей, поташ, смолу, щетину, составлявшие государственную торговую монополию.

Дальше — больше. В 1716 году русским купцам было приказано через Петербургский порт вывозить не менее шестой части отправляемых в Европу товаров, в 1718 году — не менее двух третей, а в 1722 году вообще было запрещено возить товары в Архангельск, за исключением только подвоза их из ближайших к нему областей. Принимались и другие дискриминационные по отношению к северному порту меры. Так, товары, направлявшиеся в Петербургский порт для экспорта, не облагались внутренними таможенными сборами, а вывозная пошлина с них была снижена в 1720 году напо-

¹ Фруменков Г.Г. Федот Иванович Шубин (К 250-летию со дня рождения) // Памятные даты Архангельской области. 1990 год. — Архангельск, 1989. — С. 26—27.

ловину. В то же время в Архангельске сохранялась полная пошлина с обязательной уплатой ее ефимками¹.

Чтобы окончательно сломить сопротивление поморских купцов, царь принимает решение о переселении многих из них в северную столицу. Первым шагом на этом пути был переезд в Петербург наиболее влиятельных купцов из Архангельска. К лету 1716 года “по разнарядке” из числа 300 купцов было переселено 186 — из Московской, Киевской, Казанской и Архангельской губерний. Для этой влиятельной части населения молодой столицы за счет посадов строились добротные дома². Петр I ввел в практику для улучшения торгового дела и коммерческих наук направлять в Италию и Голландию за казенный счет по 12—15 молодых купцов из Архангельска и Москвы³. Как правило, после “стажировки” за границей они оставались работать в северной столице.

Все эти меры принесли свои плоды. Если в 1716—1720 годах в Архангельск прибывало ежегодно в среднем около 140—150 торговых судов, то уже в 1721—1725 годах — лишь около 50. Зато если в 1718 году в Петербург прибыло 52 торговых судна, то уже в 1720 году — 75, в 1722 — 114, в 1724 — 270, а в 1725—1726 годах — 450 судов⁴. Изменились и суммы доходов. В 1717—1719 годах сумма архангельского экспорта составляла около 2 миллионов 344 тысяч рублей, импорта — около 598 тысяч рублей, а уже в 1726 году сумма экспорта составила лишь 285 тысяч рублей, а импорта — 36 тысяч рублей. В то же время как на дрожжах рос оборот Петербурга. В 1717—1719 годах сумма

¹ Огородников С. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. — СПб., 1890. — С. 148.

² Очерки истории Ленинграда. — Т. 1. — С. 108—109.

³ Мавродин В.В. Рождение новой России. — С. 152.

⁴ Огородников С. Очерк истории города Архангельска... — С. 147—148.

его экспорта составляла только 269 тысяч рублей, импорта — 218 тысяч рублей, а в 1726 году экспорт оценивался суммой около 2 миллионов рублей, а импорт — около 1 миллиона 550 тысяч рублей¹.

В начале XVIII века Петр I нанес еще один удар по поморскому судостроению, насаждая насильственным путем создание судов западноевропейского типа, оказавшихся не приспособленными к суровым условиям полярных морей и ледового плавания. Царскими указами от 28 декабря 1714 года и 28 декабря 1715 года поморам предписывалось строить “новоманерные” суда — гукоры, флейты, яхты и каты. На “староманерных” — лодьях, кочах, соймах и карбасах — разрешалось плавать 2—3 года². Однако поморское население приняло эти распоряжения “в штыки”. Тогда своенравный царь издает третий указ (от 1 марта 1719 года), в котором требует строить только “новоманерные” суда, а “староманерные” плавающие средства заклеить и плавать на них без ремонта, до полного износа³.

К 1719 году первыми построили гукоры Яков Пайкачев и Степан Нельчанов. В последующие годы большинство северных корабелов стали спускать на воду гукоры, буера, яхты, доншкоты. Указами Сената 1726 и 1728 годов, несмотря на просьбы поморов разрешить строительство “староманерных” судов, было приказано строить только суда западноевропейского типа.

Новые челобитные поморов и жалобы в Сенат архимандрита Соловецкого монастыря говорили о том, что на “новоманерных” судах по причине мелководья ходить сложно, да и стоимость их велика; и суда эти неудобны для рыбного промысла.

¹ Покровский С. Внешняя торговля и внешняя политика России. — М., 1947. — С. 89.

² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). — СПб., 1830. — Т. V. — № 2875; № 2973.

³ Там же. — № 3323.

И только 26 октября 1730 года последовал императорский указ, которым разрешалось строить "староманерные" суда Соловецкому монастырю и крестьянам, приписанным к этой православной обители. Благодаря этому стало возможным сохранить традиции строительства поморских парусников, способных плавать в арктических морях. В середине XVIII века поморские судостроители прекращают изготавливать буера и переходят на сооружение карбасов различного назначения. В последующие годы поморы вновь начинают строить лодьи и кочмары. Возврат к старым типам судов был вызван острой потребностью расширения морских и рыбных промыслов на Мурмане, Новой Земле и Груманте (Шпицбергене), где "новоманерные" корабли оказались полностью непригодными¹. Так бесславно провалилась петровская затея реформирования поморского флота. Справедливости ради следует признать, что впоследствии строителями поморских судов творчески использовались опыт и технология западноевропейского судостроения.

В заключение приведем рассуждение профессора Н.М.Теребихина о том, что Петербург как новая столица России строился на противопоставлении и в то же время усвоении-перенесении сакральной идеи Москвы (как старой столицы Руси) и Новгорода (как столицы Северной Руси). "Но реальным и хронологически самым близким прототипом (предтечей) Петербурга, —

¹ Брызгалов В.В. Типы судов прибрежного плавания на Белом море в середине XVIII столетия // Архангельское Поморье. История и культура. — Архангельск, 1983. — С. 92—101; Морозов С.В. "Старое" и "новое" в морском судостроении Беломорья в XVIII—XIX вв. // Народная культура Севера: "первичное" и "вторичное", традиции и новации. — Архангельск, 1991. — С. 121—124; Брызгалов В.В. Поморское судостроение в XVIII столетии // Россия. Север. Море. V Соловецкий форум. — Архангельск, 1993. — С. 19—21...

замечает Н.М.Теребихин, — является Архангельск, в сакральной топографии которого изначально была укоренена как символика Москвы (через образ архангела Михаила), так и Новгорода (через образ Спасо-Преображения). Поэтому Петербург — это прежде всего Ново-Архангельск”¹. Эту концепцию можно встретить в трудах Ю.М.Лотмана и Б.А.Успенского, которые совершенно справедливо отмечают: “Так, Петербург, воспринимаемый не только как новый Рим, но и как новая Москва... в практической жизни в качестве торговых ворот в Европу воспринимался как новый Архангельск. Однако это влекло за собой и символическое толкование: покровителем Архангельска был Михаил Архангел — один из патронов Московской Руси. Победа Града Святого Петра над городом Михаила Архангела могла толковаться символически...”²

¹ Теребихин Н.М. Образ Петра I... — С. 248.

² Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции “Москва — третий Рим” в идеологии Петра Первого // Художественный язык средневековья. — М., 1982. — С. 242—244.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

одошла к концу работа над трилогией “Русский Север”. Пора, уважаемый читатель, подвести некоторые итоги. Можно сделать вывод о том, что судьбоносную роль в жизни России сыграли не только северная столица Руси — Новгород, а затем первопрестольная Москва и “парадиз Петра Великого” — Петербург. Их могущество и процветание прирастало далекой провинцией и прежде всего Русским Севером. Факты свидетельствуют о том, что на протяжении многих веков Заволочье, а затем и Поморье вносили неоценимый вклад в политическое, экономическое и культурное становление России и ее столиц.

Великий Новгород так и не смог установить на Русском Севере боярщину, а централизованное русское государство не сумело закрепить северных крестьян. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что монголо-татарская конница не топтала северорусскую землю. Здесь издавна процветали свобода и самоуправление народа, независимость и коллективизм крестьянских “миров”.

Государство всегда стремилось обуздать северного крестьянина, промышленника и купца; налогами и дополнительными поборами согнуть его волю, но это никак не удавалось. Поморский свободолюбивый мужик, когда ему становилось невыносимо трудно жить, устремлялся “встречь солнца”, “открывая” и осваивая бескрайние просторы сибирской окраины и Дальнего Востока. Благодаря подвигу поморских мореходов и землепроходцев Россия стала не только европейской, но и великой азиатской державой, а затем вышла на американский континент.

Велика заслуга Русского Севера в развитии культуры и образования. Можно провести аналогию. Далекая Исландия сохранила для потомков — скандинавов — ценнейшие художественные и исторические памятники — саги. Русский Север сделал гораздо большее: сохранил и умножил для нашего народа древнейший эпос, песенно-фольклорную и музыкальную культуру, деревянную архитектуру, иконопись, многочисленные письменные документы и летописи.

Он также стал колыбелью морского и речного судостроения, родиной специализированного полярного флота. Издавна здесь велась российская и международная торговля. Холмогоры, гавань Святого Николая, Каргополь, Мезень-Лампожня, Онега, Великий Устюг, Сольвычегодск, Вологда и другие поморские города были крупными торговыми и ремесленными центрами России.

В XVI—XVII веках Архангельск стал первыми морскими воротами России, международным торговым портом. Русский Север являлся для столичных центров своеобразной кузницей кадров. Отсюда пошли династии таких купцов-предпринимателей, как Строгановы, Ушаковы, Федотовы, Кобелевы, Амосовы и многие другие. Целая плеяда выдающихся русских ученых, писателей, художников, начиная с великого Ломоносова, составила гордость российской науки и культуры.

На заре XXI столетия взоры россиян вновь обращаются к Русскому Северу. Именно здесь предполагается начать добычу природных богатств — нефти и газа. Архангельск становится кандидатом на звание нефтяной столицы арктического Севера и главного порта Северного морского пути. К лицу первому порту России будет и алмазное ожерелье, которое в ближайшее время ярко засверкает всеми своими гранями...

Взыскательный читатель вправе упрекнуть автора в излишнем пристрастном освещении исторических событий: мол, каждый кулик свое болото хвалит. Но реальные исторические факты свидетельствуют о том, что мы можем гордиться нашей историей, великим культурным наследием, созданным нашими предками-поморами; их упорным трудом, требовавшим обширных знаний и сноровки; поморской упрямки, отваги и мужества.

Автор не ставил перед собой цель полностью осветить многогранную историю Русского Севера, да это и не под силу одному человеку. Выпуск в ближайшее время тома "История" Поморской энциклопедии позволит приблизиться к этой заветной цели.

Возможно, некоторые положения моих книг имеют спорный характер. Буду признателен читателям за все замечания и отзывы на трилогию.

Я благодарен специалистам Архангельской областной научной библиотеки имени Н.А.Добролюбова, библиотеки Поморского государственного университета, директору издательства Поморского университета В.П.Базаркиной, редактору (а по существу соавтору и единомышленнику) Е.Ш.Галимовой, художнику Р.С.Климову, рецензентам — профессорам А.А.Куратову и Н.М.Теребихину, а также С.В.Сайдановой — первому читателю рукописи, осуществившей ее компьютерный набор, работникам издательско-полиграфического предприятия "Правда Севера" И.В.Худык, В.Г.Чупровой, М.Н.Кошмал. Без их творческого и дружеского участия было бы невозможно издать этот скромный труд.

На этом можно было бы поставить точку. Но автор в предисловии к первой книге "Русский Север" обещал читателям осветить героические страницы освоения Арктики и Северного морского пути. Поэтому впереди — новые книги.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ИЗВѢСТІЯ ИНОСТРАНЦЕВЪ О РОССІИ.¹

I.

ЗАПИСКА О ПУТЕШЕСТВІИ ВЪ РОССІЮ ЖАНА СОВАЖА ДІЕППСКАГО, ВЪ 1586 ГОДУ²).

Путь и время, которые должно избирать для путешествія къ Святому Николаю, въ Русскую Землю, сѣверомъ, суть:
Первое. Если вы хотите предпринять путешествіе въ Московію сѣверомъ, именно, къ Святому Николаю, въ рѣку Св. Михаила Архангела, надобно отплыть въ концѣ мая мѣсяца, или половинѣ іюня, самый поздній срокъ, и держать путь прямо, дабы обойти Мысь Сѣверный (Nord S), который далеко выдается впередъ, простираясь къ полюсу арктическому, и находится подъ 71°.

¹ Печатается по: Русский вестник. — 1841. — Т. 1. — С. 223—230.

²) Предполагая старинные и новые рассказы иностранцевъ о Россіи, и критическую повѣрку ихъ сдѣлать однимъ изъ постоянныхъ отдѣленій *Русскаго Вѣстника*, представляемъ для начала читателямъ нашимъ грубый, но весьма занимательный и оригинальный рассказъ стариннаго французскаго моряка. Онъ замѣчательенъ особенно тѣмъ, что составляетъ извѣстіе о самомъ первомъ путешествіи Французовъ моремъ въ Россію, по крайней мѣрѣ, самомъ старинномъ изъ всѣхъ, какія намъ донинѣ извѣстны. Его отыскалъ, въ рукописяхъ Королевской Парижской Библіотеки, Г-нъ Пари, извѣстный реймскій археографъ. На оборотѣ рукописи написано: *Memoire du voyage qu'a fait lehan Sauvage de Dieppe en Russie, a Saint-Nicolas et Michel-Archange, l'an 1586, au mois de juin* (Записка о путешествіи, учиненномъ Жаномъ Соважемъ Діеппскимъ въ Русь, къ Св. Николаю и Михаилу Архангелу, въ 1586 году, въ іюне месяце). Слѣдственно, Соважъ посѣтилъ Архан-

Item, когда вы опознаете Мысь Сѣверный, то прежде нежели вы увидите его, встрѣтите вы множество большихъ острововъ, кромѣ другихъ, и всѣ они покрыты снѣгомъ, весьма бѣлымъ, и нѣтъ тутъ ни пристанища, ни обитателей, ибо нельзя достать дна морскаго подлѣ нихъ, и они въ двѣнадцати миляхъ отъ твердой земли *Norvegiu* (*Norovague*), и всѣ корабли Короля Датскаго, идущіе къ Свят. Николаю, въ Колу (*Col*) и *Сурдауссъ* (*Вардегузъ?*), проходятъ мимо всѣхъ сихъ острововъ.

Item, когда вы будете у Сѣвернаго Мыса, надобно оставлять его на *suest* и *suruest*, пока дойдете до Вардегуза, а между ими 28 льё, и Вардегузъ является вамъ тремя островами, и тутъ, въ апрѣлѣ и въ маѣ, производится большая ловля трески, и едва только начнется время ея, являются тутъ Англичане, для ловли, которая весьма удобна, ибо не надобно шлюпокъ, а ловятъ прямо съ кораблей. Мы нашли тутъ шесть кораблей, занятыхъ ловлею, и хорошій грузъ корабля, готоваго къ отплытію, составлялъ до полутора ста тоннъ.

Item, когда будете въ Вардегузѣ, надобно бросить якорь на осьми брассахъ глубины, подлѣ материка, именно къ прибрежью на *ouest* и *surouest*, между Вардегузомъ и материкомъ; тутъ есть проливъ съ льё шириною, а приливы бываютъ *nord et sur*.

гельскъ черезъ 30 лѣтъ послѣ перваго открытія Россіи Ченселлоромъ, въ 1553 году. Вскорѣ послѣ Ченселлора явились на Двинѣ "корабли Брабанскія и Галанскія земли" (въ 1555 г. — См. Двинскій Лѣтоп.) и торговля сдѣлалась тамъ дѣятельна, но она долго сосредоточивалась въ Холмогорахъ, и только въ 1584 г. заложенъ былъ Архангельскъ, съ немецкимъ гостинимъ дворомъ. Въ половинѣ XVI вѣка, моряки діеппскіе отличались отвагою и богатствомъ; сельдяная и тресковая ловля обогащала ихъ, и на своихъ легкихъ *друггерахъ* они перевозили рыбу прямо отъ Канъ-Норда въ Левантъ, открыли Канаду, и первые основали французскую колонію на Сенегалѣ. Г-нъ Пари замѣчаетъ, что нашъ путешественникъ могъ быть родственникомъ Діеппцу Карлу Соважу, секретарю французскаго посольства въ Мадридѣ, въ 1562 г. Въ переводѣ старались мы сохранить всю грубую простоту подлинника, во многихъ мѣстахъ весьма темнаго.

Item, когда мы легли на якорь, нашъ купецъ (marchand) отправился на берегъ, говорить съ начальникомъ замка, и требовать позволенія пройти къ Св. Николаю. Онъ отвѣчалъ, что никогда еще не видывалъ здѣсь Французовъ, идущихъ къ Св. Николаю, и что нѣтъ у него предписанія давать намъ пропуска для прохода туда. Видя затрудненіе, надлежало подарить нѣкоторымъ господамъ (sieurs), поговорившимъ за насъ съ начальникомъ, что стоило намъ около 250 талеровъ (dalles), не считая подарковъ и расходовъ, нами сдѣланныхъ, ибо мы прожили тутъ три дня.

Item, когда мы получили позволеніе, и заплатили пошлину, слуги начальника (sieur) принесли Г-ну Коласу огромную кадъ краснаго дерева, и вмѣщавшую въ себѣ болѣе двѣнадцати кувшиновъ, и наполненную грубымъ, чернымъ пивомъ, которое крѣпче вина; надобно было все выпить. И повѣрьте, что Гг. Колась и дю-Ненель болѣе досадовали, что надобно столько пить, нежели жалѣли о деньгахъ, какія они здѣсь истратили; приходилось имъ, или осушить кадку, или притвориться пьяными, потому что такой здѣсь обычай.

Въ понедѣльникъ, 18-го іюня, когда избавились мы отъ начальника вардегузскаго, видѣли купца, который намъ сказывалъ, что въ то время, когда мы здѣсь находимся, въ іюнѣ и іюлѣ, они всегда видятъ солнце на горизонтѣ, что и вѣроятно, ибо мы сами видѣли его здѣсь въ теченіе двухъ мѣсяцевъ непрерывно, и такъ же хорошо на сѣверѣ въ полночь, какъ на югѣ въ полдень, и оно было такъ же ярко въ полночь на сѣверѣ, какъ въ полдень на югѣ. И вы можете уразумѣть, что сколько дней здѣсь видятъ солнце безпрестанно на горизонтѣ, столько же дней потомъ вовсе его не видятъ, такъ, что въ теченіе десяти недѣль бываетъ безпрерывная ночь.

Item, вы можете послѣ сего повѣрить, что туземцы, здѣсь живущіе, во время зимы, какъ они мнѣ сказывали, такъ же заняты, когда нѣтъ дня. Рыбы здѣсь такое обиліе, что они ловятъ ея, сколько могутъ изловить, хотя главная ловля кончилась у нихъ, когда мы приплыли. Всю рыбу, какую добудутъ, развѣшиваютъ они около селеній на множествахъ вѣшалокъ и большихъ рамахъ, гдѣ она и сушится.

Мѣсяцъ такъ хорошо подкрѣпляетъ имъ сушеніе, что рыба дѣлается тверда, будто дерево. Англичане называютъ ее *loquiefix* (codfish ? штокфишъ ?), но она собственно треска.

Item, надобно вамъ сказать, что всѣ люди, приходящіе въ Вардегузъ, не остаются здѣсь на зиму, когда ловъ рыбы кончится, и забравши рыбу, возвращаются на ближайшій материкъ, берегъ Норвегии (*costo de Norvague*), тѣ только однако жъ, у кого есть хлѣбъ, ибо ничего тамъ на землѣ не растетъ для пищи, и у жителей только и есть хлѣбъ, да питье и множество рыбы, и еще много дровъ, для топки печей, ибо во всѣхъ домахъ тамъ печи большія и жаркія, и очень опрятныя. А дома такъ углублены въ землю, что скотина ходитъ по крышамъ и ѣстъ тощую траву, растущую на домахъ; но хотя у жителей и есть скотина, какъ-то: овцы, козы, но и она питается зимою внутренностями рыбы, которую ѣдятъ жители.

Item, когда наступитъ зима, всякій запирается въ свой домъ, и занимается тамъ своимъ дѣломъ. Свѣтъ проходитъ туда сквозь окошко со стекломъ, которое дѣлается сверху. И когда идетъ снѣгъ, всѣ дома имъ покрываются, такъ, что ихъ вовсе не видно, и надобно выходить изъ нихъ по лѣстницамъ, когда идутъ куда за дѣломъ, въ церковь, за рыбой, и за другими дѣлами, какія встрѣчаются.

Item, можете повѣрить, что мнѣ говорили, что мѣсяцъ и звѣзды даютъ жителямъ столько же свѣта ночью, сколько солнце днемъ, и я тому вѣрю, ибо, соображая круглость земли, находящейся между солнцемъ и мѣсяцемъ, видимъ, что солнце не можетъ затмить свѣтлости мѣсяца и звѣздъ въ здѣшной сторонѣ, въ то время, когда находится на югѣ, во время равноденствія, ибо, чѣмъ ближе солнце къ мѣсяцу, тѣмъ мѣсяцъ менѣе имѣетъ свѣта, и звѣзды тоже. И говорятъ жители, что они такъ же хорошо занимаются своими дѣлами, когда свѣтитъ мѣсяцъ, какъ будто и при свѣтѣ солнца, и такимъ образомъ превращаютъ они ночь въ день, а день въ ночь.

Item, когда мы были за Вардегузомъ, то оставили мы сей мысъ на *suest*, направляясь къ рѣкѣ Колѣ, гдѣ находится большой островъ посреди рѣки, называемый *Гиллединъ*

(Gilledin — Кильдюинъ?), и между Вардегузомъ и Гиллединомъ разстояніе 50 льё.

Item, надобно вамъ знать, что островъ Гилледины весьма великъ, но необитаемъ. Король Датскій требовалъ его у Императора (Empereur) Русскаго, говоря, что ему непременно хочется имѣть Гилледины, полюбовно или войною. Мы видѣли пословъ Императора Русскаго, отправлявшихся отъ Св. Михаила Архангела, поговорить и согласиться объ означенномъ островѣ, ибо если Королю Датскому не имѣть его, то Датчане могутъ плавать къ Св. Николаю съ опасеніемъ, подвергая себя большой опасности, когда корабли Короля Датскаго могли бы охранять здѣсь переходъ до самыхъ подводныхъ мелей на Двинѣ, и отъ нихъ итти далѣе свободно до Свят. Михаила Архангела, и даже сжечь башню Св. Николая, но безъ сомнѣнія, я думаю, сладятъ дѣло обоюдно *pour la fosse*.

Item, отъ Гилледины до мыса Квеллена (Quellen?) 44 льё, и путь на *suest* и *norrouest*; и много тутъ острововъ вдоль береговъ; и между прочимъ семь острововъ, которые такъ и называются: Семь Острововъ (Sept-Isles?), и земля тутъ очень красива. Жителей вовсе нѣтъ, отъ Колы (Col) до Св. Николая, ибо земля вся еще была покрыта снѣгомъ, и снѣгъ шелъ, когда мы тамъ были, и очень было холодно.

Item, отъ упомянутаго мыса Квеллена до мыса Алибана (Aliban) 15 льё, на *norrouest* и *sursuest*. *Item*, отъ мыса Алибана до мыса Гратисъ (Gratys — Святого Носа?) 12 льё.

Item, отъ мыса Гратисъ, гдѣ начинается Бѣлое Море (la mer Blancѣе) до мыса Пейльмой (Пейльмуа — Peilmoу?) 10 льё, прямо на *surouest*, мысъ на *sur* и *porest*, и мысъ на *nord*, и пять острововъ между ними.

Item, отъ мыса Пейльмой (Peilmoу) до мыса Поллегей (Pol'egey) 9 льё, и тутъ островъ и хорошее якорное мѣсто, и отъ сказаннаго мыса Поллегей до мыса Полреннъ (Polrenne) 11 льё, берегъ на *ouest* *surouest* и на *nordest*; все земля плодородная и прекрасная, и множество высокаго лѣса, гдѣ много водится звѣрей, какъ-то: медвѣдей, волковъ и другихъ, какъ намъ сказывали русскіе туземцы.

Item, отъ мыса Полренна до мыса Бетинера (Boetinere), который на другомъ берегу, и составляетъ край Земли Кап-

новъ (de la terre des Cappes) 13 льё, на *sur* мысъ южный (*cap du sud*); есть якорное мѣсто.

Item, отъ упомянутого мыса до Св. Николая 18 льё, итти *nord cap du nord est*, и на *card et soüouest*. И когда пройдешь льё съ восемь, то увидишь башни Св. Николая; оставь тогда материкъ и острова налѣво, и когда пройдешь острова, то будешь у начала мели на рѣкѣ Двинѣ (Divine), которая рѣка течетъ изъ Московіи, идетъ на Вологду (Volgueda), потомъ на Холмогоры (Colmogrot), потомъ въ Архангельскъ, потомъ до Пудъ-Джемса (Poudes-James — Пудожемскій протокъ въ устьѣ Двины?), гдѣ рейда у мели и должно бросить якорь на восьми брассахъ глубины, выжидая времени. А на мели глубина только два брасса; въ длину болѣе двухъ льё выдается она въ море.

Item, отъ начала мели, при входѣ въ рѣку Двину до Св. Михаила Архангела 12 льё, и все острова, между которыми ходятъ барки, и тутъ надобно плыть на баркѣ, платить пошлины и акцизы въ Архангельскѣ, который составляетъ замокъ, сооруженный изъ бревенъ заостренныхъ и перекрестныхъ; постройка его изъ бревенъ превосходна; нѣтъ ни гвоздей, ни крючьевъ, но такъ хорошо все отдѣлано, что нечего похулить; хоть у строителей русскихъ всѣ орудія состоятъ въ однихъ топорахъ, но ни какой архитекторъ не сдѣлаетъ лучше того, какъ они дѣлають.

Item, приплыли мы 28-го Іюля передъ городъ Св. Михаила Архангела; гдѣ наши купцы сошли на берегъ, говорить съ губернаторомъ, и отдать ему отчетъ, какъ вездѣ водится. Послѣ ласковаго привѣта имъ, спросилъ онъ, кто они, и когда узналъ, что мы Французы, то весьма обрадовался, и сказалъ переводчику, представлявшему насъ, что просить насъ добро пожаловать, а потомъ взялъ большой серебряный стаканъ и наполнилъ его. Надобно было осушить (*vuider*) его, а потомъ другой, и опять осушить (*revuider*); а потомъ третій также надлежало докончить (*paracher*). Сдѣлавши три такіе славные глотка, думаете, что расквитались, но самое худшее идѣтъ послѣ того: надобно выпить еще чашку водки, столь крѣпкой, что отъ нея животъ и горло, какъ будто въ огнѣ, когда ее выпьешь. И тутъ еще не все: поговоривши немного, надобно пить за здоровье вашего короля, отъ че-

го вы не смѣете отказаться. Обычай здѣшной земли пить очень много.

Item, когда мы стали на якорь и наши купцы дали свѣдѣнія о товарахъ, выгрузили мы нашъ товаръ передъ замкомъ, который составляетъ большую загородку, сдѣланную изъ бревенъ, въ видѣ стѣны, и въ немъ съ восемьдесятъ или до сотни домовъ, въ которыхъ пріѣзжіе купцы хранятъ свои товары, и все запирается ключемъ, вмѣстѣ съ другимъ замкомъ для туземныхъ купцовъ, который отдѣленъ, хотъ и вмѣстѣ съ первымъ.

Item, когда мы свезли нашъ товаръ на берегъ, пріѣхали купцы изъ Московіи. Дорога туда весьма далека, и они привезли на большихъ габарахъ свои товары, какъ-то: сало, кожи, ленъ, пеньку, воскъ и огромныя эсландскія кожи (*grands cuire d'Esland*); все склали въ свой замокъ, и потомъ продавали тѣмъ, кто давалъ деньги.

Item, должно вамъ знать, что большія габары, привезшія товары для Англичанъ, платили пошлину уже въ Архангельскѣ, который составляетъ крепкій замокъ, гдѣ болѣе двадцати пушекъ изъ красной мѣди, на хорошихъ бастіонахъ, и дѣлаютъ онѣ ему сильную защиту; мы сами видѣли пальбу ихъ. Когда Англичане разсчитаются съ таможенною, то везутъ товары на рейдъ къ мели, къ Св. Николаю, ибо корабли большіе не могутъ входить на Архангельскій рейдъ, и принуждены держаться у острова Св. Николая, весьма небольшого, на которомъ находится башня Св. Николая (монастырь Св. Николая Корельскій, въ тридцати четырехъ верстахъ отъ Архангельска?), съ моря видимая весьма издалека. Тутъ всего строенія два, три дома, да башня, гдѣ находится стража.

Item, надобно вамъ знать, что всѣ русскіе купцы пріѣзжаютъ въ Архангельскъ въ началѣ августа, и никакъ не позже недѣлю, и срокъ ихъ пребыванію здѣсь съ товарами, самый большой, пятнадцать и двадцать дней; имъ надобно починить свои большія габары и обшить ихъ снова толстыми досками, въ которыя утверждаются веревки, когда они потянутся бичевою вверхъ.

Item, когда суда ихъ починаютъ, они грузятъ въ нихъ товары, и отправляются вверхъ противъ теченія и отлива, до го-

рода, называемаго Холмогоры (Colmogrot), 12 лѣ, гдѣ исправляютъ свои дѣла, и перегружаютъ товары на лошадей, если хотять везти сухимъ путемъ.

Item, когда отправляются изъ Холмогоръ по водѣ, надобно всегда человѣкъ сто тянуть судно и итти противъ теченія, а иногда и до двухъ сотъ, когда погода дождливая; итти надобно противъ отлива до Вологды (Volgueda), весьма хорошаго города, въ двухъ стахъ лѣ отъ Холмогоръ, гдѣ должно выгружать товары, ибо габары не могутъ итти выше.

Item, когда купцы дойдутъ до Вологды, то не выгружаютъ товара, пока земля вся замерзнетъ и покроется льдомъ. Тогда везутъ товаръ въ Москву, на разстояніи ста пятидесяти лѣ, на маленькихъ телѣгахъ, у которыхъ нѣтъ колесъ, ибо онѣ безъ колесъ лучше скользятъ по льду; каждую такую телѣгу везетъ пара огромныхъ животныхъ, называемыхъ зеленъ (zelen. — олень?), которые бѣгутъ скоро и ѣдятъ мало.

Item, когда купцы пріѣдутъ въ Москву, то снова наваливаютъ на телѣги товаръ, пока еще земля мерзлая, такъ, около декабря и въ январѣ, и везутъ въ Вологду, гдѣ оставили свои габары, которые между тѣмъ готовятъ для нихъ, въ ожиданіи, пока рѣка вскрыется, и можно будетъ ѣхать къ Св. Николаю, въ Архангельскъ и Колону (Colona — Кола?), мѣста распродажи. И повѣрьте, что я видѣлъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, которые мы пробыли, болѣе двухъ сотъ пятидесяти большихъ габаръ, вышедшихъ изъ рѣки, и всѣ онѣ были нагружены рожью, солью, кожами, воскомъ, льномъ и другими товарами.

Item, надобно габарамъ, совершающимъ плаваніе по морю, возвращаться въ концѣ августа, а въ половинѣ сентября послѣдній срокъ, ибо море застываетъ, и все покрывается льдомъ иногда въ одну ночь, потому что когда солнце сближается къ равноденствію, погода начинается здѣсь холодная и дождливая, какъ жители мнѣ сказывали.

А симъ и окончу сію мою записку, я Жанъ Соважъ. Діеппскій. Октября 20-го 1586 года.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СВЕДЕНІЯ ОБЪ АРХАНГЕЛЬСКИХЪ ЛОЦМАНАХЪ.¹

(Кап. 1-го ранга П. Ф. Кузмищева.)

Въ дѣлахъ архива Архангельскаго Губернскаго Правленія, найдена челобитная горожанина Ивана Прокофьева Мамаева, искавшаго въ 1711 году права и дозволенія, приводить къ Архангельскому порту и отводить на море "торговые, разныхъ земель, корабли," — чѣмъ пользовался и отецъ его. Въ этомъ дѣлѣ, между прочимъ, находится слѣдующій "списокъ съ памяти", приложенный къ прошенію Мамаева.

СПИСОКЪ СЪ ПАМЯТИ.

Лѣта 7182 (1674) Марта въ 20-й день, по Государеву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца указу, памяти корабленымъ вожемъ Пронькѣ Игумнову, Ермилкѣ Дядькину, Ермолкѣ Рокитину съ товарищи. — Въ нынѣшнемъ во 182 году Марта въ " " день били челомъ Великому Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, а на Колмогорахъ въ съѣзжей избѣ Думному дворянину и воеводѣ Федору Полуехтовичу Нарышкину,² да дьяку Офанасію Зыкову. Подали вы Пронька съ товарищи челобитную, а въ челобитной написано: въ прошлыхъ-де годѣхъ, водили мы съ моря къ Архангельскому городу и отъ города на море корабли, и съ того корабленаго воженья въ Государеву казну оброкъ платили два года; и чтобъ Великій Государь пожаловалъ велѣлъ вамъ о томъ корабленомъ воженѣ дать память, противу прежняго своего Государева указу и по грамотамъ. А въ прошломъ во 180 году Мая въ 10-й день, въ Государевѣ Царевѣ и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодерж-

¹ Печатается по: Кузмищев П. Исторические сведения об архангельскихъ лоцманахъ. — СПб., 1864. — С. 301—311.

² Фед. Полуэкт. Нарышкинъ, долженъ быть родной братъ Кириллу Полуэктовичу, отцу Царицы Натальи Кирилловны.

ца грамотѣ, изъ Новгородскаго Приказу, за приписью дьяка Офанасья Ташлукова на Двину, къ Думному дворянину и воеводѣ къ Офанасью Ивановичу Нестерову, да дьяку Костянтину Михайлову, писано: въ прошлыхъ годѣхъ, по 180 годъ, у Архангельскаго города, въ корабленую пристань водили торговые корабли съ моря Двиною рѣкою къ Архангельскому городу, а отъ Архангельскаго города на море корабленные вожи Колмогорцы и Архангельскаго города посадскіе люди; а оброку Великаго Государя въ казну не платили. А въ прошломъ 179 году, будучи на Москвѣ, Архангельскаго города корабленные вожи Пронька Ефимовъ съ товарищи, давали, съ того корабленаго вожевого промыслу, по десяти рублевъ на годъ; а въ 180 году, Колмогорецъ Ермолка Рокитинъ съ товарищи, съ того жъ промыслу давали по тридцати рублевъ на годъ, и съ Москвы съѣхали. И по указу Великаго Государя и по грамотѣ, велѣно о корабленомъ вожевомъ промыслу Пронькѣ Ефимову съ Ермолкою Рокитинымъ съ товарищи дать торгъ; да кто больше оброку дастъ, и тѣмъ вожемъ велѣно корабли водить изъ оброку, съ поручною записью. И въ прошломъ же во 180 году Іюля въ 30-й день, корабленнымъ вожемъ Пронькѣ Ефимову и Ермолкѣ Рокитину съ товарищи о корабленомъ вожевомъ промыслу даванъ торгъ, и съ торгу отдано то корабленное воженье Ермолкѣ Рокитину съ товарищи; а оброку съ нихъ въ Государеву казну на 180 годъ взято сорокъ рублевъ двадцать пять алтынъ. И въ прошломъ-де 181 году, Мая въ 29-й день, били челомъ Великому Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, а въ съѣзжей избѣ боярину и воеводѣ Князю Дмитрію Алексѣевичу Долгорукову¹, да дьяку Офанасью Зыкову, подали челобитную, Воз-

¹ Бояринъ воевода Князь Дм. Ал. Долгоруковъ, въ слѣдующемъ 1674 году скончался въ Холмогорахъ, а похороненъ въ Москвѣ. (Сказанія о родѣ Князей Долгоруковыхъ, стр. 43): Судя по тому, что въ Холмогоры назначались Воеводами бояре изъ свойственникововъ Царскихъ, каковы Милославскіе, Нарышкины и Долгоруковы, — видно, что мѣсто это считалось въ то время однимъ изъ важнѣйшихъ.

несенскаго прихода¹ Ивашко Хабаровъ; а въ челобитной его написано: въ прошлыхъ-де годѣхъ, со 161 года, по указу Великаго Государя и по грамотамъ, водилъ онъ Ивашко корабли съ моря къ Архангельскому городу и отъ города на море; и въ прошломъ же де во 180 году, по указу Великаго Государя и по грамотѣ, водили корабли Низовцы жъ² Ермолка Рокитинъ съ братьею, да Ермилко Дяткинъ изъ оброку; а его-де Ивашка, велѣлъ ему съ моря къ Архангельскому городу и отъ города на море корабли водить; а онъ-де Ивашко отъ того корабленого воженья, сверхъ стараго оброку, вновь узнеть платить по рублю на годъ. Да Юня въ 7-й день, били челомъ Великому Государю, а въ съѣзжей избѣ боярину жъ и воеводѣ Князю Дмитрію Алексѣвичу Долгорукову, да дьяку Офанасію Зыкову, подали челобитную корабленные вожи Архангельскаго города посадскіе люди Пронька Ефимовъ да Ермилко Дядькинъ, Вознесенскаго прихода Ермолка Рокитинъ съ товарищи; а въ челобитной ихъ написано: въ прошломъ-де во 180 году, по указу Великаго Государя и по грамотѣ, отдано имъ корабленное воженъе на оброкъ; а оброку они платили въ Государеву казну сорокъ рублевъ двадцать пять алтынъ. И въ нынѣшнемъ-де во 181 году, подаль челобитную, по ненависти прежней, отказной вождъ Ивашко Хабаровъ; а въ челобитѣ написалъ сверхъ прежняго году оброку рубль, хотя ихъ тѣмъ изгонить. И чтобы Великій Государь пожаловалъ ихъ, Проньку съ товарищи, велѣлъ имъ, по прежнему своему Великаго Государя указу и по грамотѣ, быть въ корабленныхъ жожахъ на пять лѣтъ безъ перекупки; а они-де съ того корабленого воженья, сверхъ его Ивашкова рубля, дадутъ по полтинѣ на годъ. И бояринъ и воевода Князь Дмитрій Алексѣвичъ Долгоруковъ, да дьякъ Офанасій Зы-

¹ Вознесенскій приходъ существуетъ на островѣ Двины, ниже Архангельска и Соломбалы, на противоположномъ берегу. И нынѣ живутъ тамъ нѣсколько лодманскихъ семействъ.

² Низовцами они (жители Архангельска и окрестныхъ мѣстъ) названы здѣсь: относительно къ Холмогорцамъ, живущимъ выше ихъ по Двинѣ.

ковъ, слушавъ того ихъ челобитья; приказали тотъ корабельный промыслъ отдать на оброкъ Пронькѣ Ефимову, да Ермолкѣ Рокитину съ товарищи (и отдаетъ); и дать имъ о томъ память. И по указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, корабельнымъ вожемъ Пронькѣ Ефимову, да Ермилку Дядькину, да Ермолкѣ Рокитину съ товарищи, въ нынѣшнемъ, во 182 году, съ моря къ Архангельскому городу и отъ города на море корабли водить противъ прежняго; а оброку имъ съ того корабленаго промыслу платить Великаго Государя въ казну, въ съѣзжую избу, стараго и новоприбылаго по сороку по два рубли на годъ. А на корабли вамъ вожемъ ѣздить для воженья въ то время, какъ для допросу на корабли съѣзжать Сотникъ и Стрѣльцы; а прежде Сотника и Стрѣльцовъ вамъ отнюдь на корабли не ѣздить; а буде вы учнете на корабли ѣздить для воженья прежде Сотника и Стрѣльцовъ, и корабль проведите въ Двинское устье безъ роспросу и безъ записки, и вамъ за то по указу Великаго Государя быть въ жестокомъ наказанъѣ, безо всякія пощады. А кто буде учнетъ мимо васъ корабли водить иные люди, и вамъ тѣхъ людей приводить въ съѣзжую избу, къ Думному дворянину и воеводѣ къ Ѳедору Полуэктовичу Нарышкину, да къ дьяку къ Офанасью Зыкову. — У подлинной памяти Думной дворянинъ и воевода Ѳедоръ Полуэктовичъ Нарышкинъ печать свою приложилъ. На другой сторонѣ поставомъ (?) приписъ дьяка Офанасья Зыкова. Справа подъячаго Ивана Ростегалева. Къ сему списку, вмѣсто Ивана Мамаева, Алексѣй Бѣляевъ руку приложилъ; а подлинной указъ онъ Иванъ Мамаевъ къ себѣ взялъ.

*

Въ дѣлахъ Архангельскаго лоцманскаго стана, сохраняется еще списокъ съ другой памяти, данной 16-ю годами послѣ этой.

*

“Лѣта 7198, Августа во второй день, по указу Великихъ Государей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, память корабельнымъ вожамъ Ивашку Олтуфьеву,

да Коземкѣ Котцову съ товарищи. — Быть вамъ во время ярмонки нынѣшняго 198 года въ корабленныхъ вожахъ, для того въ нынѣшнемъ во 198 году въ указѣ Великихъ Государей и въ наказѣ и съ приказу Большія казны, каковъ данъ гостю Алексѣю Филатьеву съ товарищи, для сбора Архангельскаго города таможенныхъ пошлинъ написано: вожей, которые Двиною рѣкою торговые корабли съ моря въ верьхъ до Архангельскаго города проводить, также тѣхъ корабли и отъ города на море отводить, нанимать Голанцомъ и Анбурцомъ торговымъ иноземцомъ добровольно, ково они похотятъ повольною цѣною, какъ бывало изстари до откупу, а откупщикомъ и подрядчикомъ въ вожахъ нынѣ и впредь не быть, и откупныхъ денегъ, которыя съ вожей съ того промыслу въ казну Великихъ Государей иманы по 193 годъ, впредь не имать и изъ окладу тотъ откупъ выложить; а вѣдать вожей, которые у иноземцовъ наймутся, во всякихъ дѣлахъ по новому торговому уставу, въ таможнѣ, гостемъ съ товарищи, которые въ таможнѣ бываютъ; а въ приказной избѣ вожей, которыхъ иноземцы нанимать учнутъ, ничѣмъ вѣдать не велѣно. И въ прошломъ во 194 году били челомъ Великимъ Государемъ торговые иноземцы Кондратій Канегитеръ, да Андрей Брестъ съ товарищи: подрядили они иноземцы у города Архангельскаго корабленныхъ вожей, вась Ивашку Олтуфьева, да Коземку Котцова съ товарищи, и взяли на вась запись, въ томъ, что будучи вамъ у города Архангельскаго, со 194 года впредь на вся годы, покамѣсть они иноземцы вась у себя въ вожахъ держать похотятъ, провожать ихъ иноземскіе корабли съ моря къ Архангельскому городу, также и отъ города на море выводить; а рядили они иноземцы вамъ отъ проводу кораблей съ моря къ Архангельскому городу по два рубли, а отъ выводу отъ города на морѣ по шести рублевъ со всякаго корабля; и вамъ корабельнымъ вожамъ Ивашку Олтуфьеву, да Коземкѣ Котцову съ товарищи, которыхъ имена въ вышепомянутой записи у иноземцевъ писаны, въ нынѣшнемъ во 198 году, во время нынѣшней ярмонки, торговые корабли, которые съ моря учнутъ къ устью приходить, провожать къ городу Архангельскому и ставить съ ними на прежней пристани; и послѣ ярмонки отъ го-

рода на море проводить со всякимъ береженьемъ, и въ цѣнѣ свержь договору своего и записи, никакой тѣсноты иноземцамъ не чинить, и никакихъ иныхъ откупщиковъ подлѣ себя не держать. Къ сей памяти Архангельскаго города корабельныя пристани таможенная печать приложена.”

Печать на черномъ воскѣ; но изображеннаго на ней, по смятію ея, различить нельзя.

На оборотѣ, по склею трехъ листовъ столбца, скрѣплено подписью: гость Алексѣй Филатьевъ.

*

Изъ этихъ документовъ явствуетъ:

1-е.) Права перваго Русскаго лоцманскаго общества, и давность, — утвержденная извѣстными, или сохранившимися до насъ, письменными актами, — восходить до 1653 (7161) года.

2-е.) Право проводить въ устьѣ Сѣв. Двины иностранныя купеческія корабли, было сначала безъ оброка; а потомъ, съ 1671 года, отдаваемо на откупъ съ торговъ до 1685, а съ этого времени оставлено опять безъ откупа.

3-е.) Архангельскіе лоцмана подлежали сначала вѣденію приказной избы, а потомъ, съ 1690 года, таможенѣ.

4-е.) Въ 1690 году опредѣлена постоянная плата: за приводъ къ порту съ моря по 2 руб., а за выводъ по 6 рублей.

5-е.) Изъ приказныхъ въ дѣлѣ Мамаева справокъ видно, что въ 1711 г. въ лоцманахъ были безъ жалованья 32 человекъ разныхъ волостей, “а верстались они на убылыя мѣста между собою, безъ приказнаго повелѣнія, братскимъ совѣтомъ, на отцово или братне мѣста, котораго съ такое дѣло станеть и кто знаетъ корабельный ходъ.”

NB. Да еще видно, что мы утратили свои Русскія названія “Корабленной вожь”, (лоцманъ) и “Стрежь” (фарватеръ), замѣнивъ ихъ иностранными.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

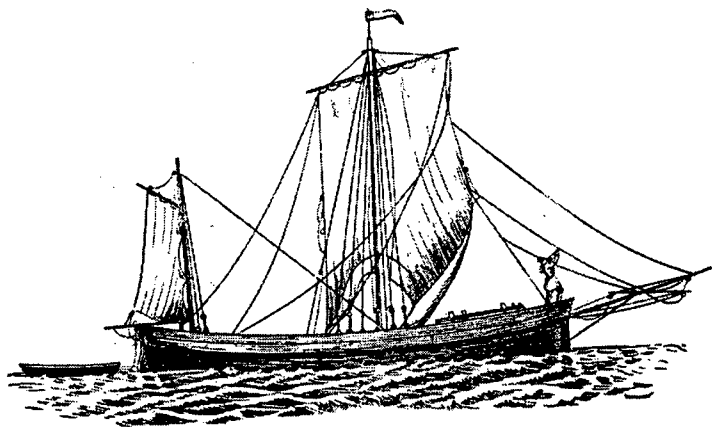
из книги "История открытия и освоения Северного морского пути". Т. 1.: М. И. Белов "Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века". — М., 1956.

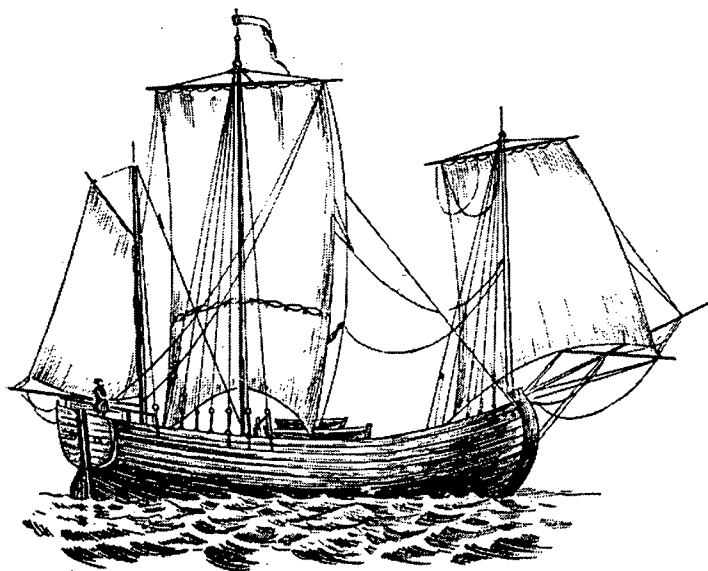
1555 г. Деталь карты-чертежа А. Вида. Север.
На карте показаны Белое море, устье реки Оби и
Обская губа, на правом берегу которой изображена
часть Китайского царства

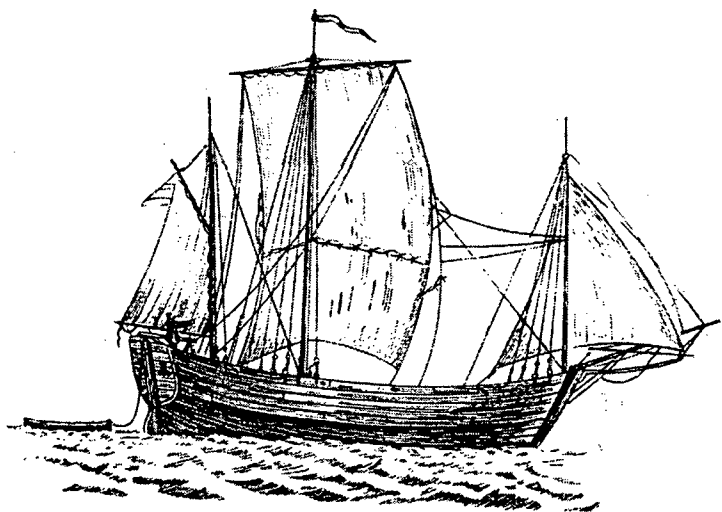
Русская лодья XVI—XVII веков
Рисунок из рукописи XVIII в. поморского
письма, найденной В.И. Малышевым на Печоре

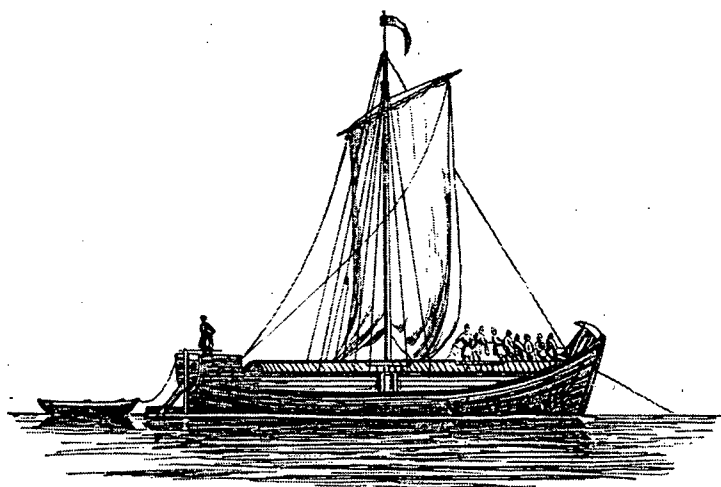
Шняка XVIII—XIX веков

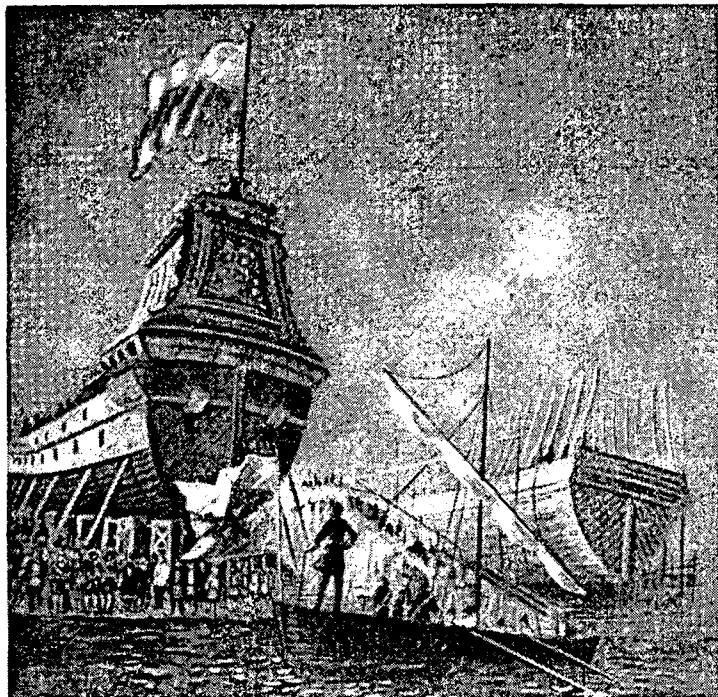
Лодья XVIII—XIX веков

Кочмара XVIII—XIX веков

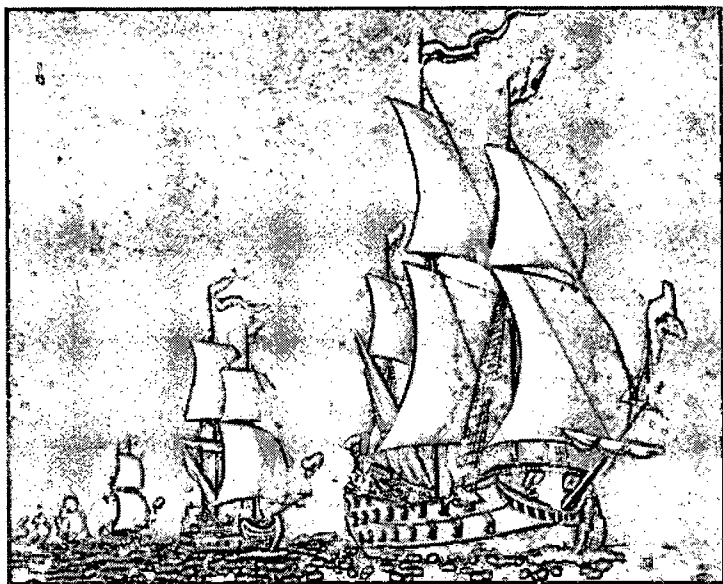
Калюк XVIII—XIX веков

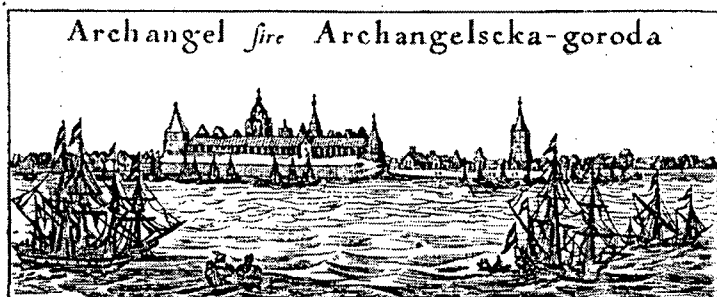
Спуск на воду первого корабля в Архангельске

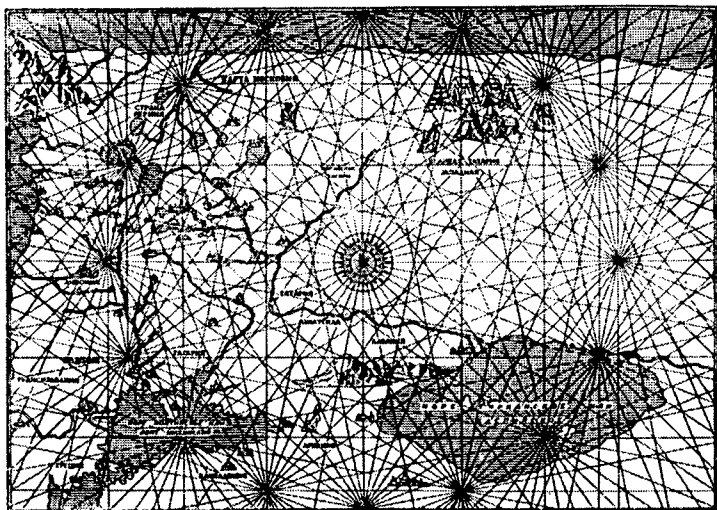
Оборона Новодвинской крепости против нападения шведской эскадры в 1705 году

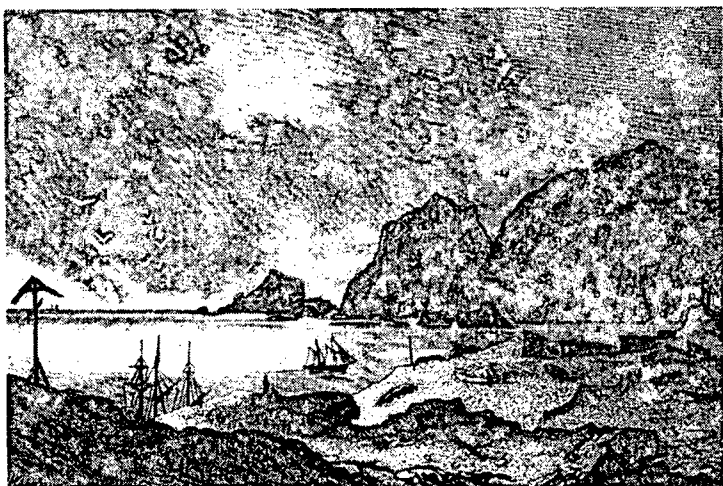
Флот петровской России в плавании

Вид города Архангельска XVII века. Деталь карты России 1633 г.,
изданной И. Массой

1525 г. Чертеж Дмитрия Герасимова в переработке Баттиста Агнеше

Селение Поной. Рисунок Н. Каразина

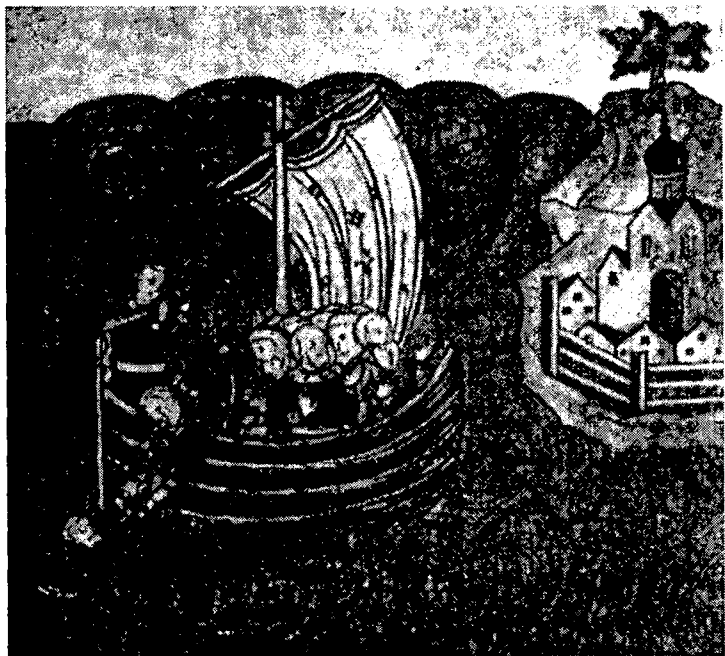

Рис. 1.

Плавания на лодях послушников Соловецкого монастыря (Рис. 1, 2, 3).

Миниатюры из рукописной книги начала XVII века "Житие
преподобных Зосимы и Савватия"

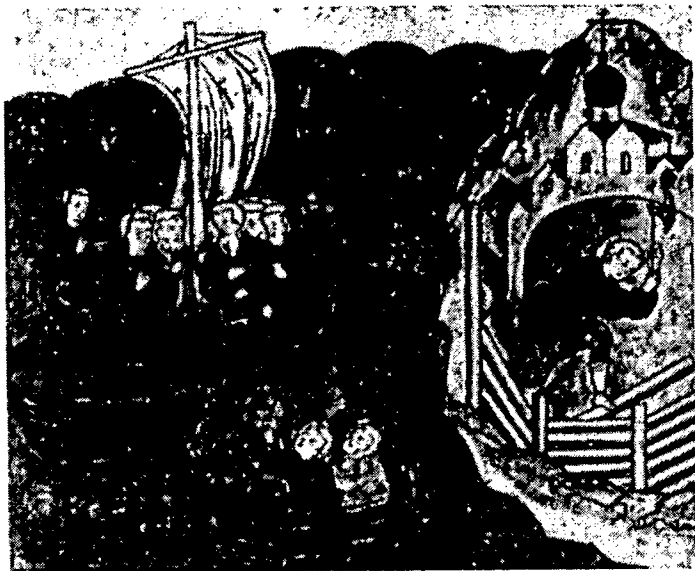

Рис. 2

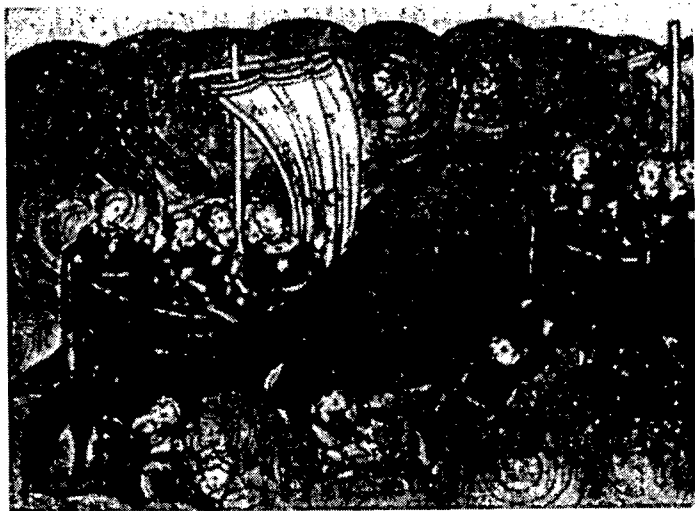

Рис. 3

УКАЗЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО ¹

Собственноручный указъ Императора Петра I

Господин Вице-Губернаторъ

Понеже отъ Англинскихъ воинскихъ кораблей надлежитъ вамъ опасеніе, того ради вели Гостинъ дворъ полисадами и борствомъ укрѣпить и на башняхъ пушки поставить, также товары которые выше города ставятца въ баркахъ и потомъ на корабли грузять осмотри повыше мѣсто чтобъ было безопасно дабы мѣлкими судами чего неучинили для чего мѣлкихъ судовъ самъ нѣсколько вооружи и прочее все что ко опасенію надлежитъ исправъ какъ доброму офицеру надлежитъ ибо ежели какая трата учинитца то на васъ будеть взыскана.

ПЕТРЪ.

*Изъ Санктъпитербурха
въ 10 день Апрѣля 1720.*

В Архангелогородскую. Указъ Губернаторомъ.

О высылкѣ денегъ, и опротчемъ

1. Высылать первоходы, сполна въ четыре мѣста, то есть въ воинской, въ адмиралитетской, въ посольской, и въ артилерію, въ каждое мѣсто по четыре мѣсяца; трижды въ годъ.

2. Когда вышеписанное исправятъ; потомъ прочіе дачи, и на свои Гварнизоны давать. А не исправя первой статьи, отнюдь у себя, и на иные расходы не давать, поджестокимъ наказаніемъ.

3. Во всемъ Государствѣ, какъ вышнимъ и нижнимъ, такъ и духовнымъ всѣхъ чиновъ людемъ дома, и по деревнямъ отнюдь вина не сидѣть, и котлы перевести, а покупать съ кабаковъ.

ПЕТРЪ.

*февраля 10
1710 году.*

¹ Печатается по: Сб. статей и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере. — Архангельск, 1909. — С. 139—160.

Указъ

Повелѣваемъ всѣмъ, кому о томъ вѣдати надлежитъ, какъ духовнымъ, такъ и мирскимъ военнаго и земскаго управленія вышнимъ и нижнимъ чинамъ, что мы для всегдашнихъ нашихъ въ сихъ войнахъ отлучкахъ опредѣлили Управительный Сенатъ, которому всякъ и ихъ указамъ да будетъ послушень, такъ какъ намъ самому подъ жестокимъ наказаніемъ или и смертію по винѣ смотря, и ежели оной Сенатъ чрезъ свое нынѣ предъ Богомъ принесенное обѣщаніе несправедно что поступать въ какомъ партикулярномъ дѣлѣ, и кто про то увѣдаетъ то однакожь да молчитъ до нашего возвращенія (дабы тѣмъ не помѣшать настоящихъ протчихъ дѣлъ) и тогда да возвѣститъ намъ; однакожь справясь съ подлиннымъ документомъ, понеже то будетъ предъ нами суждено и виноватый жестоко будетъ наказанъ.

ПЕТРЪ.

*Въ Москвѣ въ 2 день
Марта 1711 г.*

Господинъ Вице-Губернаторъ

Каковъ указъ вновь о раздѣленіи движимыхъ и недвижимыхъ вещей послѣ отцовъ дѣтемъ состоялся, оной посылаю при семъ (которой надрукованъ дабы вездѣ розослать и у церквей прибить), почему вы должны чинить а наипаче въ великомъ осмотрѣніи имѣть 16-й пунктъ для того, ибо обычай есть проклятымъ ябедникамъ всѣ указы своими вымыслы портить, того для буде какіе дѣла явятца о недвижимыхъ раздѣломъ, куплею или инако какимъ бы ни есть образомъ оное нибыло, а по сему указу оныхъ рѣшить невозможно будетъ, о томъ писать (какъ указъ гласитъ) хотябъ и сущая правда была, также смотрѣть дабы задними числа недѣлали, что все на васъ взыскано будетъ по 16-му Артикулу.

ПЕТРЪ.

*Изъ Санктъ Питеръ Бурха
въ 24 день Марта 1714.*

О раздѣленіи имѣній

Мы Петръ Первый, Царь и Самодержецъ Всероссійскій, и протчая, и протчая, и протчая. Объявляемъ сей указъ;

всѣмъ подданнымъ нашего Государства, какого чину и достоинства оныя ни есть.

Понеже раздѣленіемъ имѣній послѣ отцовъ дѣтямъ недвижимыхъ, великой есть вредъ въ государствѣ нашемъ какъ интересамъ государственнымъ, такъ и подданнымъ и самимъ фамиліямъ паденіе, а именно.

(1. О податяхъ). Напримѣръ, ежели кто имѣлъ тысячу дворовъ, и пять сыновъ, имѣлъ домъ довольной, трапезу славную, обхожденіе съ людьми ясное, когда по смерти ево раздѣлится дѣтямъ ево, то уже только по двѣсти дворовъ достанетца, которыя помня славу отца своего и честь рода, не захотятъ сиро жить, по каждой ясно, (хотя и не такъ) то уже съ бѣдныхъ подданныхъ будетъ пять столовъ, а не одинъ, и двѣсти дворовъ принуждены будутъ едва не тожъ нести какъ тысяча несла, (а государственныя подати подати) отъ чего не разоренье ли суть людямъ, и вредъ интересамъ государственнымъ, ибо податей такъ исправно не могутъ платить двѣсти дворовъ въ казну, и помѣщику, какъ тысяча дворовъ, ибо (какъ выше писано) съ тысячи одинъ господинъ, а не (съ двусотъ дворовъ) который пятою долею доволенъ будетъ, а въ прочемъ облегчить крестьяномъ, которыя исправнѣе въ казну, и господину подати платить могутъ, и тако отъ того раздѣленія казнѣ государственной великой есть вредъ, и людямъ подлымъ разореніе.

(2. О фамиліяхъ). А когда отъ тѣхъ пяти, по два сына будутъ, то по сту дворовъ достанетца, и тако далѣе умножаясь, въ такую бѣдность придутъ, что сами однопорцями застать могутъ, и знатная фамилія вмѣсто славы, поселяне будутъ, какъ уже много тѣхъ экземпелевъ (образовъ) есть въ российскомъ народѣ.

(3. О непотребности). Сверхъ обѣихъ сихъ вредныхъ дѣлъ, еще и сіе есть что каждой имѣя свой даровой хлѣбъ, хотя и малой, ни въ какую пользу государства, безъ принужденія служить и простиратца не будетъ, но ищетъ всякой уклонятца, и жить въ праздности, которая (по Святому писанію) матерію есть всѣхъ злыхъ дѣлъ.

На противужъ того (на 1-ю). Ежели недвижимое будетъ всегда одному сыну, а протчимъ только движимое, то госу-

дарственные доходы будутъ справнѣе, ибо съ большаго всегда господинъ довольнѣе будетъ, хотя по малу возметъ и одинъ домъ будетъ, а не пять, (какъ выше писано) и можетъ, лутче льготить подданныхъ, а не разорять.

(На 2-ю). Фамиліи, не будутъ упадать но въ своей ясности непоколебимы будутъ чрезъ славныя и великія дома.

(На 3-ю). Протчія не будутъ праздны, ибо принуждены будутъ хлѣба своего искать службою, ученіемъ, торгами, и протчимъ, и то все что оныя сдѣлають вновь для своего пропитанія, государственная польза есть, чего ради за благо изобрѣтено чинити по сему, какъ объявлено ниже сего.

1. Всѣмъ, недвижимыхъ вещей, то есть родовыхъ, выслуженныхъ, и купленыхъ вотчинъ, и помѣстей, также и дворовъ, и лавокъ не продавать, и не закладывать, но обращаться онымъ въ родъ такимъ образомъ.

2. Кто имѣетъ сыновей, и ему же аще хошетъ, единому изъ оныхъ дать недвижимое, чрезъ духовную, тому въ наслѣдіе и будетъ, другіе же дѣти обоого полу да награждены будутъ движимыми имѣніи, которые долженъ отецъ ихъ или мать раздѣлити имъ при себѣ, какъ сыновьямъ, такъ и дочерямъ, колико ихъ будетъ, по своей воли, кромѣ одного, который въ недвижимыхъ наслѣдникомъ будетъ, а ежели у оного сыновей не будетъ, а имѣетъ дочерей, то долженъ ихъ опредѣлити такимъ же образомъ. А буде при себѣ не опредѣлитъ, тогда опредѣлится указомъ, недвижимое по первенству большому сыну въ наслѣдіе, а движимое другимъ, равною частію раздѣлено будетъ: тожъ разумѣется, и о дочеряхъ.

3. Акто бездѣтенъ и оный воленъ отъдать недвижимое одному фамиліи своей, кому похочетъ, а движимое кому похочетъ дать сродникомъ своимъ, или и постороннимъ, и то въ его произволеніи будетъ. А ежели при себѣ неучинитъ, тогда обои тѣ имѣнія да раздѣлены будутъ указомъ въ родъ, недвижимое одному по линіи ближнему, а прочее другимъ кому надлежитъ, равнымъ образомъ.

4. Кому по духовной, или по первенству достанутся недвижимые, у того и движимаго имѣнія части другихъ въ сохраненіи да будутъ, до тѣхъ мѣстъ, пока ево братья, и сес-

тры приспѣють возраста своего, мужеской до осмнадцати, а женской до семнадцати лѣтъ, и въ тѣ уреченные лѣта долженъ тотъ наслѣдникъ, ихъ братьей и сестеръ кормить и снабждать, и учить всѣхъ грамотѣ, а мужеской полъ и цифирному счету, также и наукамъ, къ которымъ приклонность будетъ кто имѣтъ, а потомъ когда выдутъ тѣ лѣта, то имъ каждой персонѣ, дать его жеребей по духовной сполна, не зачитая издержекъ учиненныхъ (на нихъ) ввышереченные лѣта.

5. И для того надлежитъ отцамъ или матерямъ заранѣе духовные писать, и движимыя имѣнія долями описывать, буде же отецъ или мать умереть безъ духовной, то тотъ часть дѣтямъ ихъ объявить послѣ смерти родителей своихъ, гдѣ они вѣдомы, и требовать, дабы пожитки описать, и доли имъ опредѣлить при свидѣтеляхъ, а покамѣстъ наслѣдники недвижимыхъ вещей до двадцати лѣтъ возраста своего не придутъ, а другія оставшіяся въ движимыхъ имѣніяхъ обоого пола до вышеписанныхъ лѣтъ не приспѣють никакимъ ихъ письмамъ или записямъ не вѣрить, которые прежде тѣхъ лѣтъ являца у кого, и дабы кадеты обоихъ половъ, какимъ образомъ, не были притѣснены въ молодыхъ лѣтѣхъ, того для не вольно въ бракъ вступать ранѣе мужескаго пола до двадцати, а женскаго до семнадцати лѣтъ.

6. Ежели которая дѣвица возраста своего по осмнадцати лѣтѣхъ, у брата своего жить не похочетъ, то оная взявъ долю имѣнія своего, отоити отъ него вольна при свидѣтеляхъ же, а буде у него жить похочетъ до своего замужства, или и во все (если замужъ не пойдетъ), и то да будетъ въ еѣ воли.

7. А для возобновленія фамилей, въ которой фамиліи мужеска полу останетца одинъ, прочіи же отъ нисходящей и восходящей линіи того рода всѣ вымрутъ, кромѣ женска полу, которыхъ едина или нѣсколько осталось, въ дѣвицахъ, или замужные, то помянутой послѣдней оной фамиліи, повиненъ всѣ недвижимыя вещи, которые ему по наслѣдію пришли, отдать въ наслѣдіе единой изъ оныхъ кому похочетъ, замужней, вдовѣ, или дѣвицѣ, однакожъ съ такимъ изъясненіемъ, что мужъ замужней повиненъ принять прозвище того, отъ кого получить недвижимое, (оставя свое) онъ и его

наслѣдники, а дѣвицѣ или вдовѣ не посягать за такого, которой не приметъ прозванія, и для того прежде въ бракъ не вступать, а женатымъ не укрѣплять недвижимыхъ, пока оной письменнаго обязательства не подастъ, гдѣ тѣ дѣла вѣдомы, что онъ оное прозваніе примаеть вѣчно себѣ, и наслѣдникомъ своей линіи, ежелижъ никто изъ нихъ прозванія оного не примутъ, тогда недвижимое все повинно будетъ взять на государя, кромѣ движимого которое въ раздѣленіи оставляется, предъ явленнымъ образомъ.

8. А у кого будутъ дѣти отъ разныхъ женъ, а за матерями ихъ были приданные помѣстья и вотчины, а отецъ ихъ учинить наслѣдникомъ одного, и та воля отеческая, на его токмо отеческіе недвижимыя имѣнія, а въ матернихъ быть наслѣдникомъ дѣтямъ ихъ, тѣмъ же образомъ чинить и женскому полу, которая будетъ имѣть дѣтей отъ разныхъ мужей, и тако сей указъ (пунктъ) долженъ въ дѣйствительной быть силѣ, до тѣхъ мѣстъ донелѣ же оныя дѣти, которые родились до сего указа, въ недвижимыхъ приданныхъ матерей своихъ наслѣдниками будутъ, ибо впредъ съ недвижимымъ прида-нымъ, уже никого не будетъ.

9. Которая жена послѣ мужа останется бездѣтны, той недвижимое мужа еѣ имѣніе, да будетъ по смерти ея, или по постриженіе, а какъ умереть или пострижетца, тогда недвижимое мужа ея, отдать одному фамиліи ево, не искадетовъ, но изъ наслѣдниковъ ближнему, а приданные ея деревни, которые у неѣ есть, да возвратятся въ родъ ея, такимъ же образомъ, а прочіе мужа ея, и ея имѣнія, есть ли она безъ завѣту умереть да возвратятся: одни мужа ея, въ родъ ево, а другіе что ея, сродникомъ ея ближнимъ, кому надлежитъ всѣмъ равною частію, кромѣ тѣхъ кому недвижимое придетъ, а буде оная вдова за мужъ выдетъ, то недвижимое перваго мужа ея имѣніе, возвращено будетъ въ родъ ево, одному старшему по линіи, какъ выше объявлено, а отъ прочего все при ней да будетъ, и сей пунктъ имѣетъ силу противъ осмаго пункта.

10. А буде за кѣмъ объявятца какіе деревни и земли укрѣпленные для какихъ нибудь причинъ, а владѣютъ тѣми деревнями и землями, тѣ люди, чьи тѣ деревни и земли бы-

ли а за кѣмъ укрѣплены, и тѣ люди тѣми деревнями и землями не владѣютъ, а иные и владѣютъ за причиною малолѣтства и вдовства и сиротства, и таковымъ деревни и земли возвращать по прежнему обыкновенію, и въ томъ дается сроку на годъ, а офицеромъ и солдатомъ обрѣтающимся въ арміи, и которые пребываютъ въ чужихъ краяхъ, на два года, чтобъ могли оныя деревни и земли, или за ними укрѣпить, или объявить, а буде въ такое время кто не исправится и тѣмъ деревнямъ, и землямъ быть за тѣмъ, кто ими нынѣ владѣетъ, невозвратно.

11. У которыхъ деревни и земли заложены до сего указу и просрочены или и непросрочены, и тѣ деревни и земли выкупать по прежнему указу, а буде кто не выкупить, записывать за займодавцы по тѣмъ крѣпостямъ, съ платежемъ прежнихъ пошлинъ.

12. А съ сего указу, кто принужденъ будетъ изъ недвижимыхъ продать, вотчину или помѣстье, или иное что, и за то имать пошрины, съ рубля по гривнѣ, для того, чтобы никто ничего изъ недвижимаго вымысломъ для укрѣпленія, не продавали, а буде перепродать кто что изъ оного меньшимъ дѣтямъ (обоего пола, которые ненаслѣдники недвижимыхъ) безъ платежа денегъ, какъ прежде сего дѣлали, или инымъ какимъ вымысломъ, а о томъ кто на него донесетъ, и то недвижимое, которое въ перепродажѣ явится, отдать тому донositелю.

13. Выкупъ вотчинъ и помѣстей и прочего недвижимаго, долженъ быть тѣмъ, которые онымъ наслѣдники будутъ, по линіи ближніе, а не кадетомъ ихъ, и привыкупѣ за новопробылое строеніе, взятьѣ по скаскамъ отставить, и платитъ по свидѣтельству и по осмотру наложу настоящую правдивую цѣну во что стало.

14. Сей указъ не на прошедшіе времена, но съ сего 1714 году дѣйство свое имѣетъ и хотя въ прошедшія два мѣсяца какіе раздѣлы гдѣ и здѣланы, то оныя передѣлать, по сему указу, а темъ которыя до сего году, быть такъ какъ учинены, только дастца воля отцамъ и матеремъ, еже ли хотя за нѣсколько лѣтъ дѣтей своихъ и раздѣлили, а нынѣ похотятъ по сему указу передѣлать, и то да будетъ въ ихъ волѣ.

15. Когда кто изъ кадетовъ дворянскихъ фамилей, захотятъ итить въ чинъ купеческой, или какое знатное художество, также за сорокъ лѣтъ (съ подлиннымъ свидѣтельствомъ къ указомъ подписаннымъ отъ тѣхъ, гдѣ онѣ вѣдомы) своего возраста и въ духовныя, то есть въ бѣлыя священники, то тѣмъ которыя въ сіе вышеписанное вступятъ, неставитъ ни въ какое безчестье имъ, и ихъ фамиліямъ ни словесно ни писменно.

16. А буде явятца какіе дѣла впредь, что симъ указомъ рѣшить ихъ невозможно, и о тѣхъ дѣлахъ доносить на письмѣ въ сенатѣ, гдѣ на то положены будутъ особыя пункты, и выданы будутъ въ народъ печатью, какъ и сей указъ, а недождався новаго указа, отнюдь непершить (подъ потерніемъ всѣхъ своихъ пожитковъ и ссылкою) хотя и право покажетца, да бы тѣмъ не дать злымъ вымысленикамъ свои мины устроить.

ПЕТРЪ

*Печатано въ Санктъпетербургѣ, 1714 году, Марта
в 24 день. Государствованія нашего 32 году.*

Пунктъ въ дополненіе о кадетахъ

Ежели кадетъ пойдетъ въ службу воинскую, и получить себѣ службою деньги, на которые себѣ захочетъ купить деревни, дворы или лавки, то ему вольно купить, однакожъ по седми лѣтъ службы его.

Буде же въ гражданской службѣ будучи, то по десяти лѣтъ службы его.

Буде же въ купечествѣ, мастерствѣ будучи, то по пятнадцати лѣтъ.

А кто ни въ чемъ вышеписанномъ не будетъ, тотому никогда невольнo даже до смерти.

ПЕТРЪ

*Печатано въ Санктъпетербургѣ,
Апрѣля 14 дня 1714 году.*

О протоколѣхъ

Мы, Петръ Первый, Царь и Самодержецъ Всероссійскій, и протчая и протчая и протчая: Указали для лучшаго порядку, какъ въ Сенатѣ, такъ и въ войскахъ, и губерніяхъ, всѣмъ

дѣламъ чинить протоколы, когда какое дѣло рѣшить, или какой указъ куды послать, или что вновь постановить, а безъ того отнюдь не дерзать никому, ктобъ какой саржи нибылъ; но чинить по сему.

Когда какое дѣло надлежитъ дѣлать, воинское, или гражданское; тогда надлежитъ собрать всѣхъ, которыя къ тому призваны (напримѣръ) въ Сенатѣ всѣхъ, опредѣленныхъ къ тому, въ войскѣ генералитеитъ весь; буде же секретное дѣло, то нѣсколько персонъ, а именно не меньшеи трехъ, въ губерніяхъ, вице-губернаторовъ, и обер-комендантовъ, которые въ то время при губернаторахъ случатца, также и Лантратовъ, или кто опредѣлены гдѣ; предложенное дѣло честь секретарю, (или дьяку) и прочетчи, спрашивать снизу по одному, и записывать всякаго мнѣніе (которое каждый долженъ закрѣпить своею рукою); а когда всѣ подпишутъ свое мнѣніе, когда диспуты имѣтъ, и съ той диспуты, куда болѣе голосовъ явитца, такъ и вершить, и подписывать всѣмъ общую сентенцію, кто и спорить будетъ, понеже болѣе ево голосовъ туды стало, однакожъ кто чаеть, что то неправо ему показалось, то хотя и подписалъ, однакожъ будетъ просить, чтобъ ево споръ особливо означить, подъ подписанною сентенціею, то записать же, и ему закрѣпить особливо въ протоколѣ; буде же кого не будетъ заболѣзнію, къ тому на дворъ дѣло посылать, чтобъ прочетчи закрѣпилъ, а безъ того не чинить ничего; секретарямъ, и дьякамъ, подъ смѣртною казнію, никакихъ указовъ о рѣшеніи дѣлъ не крѣпить однимъ, по приказу своихъ принципаловъ (какъ прежде бывало) но крѣпить послѣ всѣхъ тому, кто чель дѣло, тоюжъ манирою какъ выше означено, а протчіе дѣла, которые подлежатъ рѣшенію, яко суть слѣдующія: сдѣлать выписку, послать память, велѣтъ какое дѣло окриснить, или изъяснить, и протчіе тому подобные; подписывать секретарямъ и дьякамъ.

ПЕТРЪ

Печатано въ Санктъпитербурхѣ.

Апрѣля 4 дня 1714 году.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аввакум: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Ред., вступ. ст. и коммент. Н.К.Гудзия. — М., 1997.

Аграрная история Северо-Запада России. — Л., 1971. — Т. 3.

Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгород. пятины. — Л., 1974.

Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Север. Псков. — Л., 1978.

Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII—XX веках: Справ. — Архангельск, 1997.

Аджиев М. Не растерявши себя: Кто же такие казаки? // Независимая газета. — 1992. — 10 янв.

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (АИ). — СПб., 1841. — Т. 1—5.

Акты Лодемской церкви Архангельской епархии. — СПб., 1908.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии Наук. — СПб., 1836. — Т. 1, 3.

Акты социально-экономической истории Севера России конца XV—XVI в.: Акты Соловецкого монастыря 1479—1571 гг. — Л., 1988.

Акты социально-экономической истории Севера России конца XV—XVI в.: Акты Соловецкого монастыря 1572—1584 гг. — Л., 1990.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. — М., 1964. — Т. 3.

Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства: Изданы Археографической комиссией. — СПб., 1838. — Т. 1.

Александров В.А., Чистякова Е.В. К вопросу о таможенной политике в Сибири в период складывания всероссийского рынка (вторая половина XVII в.) // Вопр. истории. — 1959. — № 2.

Александров В.А. Начало хозяйственного освоения и присоединения к России северной части Енисейского края: Сибирь XVII—

XVIII вв. // Материалы по истории Сибири. — Новосибирск, 1962. — Ч. I.

Александров В.А. Роль крупного купечества и организация пушных промыслов и пушной торговли на Енисее в XVII в. // Исторические записки. — М., 1962. — Т. 71.

Александров В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). — М., 1964.

Александров В.А. Проблематика системы государственного феодализма в Сибири XVII века // История СССР. — 1977. — № 1.

Александров В.А. Сибирские торговые люди Ушаковы в XVII в. // Русское государство в XVII веке. — М., 1961.

Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. — М., 1982.

Алексеев А.И. Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. — Хабаровск, 1958.

Алексеев А.И. Судьба русской Америки. — Магадан, 1975.

Алексеев М.П. Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI—XVII в. // Учен. зап. / Ленингр. Гос. ун-т. — Л., 1947. — Вып. 15.

Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей: Введ., тексты, коммент. — Иркутск, 1932. — Т. 1: XIII—XVII вв.

Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей: Введ., тексты и коммент. — Иркутск, 1936. — Т. 1, ч. 2: (2-я половина XVII в.).

Алеспкий П. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. — М., 1898. — Вып. 3.

Алпатов М.А. Варяжский вопрос в русской дореволюционной историографии // Вопр. истории. — 1982. — № 5.

Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX вв.). — М., 1985.

Аммон Г.А. Морские памятные даты. — М., 1987.

Английские путешественники в Московском государстве в XVII веке / Пер. с англ. Ю.В.Готье. — М., 1937.

Андреев А.И. К истории русской колонизации западной части Кольского полуострова // Дела и дни. — 1920. — Кн. 1.

Андреев А.И. Новоторговый устав 1667 г.: (К истории его составления) // Исторические записки. — М., 1942. — Т. 13.

Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. — М., 1960. — Вып. 1: XVII в.; М., 1965. — Вып. 2: XVIII в. (первая половина).

Андреев А.И. Судебник 1589 г. и его списки // Изв. Рос. Акад. наук. — Л., 1924.

Андреев В.Ф. О дате основания Михайловского Архангельского монастыря // Культура Русского Севера. — Л., 1988.

Андреев В.Ф. Северный страж Руси. — Л., 1989.

Ануфриев В. Погоды первый летописец // Правда Севера. — 1968. — 21 нояб.

Анучин Д.Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака // Труды / Моск. археолог. о-во. — М., 1890. — Т. 14.

Анучин Д.Н. Город Мангазея и мангазейская земля // Землеведение. — СПб., 1903. — Т. X, кн. IV.

Апполова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. — М., 1976.

Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1952 г. — М., 1954.

Архив Маркса и Энгельса. — М., 1946. — Т. 8.

Афанасьев А.П. Заселение бассейна Мезени в XV—XVII вв.: Автореф. дис.... канд. ист. наук. — М., 1973.

Багров Л. История географической карты // Вестн. археологии и истории. — Пг., 1918. — Т. XXIII.

Бажов П.П. Избранные произведения. — М., 1964. — Т. I.

Базилевич К.В. Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII века. — Л., 1933.

Базилевич К. Таможенные книги как источник экономической истории России // Проблемы источниковедения. — М.; Л., 1933. — Сб. 1.

Базанов А.Г. Очерки по истории миссионерских школ на Крайнем Севере: (Тобольский Север). — Л., 1936.

Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в. — М., 1952.

Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. — М., 1976.

Барсов Н.П. География начальной (Несторовой) летописи. — Варшава, 1885.

Бартенев И.А., Федоров Б.Н. Архитектурные памятники Русского Севера. — М., 1967.

Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). — М., 1894. — Ч. 1.

Бахрушин С.В. Воеводское управление Якутии // Якутия в XVII веке. — Якутск, 1953.

Бахрушин С.В. Военно-промышленные экспедиции торговых людей в Сибири в XVII веке // Исторические записки. — М., 1941. — Т. 10.

Бахрушин С.В. Железодельные районы в Русском государстве в XVI веке // Вопросы географии. — М., 1950. — Сб. 20.

Бахрушин С.В. Научные труды. — М., 1955. — Т. 3. — Ч. 1—2.

Бахрушин С.В. Самоеды // Бахрушин С.В. Научные труды. — М., 1955. — Т. 5, Ч. 2.

Бахрушин С.В. Сибирские слоботчины // Труды / Гос. колониал. ин-т. — М., 1926. — Т. 2.

Бахрушин С.В. Торговые крестьяне в XVII веке // Учен. зап. / Ин-т истории. — М., 1928. — Т. 5.

Башмаков П.И. Маячное дело и его историческое развитие. — Л., 1925.

Бейкер Дж. История географических открытий и исследований. — М., 1950.

Белов М.И. Арктические плавания и устройство русских морских судов в XVII веке // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. — Л.; М., 1951.

Белов М.И. Город на берегу Студеного моря: [Мезень] // Природа. — 1980. — № 6.

Белов М.И. Златокипящая Мангазея // Наука и жизнь. — 1969. — № 7.

Белов М.И. История открытия и освоения Северного морского пути. Т.1: Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. — М., 1956.

Белов М.И. Мангазея. — Л., 1969.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея: Мангазейский морской ход. — Л., 1980. — Ч. 1.

Белов М.И. Новые данные о службах Владимира Атласова и первых походах русских на Камчатку // Летопись Севера. — М., 1957. — Т. 2.

Белов М.И. Открытие и первоначальное освоение русскими Таймырского полуострова // Исторический памятник русского арктического мореплавания в XVII веке. — Л.; М., 1951.

Белов М.И. Пинежский летописец о разведочном походе поморов в Мангазею // Рукописное наследие Древней Руси. — Л., 1972.

Белов М.И. Подвиг Семёна Дежнева. — М., 1973.

Белов М.И. Раскопки златокипящей Мангазеи. — Л., 1970.

Белов М.И., Овсянников О.В. Раскопки Мангазеи // Совет. археология. — 1972. — № 1.

Белов М.И. Раскопки русского заполярного города // Летопись Севера. — М., 1972. — Т. 6.

Белов М.И. Русские походы на Камчатку до Атласова // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. — М., 1957. — Т. 89, вып. 1.

Белявский. Поездка к Ледовитому морю. — М., 1883.

Берг Л.С. Очерки по истории русских географических открытий. — М.; Л., 1946.

Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга. — М.; Л., 1946.

Бернштам Т.А. Роль верхневолжской колонизации в освоении Русского севера (IX—XV в.) // Фольклор и этнография Русского Севера. — Л., 1973.

Бернштам Т.А. Поморы. — Л., 1978.

Берх В.Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. — СПб., 1821.

Берх В.Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или Подвиги российского купечества. — СПб., 1823.

Беспярых Ю.Н. История знаменитого сражения: Швед. экспедиция на Архангельск в 1701г. — Архангельск, 1990.

Беспярых Ю.Н. Третье "пришествие" Петра I на Белое море // Архангельск в XVIII веке. — СПб., 1997.

Богараз В.Г. Чукчи. — Л., 1934.

Богатырев И.В. Корабельная Соломбала // Судостроение. — 1983. — № 8.

Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. — М., 1909. — Т. I; М., 1912. — Т. 2.

Богословский М.М. К вопросу о Судебнике 1589 г. // Журн. М-ва нар. просвещения. — 1905. — дек.; 1915. — дек.

Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. — М., 1940.

Богуславский Г.А. Когда был основан Архангельск? // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. — 1988. — Т. 120, вып. 5.

Болховитинов Н.Н. Россия открывает Америку, 1732—1799. — М., 1991.

Болховитинов Н.Н. У истоков православия в Северной Америке // Историческое краеведение и архивы. — Вологда, 1997.

Бондарский М. С. Очерки по истории русского земледелия. — М., 1947.

Борисов Н.П. Художник вечных льдов. — Л., 1983.

Боровой В.Я. Там, где течет Онега. — Онега, 1994.

Бочаров Г.Н., Выголов В.П. Сольвычегодск, Великий Устюг, Тотьма. — М., 1983.

Бояршинова З.Я. Об историческом значении слова "Сибирь" // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. — Новосибирск, 1981. — Вып. 2.

Бояршинова З.Я. Проблемы Сибири феодального периода в трудах советских исследователей // Вопросы истории Сибири. — Томск, 1969. — Вып. 4.

Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. — Томск, 1960.

де Бруин К. Путешествие через Московию. — М., 1873.

Брызгалов В.В., Попов Г.П. "Государева" яхта // Соломбальская верфь, 1693—1862. — Архангельск, 1993.

Брызгалов В.В. Первенец соломбальской верфи // Соломбальская верфь, 1693—1862. — Архангельск, 1993.

Брызгалов В.В. Поморское судостроение в XVIII столетии // Россия. Север. Море: V Соловецкий форум: Тез. докл. — Архангельск, 1993.

Брызгалов В.В. Типы судов прибрежного плавания на Белом море в середине XVIII столетия // Архангельское Поморье: История и культура. — Архангельск, 1983.

Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. — Петрозаводск, 1974.

Бугославский Г.К. К вопросу о беломорских казаках XVI века. — М., 1905.

Бузукашвили М.И. Ермак. — М., 1989.

Булатов В.Н. Роль Европейского Севера в прорыве экономической блокады (1920—1924 годы) // История СССР. — 1990. — № 3.

Бутков П.Г. Описание трех путей из России в Швецию // Журн. М-ва внутр. дел. — СПб., 1838. — Ч. 29.

Будинский П.Н. Мангазея и Мангазейский уезд (1601—1645). — Харьков, 1893; Зап. Харьков. ун-та. — 1893. — Т. 1.

Быховский И.А. Архангелогородские корабли. — Архангельск, 1988.

Быховский И.А., Коньков Н.А. Колыбель русского флота // Архангельск, 1584—1984. — Архангельск, 1984.

Вальдман К.Н. Кольский полуостров на картах XVI века // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. — 1962. — Т. 94, вып. 2.

Вальдман К.Н. Старинное становище и торг (XVI в.) на Крайнем Севере (Ксгор — Вайда-изба) // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. — 1964. — № 1.

Васильев Ю.С. Аграрные отношения в Поморье XVI—XVII вв. — Сыктывкар, 1979.

Васильев Ю.С. Борьба с польско-шведской интервенцией на Русском Севере в начале XVII в. : Учеб. пособие к спецкурсу. — Вологда, 1985.

Васильев Ю.С. К вопросу о двинских боярах XIV—XVI веков // Материалы XV симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. — Вологда, 1976. — Вып. 1.

Васильев Ю.С. Монастыри и святые Важского края // История и культура Важского края. — Вельск, 1992.

Васильев Ю.С. Об историко-географическом понятии "Заволожье" // Проблемы истории феодальной России. — Л., 1971.

Васильев Ю.С. Феодальное землевладение на Ваге // Аграрная история Северо-Запада России. — Л., 1971.

Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI—XVII веках. — М., 1962.

Введенский А.А. Крестьяне Строгановы в XVI—XVII вв. // Труды / Тбилис. Гос. ун-т. — Тбилиси, 1939. — Т. 10.

Введенский А.А. Происхождение Строгановых // Север. — Вологда, 1923. — Кн. 2.

Введенский А.А. Аника Строганов в своем Сольвычегодском хозяйстве // Сборник статей по русской истории, посвященный С.Ф.Платонову. — Петербург, 1922.

Введенский А.А. Строгановы в Казани в XVI—XVII вв. // Труды / Киев. Гос. ун-та им. Т.Г.Шевченко, Ист. фак. — Киев, 1939. — Т. I.

Введенский А.А. Торговый дом XVI—XVII вв. — Л., 1924.

Веберман Э. Китобойный промысел в России. — М., 1914.

Вернадский Г.В. Древняя Русь. — Тверь; М., 1996.

Вернадский Г.В. Киевская Русь. — Тверь; М., 1996.

Вернадский Г.В. Московское царство. — Тверь; М., 1997. — Ч. 2.

Вернадский Г.В. Россия в средние века. — Тверь; М., 1997.

Верюжский В. Афанасий архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века: Церковно-ист. очерк. — СПб., 1908.

Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота. — СПб., 1895.

Веселаго Ф.Ф. Очерки русской морской истории. — СПб., 1875. — Ч. I.

Веселовский С.Б. Памятники первых лет русского старообрядчества. — М., 1843.

Веселовский С.Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. — М., 1908.

Визе В.Ю. История исследования Советской Арктики. — Архангельск, 1934.

Визе В.Ю. Моря Советской Арктики: Очерки по истории и исслед. — М.; Л., 1948.

Визе В.Ю. Русские полярные мореходы из промышленных, торговых и служивых людей XVII—XIX вв.: Биограф. слов. — М.; Л., 1948.

Визе В.Ю. Семен Дежнев // Изв. Геог. о-ва. — 1948. — № 6.

Викинги: набеги с Севера / Пер. с англ. Л.Флорентьева. — М., 1996.

Вилков О.Н. Состав ввозителей слободского хлеба в Тобольск в 30—90-е годы XVII в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода: (Бахрушинские чтения, 1969). — Новосибирск, 1973.

Вилков О.Н. Торговые пути и динамика торгово-промышленного движения в Сибири XVII века // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). — Новосибирск, 1968. — Вып. 3.

Вилков О.Н. Тобольский посад XVII в. // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX в.в.). — Новосибирск, 1968. — Вып. 3.

Вилков О.Н. Ремесло и торговля в Западной Сибири в XVII веке. — М., 1967.

Витов М.В. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера // История СССР. — 1964. — № 6.

Витов М.В., Власова И.В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI—XVIII веках. — М., 1974.

Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. — М., 1962.

Витов М.В. Русские Севера в этническом отношении. // Памятники культуры Русского Севера: Тез. докл. и сообщ. к науч. конф. в г. Архангельске. — М., 1966.

Владимирский-Буданов М.Ф. Судебник 1589 г.: Его значение и источники. — Киев, 1902.

Власова И.В. Землепользование в Поморье и Сибири. XVII—XVIII вв. // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII — начала XX в. — М., 1979.

Вознесенский А. Трудовая деятельность стряпчих в севернорусских монастырях в XVI—XVII вв.: (Из истории древнерусской адвокатуры) // Север. — Вологда, 1923. — Кн. 1.

Волкова Е. Первая фабрика на Руси: Ист. рассказ. — М., 1915.

Вопросы географии петровского времени. — Л., 1975.

Воронихин А. К биографии Ермака // Вопр. истории. — 1946. — № 10.

Воскобойникова Н.П. Церкви Кеврольского уезда XVI—XX веков: Материалы для изучения // Памятники архитектуры Русского Севера. — Архангельск, 1998.

Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. — М.; Л., 1945. — Т. 1.

Востоков А.Х. Задача любителям этимологии // Санкт-Петербург. вестн. — 1812. — № 2.

Вычегодско-Вымская летопись // Родники пармы. — Сыктывкар, 1989.

Вяткин Л. Сколько языков он знал? // Слово. — 1995. — № 11—12.

Гаммель И.Х. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. — СПб., 1865. — Ч. 1.

Гаммель И. Англичане в России в XVI и XVII столетиях // Приложение к XV тому записок Императорской АН. — СПб., 1869. — № 2.

Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. — СПб., 1870.

Гаузяцкий. Карелия и карелы в новгородские времена. — Петрозаводск, 1941.

Гейман В.Г. Соляной промысел гостя И.Д.Панкратьева в Яренском уезде XVII века // ЛЗАК. — Л., 1924. — Вып. 35.

Гемп К.П. Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия. — Л., 1980.

Гемп К.П. Каргополье. — Архангельск, 1968.

Гемп К.П. Сказ о Беломорье / Предисл. Д.С.Лихачева. — Архангельск, 1983.

Герберштейн С. Записки о московских делах. — М., 1988.

Герберштейн С. Записки о Московии. — М., 1988.

Глинка Ф.Н. Нечто о пятинах новгородских и в особенности о стране, известной издревле под названием Ваги. // Северный архив. — Петрозаводск; 1827. — № 9.

Голубева Л.А. Чудь заволоцкая: Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Архсология СССР. — М., 1987.

Голубцов Н.А., Попов А.Н. Архангельский край в Смутное время. — Архангельск, 1913.

Горсей Д. Записки о России XVI — начала XVII в. — М., 1990.

Готье Ю.В. Замосковский край в XVII в. — М., 1937.

Грандильевский А. Родина Ломоносова // Изв. Арханг. О-ва изуч. Рус. Севера. — 1909. — № 12.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М.; Л., 1949.

Греков Б.А. Киевская Русь. — М., 1953.

Григорьевский М. Николаевский Корельский третьеклассный монастырь // Краткое историческое описание монастырей Архангельской епархии. — Архангельск, 1902.

Громыко М.М. Русско-нидерландская торговля на Мурманском берегу в XVI веке // Средние века. — М., 1960. — Т. 17.

Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. — М., 1989.

Гумилев Л.Н. От Руси к России: Очерки этн. истории. — М., 1992.

Гуин Г.П. Каргополье — Онега. — М., 1989.

Гуин Г.П. Печора — золотые берега. — М., 1972.

Гуревич А.Я. История и саги. — М., 1972.

Гуревич А.Я. Походы викингов. — М., 1966.

Гуревич А.Я. "Эдда" и саги. — М., 1979.

Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. — М., 1966.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1989 — 1990. — Т. 1—3.

Дальневосточные путешествия и приключения. — Хабаровск, 1982. — Вып. 9—10.

Данилова Л.В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в VI—XVI вв. — М., 1955.

Дворецкая Н.А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака // Труды отдела древнерусской литературы. — М.; Л., 1957. — Т. 13.

Дементьев Г.П. Сокола-кречеты. — М., 1951.

Дергачев Н. Русская Лапландия. — Архангельск, 1887.

Дерягин В.Я. Книжно-письменная культура Русского Севера // Архангельскому Евангелию 1092 года — 900 лет: Материалы науч. конф. — М., 1995.

Дерягин В.Я., Комягина Л.П. Из истории диалектных границ в Северной России // Вopr. языкознания. — 1968. — № 6.

Дерягин В.Я., Комягина Л.П. Из истории и географии финно-угорских заимствований в северорусских говорах // Вопросы изу-

чения лексики русских народных говоров: "Диалект. лексика." — Л., 1972.

Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.): Тексты, пер., коммент. — М., 1994.

Джаксон Т.Н. Русский Север в древнескандинавских сагах // Культура Русского Севера. — Л., 1988.

Джаксон Т.Н., Глазырина Г.В. Русский Север в древнескандинавской письменности: Отч. историография вопр. локализации Бьярмии XVIII—XIX вв. // История и культура Архангельского Севера (досовет. период). — Вологда, 1986.

Дмитриев А. Пермская старина. — Пермь, 1894. — Т. 5.

Дмитриев А. Пермь Великая в XVII в. // Пермская старина. — Пермь, 1980. — Вып. 2.

Дмитриев Л.А. Новый список "Описания трех путей" Афанасия Холмогорского // Археографический ежегодник за 1958 год. — М., 1960.

Дмитриева З.В., Мильчик М.И., Чистиков А.Н. Два документа из ранней истории Архангельска // Памятники архитектуры Русского Севера: Сб. ст. — Архангельск, 1998.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М., 1960.

Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. — СПб., 1846. — Т. 1 — 6, 10.

Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря... — М., 1853. — Ч. 1, 3.

Досифей. Летописец Соловецкий на четыре столетия от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1833 год. — 3-е изд. — М., 1833.

Досифей. Топографическое и историческое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря... М., 1834.

Достопримечательности г. Архангельска и его окрестностей // Памятная книжка Архангельской губернии на 1912 год. — Архангельск, 1912.

Древнерусский заполярный город. — М., 1977.

Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. — М., 1976.

Дробинский А.И. Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе // Исторические записки. — М., 1948. — Т. 26.

Думин С.В., Турилов А.К. "Откуда есть пошла Русская земля?" // История Отечества: люди, идеи, решения: Очерки истории России IX — нач. XX вв. — М., 1991.

Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных / Под ред. С.В.Бахрушина. — М., 1909.

Дыгало В.А. Откуда и что на флаге пошло. — М., 1993.

Европеус Д.П. К вопросу о народах, обитавших в северной и средней России до славян // Журн. Мин-ва нар. просвещения. — 1868. — Вып. 3.

Евсюгин А.Д. Ненцы архангельских тундр. — Архангельск, 1979.

Едемский М.Б. О крестьянских постройках на Севере России // Жив. старина. — 1913. — Вып. 1—2.

Елагин С.И. История русского флота: Период азовский. — СПб., 1864.

Есюков А.И. Человек и мир в православной просветительской мысли России второй половины XVIII века: Ист.-филос. очерки. — Архангельск, 1998.

Ефименко А.Я. Артели в Архангельской губернии // Сборник материалов об артелях в России. — СПб., 1874. — Вып. 2.

Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. — М., 1884. — Вып. 1.

Ефименко П.С. Заволоцкая чужь. — Архангельск, 1869.

Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. — М., 1950.

Жеребцов И. Вычегдско-Вымская (Мисаило-Евтихьевская) летопись // Родники пармы. — Сыктывкар, 1989.

Жизнеописание св. Стефана, просветителя зырян. — СПб., 1889.

Жилинский А. Самоедское право: Материалы для законодат. предложений. — Архангельск, 1908.

Житие Святого Стефана епископа Пермского, написанное Епифаном Премудрым. — СПб., 1897.

Житков Б. Город Мангазея и торговый путь через Ямал // Естествознание и география. — 1904. — № 5.

Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII в. — Тбилиси, 1959. — Ч. 1.

Жуковская Л.П. Архангельскому Евангелию — 900 лет! // Рус. вестн. — 1992. — № 39.

Жуковская Л.П. "Писал Мичька": Арханг. Евангелию 1092 г. исполнилось 900 лет // Правда Севера. — 1992. — 8 дек.

Журавлева Т. Невелик городок, да далеко прославлен // Костер и светильник: Очерки по истории Пустозерска. — Тула, 1993.

Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. I: Государев двор и дворец. — М., 1990.

Забелин И.М., Забелина Т.М. 300-летие первой лоции северо-западного побережья Охотского моря // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. — 1951. — № 2.

Загоскин. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. — Казань, 1909. — Вып. 16.

Зайцев В.А. Беломорский Север: религия, свободомыслие, атеизм. — Архангельск, 1983.

Зайцев С.Н. Вологжане на Петровских верфях // Историческое краеведение и архивы. — Вологда, 1997.

Зайцев С.Н. Участие вологжан в строительстве Петербурга (первая половина XIX века) // Вологда: Ист.-краевед. альм. — Вологда, 1994. — Вып. 1.

Замысловский Е.Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России. — СПб., 1884.

Записки о путешествии в Россию Жана Соважа Диепского в 1586 году // Рус. вест. — 1841. — Т. 1.

Заринский М. Борецкие // Арханг. губери. ведомости. — 1884. — 4 апр., 2 мая.

Заринский М. Иерархи Архангельские и Холмогорские // Справочная книжка Архангельской губернии на 1852 год. — Архангельск, 1852.

Заселение двинского края новгородцами // Справочная книжка Архангельской губернии на 1870 год. — Архангельск, 1870.

Захаров В.Н. Таможенное управление в России в XVI в. // Государственные учреждения России XVI—XVIII вв. — М., 1991.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. — М., 1962. — Ч. 1; 1967. — Т. 2.

Зворыкин А.А. Пионеры изучения Арктики // Природа. — 1946. — № 12.

Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. — М., 1960.

Зимин А.А. Состав русских городов XVI // Исторические записки. — М., 1955. — Т. 52.

Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. — Иркутск, 1968.

Иванов В.Н. Образование Якутского уезда // Якутский архив. — Якутск, 1964. — Вып. 2.

Иванов Д. Флот и Флаг // Архангельск. — 1994. — 28 мая.

Известия англичан о России XVI в: (Ченслер, Дженкинсон, Рандольф, Баус) / Пер. С.М.Середонина. — СПб., 1884.

Известия англичан о России во второй половине XVI века // Чтения в о-ве истории и древностей российских. — М., 1884. — Кн. 4, отд. 3: Материалы иностранные.

Известия Всесоюзного географического общества. — 1943. — Т.75. — Вып. 11.

Изыюмов А. Некоторые новые данные к вопросу о первом пребывании Петра Великого в Архангельске в 1693 г. // Изв. Арханг. о-ва изуч. Рус. Севера. — 1911. — № 10.

Иордан. О происхождении и деянии готов. — М., 1960.

Исландские саги. — М., 1956.

Исследования о состоянии рыболовства в России. — СПб., 1862. — Т.4.

Историческая география России XII — начала XX в. // Сборник статей к 70-летию профессора Л.Г.Бескровного. — М., 1975.

Историческая этнография: Русский Север и Ингерманландия. — СПб., 1997.

Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. — Л., 1951.

История Академии наук СССР. — М.:Л., 1958. — Т. 1.

История Европы: Средневековье. Европа. — М., 1992. — Т.2.

История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. — Сыктывкар, 1978.

История Норвегии. — М., 1980.

История северного крестьянства. — Архангельск, 1984. — Т. 1.

История Сибири. — Л., 1968. — Т. 2.

История Сибири. — Томск, 1987.

Кабузан В.М., Троицкий С.М. Движение населения Сибири в XVIII в. // Сибирь XVII—XVIII вв. — Новосибирск, 1962.

Какова Н.А., Катушкина Л.Г. Русский перевод XVI века первого известия о путешествии Магеллана // Тр. отд. древнерус. лит. — Л., 1968. — Т. 23.

Калевала / Пер. Л.Бельского. — Петрозаводск, 1940.

Калинин Г.Д. Онега. — Архангельск, 1980.

Камкин А.В. Крестьянский мир на Русском Севере (XVIII век). — Вологда, 1995.

Камкин А.В. Православная церковь на Севере России. — Вологда, 1992.

Камкин А.В. Правосознание и правотворчество государственных крестьян Европейского Севера (вторая половина XVIII в.) Автореф. дис... канд. ист. наук. — Л., 1983.

Кан А.С. История скандинавских стран. — М., 1980.

Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12 т. — М., 1988. — Кн. 1—3.

Каштанов С.В. К проблеме управления в России первой половины XVI в. // История СССР. — 1959. — № 6.

Квецинская Т.Е. Верхотурье — транзитно-транспортный центр Западной Сибири в 70 — 80 гг. XVII в. // Города Сибири. — Новосибирск, 1978.

Кедров Н.Н. Нижнекамчатский острог на реке Радуге — колыбель российского купеческого частно-предпринимательского флота на Тихом океане // Историческое краеведение и архивы. — Вологда, 1997.

Кибирев М.Ф. Архангельск. — Архангельск, 1959.

Кизеветтер А.А. Русский Север: Роль Север. края Европ. России в истории Рус. государства. — Вологда, 1919.

Кильбургер И.Ф. Краткое известие о русской торговле. — СПб., 1820.

Кириллов А. Преподобный Антоний, Сийский чудотворец. — Архангельск, 1912.

Кириллов С. Первая астрономическая обсерватория // За коммунизм. — Холмогоры, 1965. — 11 дек.

Киселев А.А., Киселева Т.А. Советские саамы: история, экономика, культура. — Мурманск, 1987.

Ключевский В.О. Курс русской истории. — М., 1986. — Т. 1.

Ключевский В.О. Опыты и исследования. — СПб., 1819.

Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. — М., 1991.

Книга записная. — Томск, 1973.

Кобеко Д. Крестьянская ветвь Строгановых // Изв. генеалог. о-ва. — СПб., 1909. — Ч. 3.

Кобылин А.К. Холмогоры в прошлом и настоящем. — Архангельск, 1930.

Коган М.А. Винланд найден? Новые данные о норманнах в Америке // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. — 1962. — Т. 92.

Коган М.А. Открыли ли норманны Америку? // История географических знаний на Севере Европы. — Л., 1973.

Козанцева Р.И. Внешнеторговый оборот Архангелогородской ярмарки и ее роль в развитии всероссийского рынка // Исследования по истории феодально-крепостнической России: Сб. ст. — М., 1964.

Козмин Н.Д. К истории Антониево-Сийского монастыря и причисленного к нему в 1632 году (ныне упраздненного) Лявлен-

ского Богородичного монастыря // Арханг. спарх. ведомости. — 1906. — 15 марта.

Козмин Н. Распространение христианства среди русских лопарей: Ист. очерк. — Архангельск, 1900.

Колесников П.А. Вклад народных масс Русского Севера в материальную и духовную культуру России // Культура Русского Севера. — Л., 1988.

Колесников П.А. Вклад Русского Севера в материальную и духовную культуру России // Холодный дом России: Док., исслед., размышления о регион. приоритетах Европ. Севера. — Архангельск, 1996.

Колесников П.А. Воздействие народных масс на государственное законодательство России XVII—XVIII вв. // Проблемы истории крестьянства Европейской части России (до 1917 г.). — Пермь, 1982.

Колесников П.А. История Европейского Севера СССР феодальной и капиталистической эпох в дореволюционной и советской историографии. — Вологда, 1968.

Колесников П.А. Организация нижнесухонских посников в XVII в. // Русское государство в XVII веке: Сб. ст. — М., 1961.

Колесников П.А. Писцовые и переписные книги как источники для изучения миграции поморского населения в XVI — нач. XVIII в.: Миграция северного крестьянства в XVI — нач. XVIII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Север. археог. сб. — Вологда, 1970. — Вып. 1.

Колесников П.А. Путешествие в Родословия. — Вологда, 1997.

Колесников П.А. Северная деревня в XV — первой половине XIX века. — Вологда, 1976.

Колесников П.А. Северная Русь (XVIII столетие). — Вологда, 1973.

Колмогорцев И.И. Из истории чёрной металлургии Восточной Сибири в XVII—XVIII вв. // Сибирь XVII—XVIII вв. — Новосибирск, 1962. — Вып. 1.

Колумбы земли русской: Сб. докум. описаний об открытиях и изучении Сибири, Дальнего Востока и Севера в XVII—XVIII вв. — Хабаровск, 1989.

Колчин Б.А., Хорошеев А.С., Янин В.А. Усадьба новгородского художника XII в. — М., 1981.

Кондрескул А.М. Архангельский край и Северная война (1700—1721) // Памятные даты Архангельской области, 1996 г. — Архангельск, 1996.

Коничев К. Петр Первый на Севере. — Л., 1973.

Копанев А.И. Законодательство о черном крестьянском землевладении XVI-XVII вв. // Из истории феодальной России. — Л., 1978.

Копанев А.И. Землевладение в новгородские времена // Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV — нач. XVI вв. — Л., 1971.

Копанев А.И. Землевладение после присоединения к Москве // Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV — нач. XVI вв. — М., 1971.

Копанев А.И. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. — М., 1951.

Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. — Л., 1978.

Копанев А.И. Куростровская волость во второй половине XVI в. // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия: Сб. ст. — М., 1952.

Копанев А.И. Население Русского государства в XVI в. // Исторические записки. — М., 1959. — Т. 64.

Копанев А.И. О государственных налогах черносошных крестьян середины XVI века // Проблемы истории феодальной России: Сб. ст. к 60-летию проф. В.В.Мавродин. — Л., 1971.

Копанев А.И. Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкин. Дома. — Л., 1972.

Копанев А.И. 1587—1588 гг.: Сотная грамота из двинских писцовых книг князя Василия Андреевича Звенигородского и подьячих Рахманина Воронова и Степана Федорова на владения Николаевского Корельского монастыря в Двинском уезде // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Север. археогр. сб. — Вологда, 1972. — Вып. 2.

Копылов А.Н. Государевы пашенные крестьяне Енисейского уезда в XVII в. // Сибирь XVII—XVIII в. — Новосибирск, 1962. — Вып. 1.

Копылов А.Н. Культура русского населения Сибири в XVII—XVIII вв. — Новосибирск, 1968.

Копылов А.Н. Таможенная политика в Сибири в XVII в. // Русское государство в XVII веке. — М., 1961.

Копылов А.Н. Торговые связи Енисейского рынка в XVII в. // Экономика, управление и культура Сибири XVII—XIX вв. — Новосибирск, 1965. — Вып. 2.

Копылов А.Н., Полевой Б.П. Землепроходцы XVII века и изучение Сибири // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). — Новосибирск, 1968.

Корабелы "Звездочки": Ист.-краевед. сб. — Северодвинск, 1994.

Кораблев С.П. Этнографический и географический очерк г. Каргополя Олонецкой губернии с словарем особенностей тамошнего наречия. — Архангельск, 1993.

Кордт В. Библиографические заметки об иностранных путешественниках по России до конца XIII в. // Учен. зап. / Юрьев. ун-т. — 1893. — № 2.

Кордт В.А. Очерки сношений Московского государства с республикой Соединенных Нидерландов до 1631 г. // Сб. рус. ист. о-ва. — СПб., 1902. — Т. 116.

Корецкий В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России. — М., 1970.

Корецкий В.И. Формирование крепостного права и Первая крестьянская война в России. — М., 1975.

Корнелиус Крюйс — адмирал Петра Великого. — Ставангер; М.; СПб., 1998.

Королев К.С. Биярмия: в поисках истины // Родники пармы: Науч.-попул. сб. — Сыктывкар, 1990.

Корольков Н. Сказание о преподобном Трифоне Печенгском чудотворце, просветителе лопарей и об основанной им обители. — СПб., 1896.

Косменко А.П. Народное изобразительное искусство саамов Кольского полуострова XIX—XX вв.: Этногр. очерк. — Петрозаводск, 1993.

Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. — СПб., 1878. — Т. 1.

Костомаров Н.И. История Новгорода, Пскова и Вятки во время удельно-вечегового уклада: (севернорус. народоправства). — СПб., 1868. — Т. 2.

Костомаров Н.И. Очерк торговли Московского государства в XVI — XVII столетиях. — СПб., 1862.

Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. — М., 1990—1991. — Кн. 1—2.

Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия, 1604—1613. — М., 1994.

Котляков В.М. Наука. Общество. Окружающая среда. — М., 1997.

- Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. — М., 1906.
- Кошечкин Б.И. Подвиг полярных мореходов. — М., 1988.
- Крадин Н.П. К вопросу о реконструкции города Мангазеи // Города Сибири: Эпоха феодализма и капитализма. — Новосибирск, 1978.
- Крадин Н.П. Старый Якутск // Памятники Отечества. — М., 1980. — № 2.
- Красинский Г. О путешествиях Оливера Брюнеля на реку Обь // Вопр. истории. — 1950. — № 2.
- Краткое историческое описание монастырей Архангельской епархии. — Архангельск, 1902.
- Крючкова М.Н. Правитель Русской Америки и его потомки. — Каргополь, 1997.
- Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. — М.; Л., 1949.
- Крестинин В.В. Географическое известие о Новой Земле полунощного края // Нов. ежемесяч. соч. — 1788. — Янв. — Ч. 19.
- Крестинин В.В. Исторические начатки о двинском народе древних, средних, новых и новейших времен. — СПб., 1784.
- Крестинин В.В. Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве Двинского народа на Севере. — СПб., 1785.
- Крестинин В.В. Краткая история о городе Архангельском. — СПб., 1792.
- Крестинин В.В. Начертание истории города Холмогор. — СПб., 1790.
- Криничная Н.А. Предания Русского Севера. — СПб., 1991.
- Критский Ю.М. Значение часовен в освоении Соловецких островов. XV—XX вв. // Культура и политика в современном мире: Тез. докл. II Соловец. общественно-полит. форума 9—13 сент. 1990 г. — Архангельск; Соловки, 1990.
- Кротов П.А. Роль населения Поморья в комплектовании военно-морского флота матросами в эпоху Петра Великого // Россия. Север. Море: V Соловецкий форум: Тез. докл. — Архангельск, 1993.
- Кротов П.А. Соломбальская верфь в начале XVIII столетия // Архангельск в XVIII веке. — СПб., 1997.
- Крохин В. История карел // Рус. старина. — 1907. — № 8.
- Кузмищев П.Ф. Исторические сведения об Архангельских лоцманах. — СПб., 1864.
- Кузаков В.К. Очерки развития естественно-научных и технических представлений на Руси в X—XVII в. — М., 1976.

Кузнецов С.К. К вопросу о Бьярмии // Этногр. обозрение. — 1905. — № 2—3.

Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера. — Л., 1977.

Кутепов Н. Великокняжеская и царская охота на Руси в X—XVI вв. — СПб., 1896. — Т. 1—2.

Куратов А.А. Историография истории и культуры Архангельского Севера. — Вологда, 1989.

Куратов А.А. Источниковедение истории и культуры Архангельского Севера. — Архангельск, 1992.

Куратов А.А. Метрология России и Русского Севера. — Архангельск, 1991.

Куратов А.А. Ранняя история Архангельска в свете археографии и палеографии: Метод. рекомендации для студентов. — Архангельск, 1984.

Курбский А.М. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XVI в. — М., 1986.

Куру Б.Г. Сочинения Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. — Киев, 1915.

Кучкин В.А. Формирование княжеств Северо-Восточной Руси в послемонгольский период (до конца XIII в.) // Вопросы географии. — М., 1970. — Сб. 83.

де Ламартиньер П.М. Путешествие в Северные страны. — СПб., 1911.

Латкин В.Н. Дневник во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 гг. — СПб., 1853. — Ч. 1.

Лашук Л.П. Из этнонимии Северо-Западной Сибири // Вестн. МГУ. Сер. 9. — 1966. — № 2.

Лашук Л.П. "О человеках неизвестных" // Вопр. истории. — 1971. — № 11.

Лашук Л.П. Очерк этнической истории Печорского края: Опыт ист.-этногр. исслед. — Сыктывкар, 1958.

Лашук Л.П. Чудь историческая и чудь легендарная // Вопр. истории. — 1969. — № 10.

Лебедев Д.М. Очерки по истории географии в России XV и XVI вв. — М., 1956.

Лебедев Д.М. География в России XVII века. — М.; Л., 1949.

Лебедев Д.М., Есаков В.А. Русские географические открытия и исследования с древнейших времен до 1917 года. — М., 1971.

Лебедев Д.М. Очерки по истории географии в России XVIII в. (1725—1800 гг.). — М., 1957.

Лебедева А.А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. — М., 1969.

Левин А. Холмогорская секретная комиссия... — Архангельск, 1983.

Лемберг А.Х. О географическом положении и истории Югорских земель: Исслед., служащие к объяснению древ. рус. истории. — СПб., 1819.

Леонтьева Г.А. Роль служилых людей в торгово-промышленной жизни Нерчинска во второй половине XVII — начале XVIII в. // Города Сибири. — Новосибирск, 1978.

Лепехин И. Продолжение Дневных записок путешествия Ивана Лепехина. — СПб., 1814.

Лепехин И. Путешествие академика Ивана Лепехина в 1772 г. — СПб., 1805. — Ч. 4.

Летописец, содержащий в себе Российскую историю. — М., 1781.

Летопись города Архангельска. — Архангельск, 1990.

Лимонов Ю.А. Первое упоминание о Сибири в русских источниках // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. Сер. обществ. наук. — Новосибирск, 1967. — № 1, вып. 1.

Липинская В.А. Поселения, жилища и одежда русского населения Алтайского края // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. — М., 1969.

Литература и культура Древней Руси. — М., 1994.

Лихачев Д., Янин В. Русский Север как памятник отечественной и мировой культуры // Коммунист. — 1986. — № 1.

Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. — М.; Л., 1934. — Т. 6.

Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. — М.; Л., 1959. — Т. 8.

Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции "Москва — третий Рим" в идеологии Петра Первого // Художественный язык средневековья. — М., 1982.

Лукин Ю.Ф. Начало // Следопыт Севера: Ист.-краевед. сб. — Архангельск, 1986.

Лурье Я.С. "Открытие Англии" русскими в начале XVI в. // Геогр. сб. — Л., 1954. — Т. 3.

Лурье Я.С. Русско-английские отношения и международные отношения России до XVII в. — М., 1961.

Лыткин Г.С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. — СПб., 1889.

Любавский М.К. Возвышение Москвы. — СПб., 1869.

Любименко И.И. Английский проект 1612 года о подчинении Русского Севера протекторату короля Якова I // Науч. ист. журн. — 1914. — Т. 2, вып. 3.

Любименко И.И. Московский рынок как арена борьбы Голландии с Англией // Русское прошлое: Ист. сб. — Пг., 1923. — № 5.

Любименко И.И. Планы английской интервенции в России в начале XVII столетия // Совет. наука. — 1941. — № 2.

Любимов В.А. Оборона Поморья // Календарь знаменательных дат на 1994 год. — Архангельск, 1994.

Любимов В.А. Поморье в системе российского государства во второй половине XVI века // История и культура Важского края. — Вельск, 1992.

Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. — М., 1971.

Мавродин В.В. Рождение новой России. — Л., 1988.

Мавродин В.В. Русское полярное мореходство и открытия русских поморов на Севере Европы с древнейших времен и до XVI века // Вопр. историй. — 1954. — № 8.

Магидович И.П. Известные русские мореплаватели // Русские мореплаватели. — М., 1953.

Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. — М., 1982. — Т. 1, 2.

Макарий, архимандрит (Веретенников П.). Преподобный Серапион — подвижник Кожеозерской обители // Слово о людях и земле Поморской. — Архангельск, 1995. — Вып. 2.

Макарий, епископ. Историко-статистическое описание Николаевского Корельского третьеклассного монастыря. — М., 1879.

Макарий, епископ. Христианство в пределах Архангельской епархии // Чтения в о-ве истории и древностей российских. — 1878. — Кн. 3.

Макарий, митрополит Московский и Коломенский // История русской церкви. — М., 1996. — Кн. 4, ч. 1.

Макаров И.С. Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII веке // Исторические записки. — М., 1945. — Кн. 14.

Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. — М., 1968.

Макарова Р.В. Экспедиции русских промышленных людей в Тихом океане в XVII веке // Вопросы географии. Сб. 17: История геогр. знаний. — М., 1950.

Максимов С.В. Год на Севере. — М., 1890; Архангельск, 1984.

- Малышев В.И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. — Сыктывкар, 1960.
- Марков С. Земной круг: Книга о землепроходцах и мореходах. — М., 1976.
- Марков С.Н. Летопись. — М., 1978.
- Мартюшов А.М. Коми-народ в первый период его исторической известности // Коми-му. — 1928. — № 2.
- Мартюшов А.М. Поход Курбского на Печору и за Урал в 1499 г. // Зап. о-ва изуч. Коми края. — Сыктывкар. — 1930. — Вып. 5.
- Матвеев А.К. Из истории изучения субстратной топонимики Русского Севера // Учен. зап. / Урал. Гос. ун-т. — 1971. — Вып. 18, № 114.
- Матвеев А.К. К проблеме происхождения севернорусской топонимики // Вопросы финно-угорского языкознания: Грамматика и лексикология. — М.; Л., 1964.
- Матвеев А.К. Субстратная топонимика Русского Севера // Вопр. языкознания. — 1964. — № 2.
- Материалы по истории Якутии XVII века. — М., 1970. — Ч. 3.
- Мацук М.А. Элементы правосознания и правотворчества черносозных крестьян Европейского Севера России в XVI в.: (на материалах Яренского уезда) // Коми крестьянство в эпоху феодализма и капитализма. — Сыктывкар, 1983.
- Машанова Л.В. Торговые связи Забайкалья в конце XVII века // Вопр. истории. — 1984. — № 9.
- Мейнандер К.Ф. Биармия: Финно-угры и славяне // Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 15—17 нояб. 1976 г. — Л., 1979.
- Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. — М., 1986.
- Мельникова Е.А., Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н. Древнескандинавские письменные источники по истории европейского региона СССР // Вопр. истории. — 1985. — № 10.
- Мерзон А.Ц., Тихонов Ю.А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). — М., 1960.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. — М.; Л., 1937. — Т. 1; 1941. — Т. 2.
- Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России: Избранное. — М., 1996.

Мильчик М.И. Градостроительная биография Холмогор XVII — XVIII вв. // Холмогоры — центр художественной культуры Русского Севера. — Архангельск, 1987.

Милоуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. — М., 1993.

Миненко Н.А. Историография Сибири: (период феодализма). — Новосибирск, 1978.

Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе. — М., 1960.

Михайлов А.А. Поморы так же родовиты, как столбовые дворяне / Е.Салтыков // Правда Севера. — 1992. — 9 апр.

Молчанов И.Н. Дипломатия Петра Великого. — М., 1991.

Молчанов К. Описание Архангельской губернии... — СПб., 1813.

Морозов А.А. Юность Ломоносова. — Архангельск, 1958.

Морозов С.В. "Старое" и "новое" в морском судостроении Беломорья в XVIII—XIX вв. // Народная культура Севера: "первичное" и "вторичное", традиции и новации. — Архангельск, 1991.

Московия Джона Мильтона с статьей и примечаниями Ю.В.Толстого. — М., 1875.

Мостахов С.Е. Сподвижники путешественников и исследователей: Участие местного населения в географическом изучении северо-востока Сибири в XVII — начале XX в. — Якутск, 1966.

Мюллер Р.Б. Очерки по истории Карелии в XVI — XVII вв. — Петрозаводск, 1947.

Мясников М.Н. Историческое описание Ваги и города Шенкурска // Отеч. зап. — 1828. — Ч. 38.

Мясников М.Н. Нечто о пятинах Новгородских и в особенности о стране, известной издревле под именем Ваги // Сев. архив. — 1827. — № 9.

Мясникова Л.Н. Документы ГАВО: (Гос. архив Вологод. обл.) о судостроении в XVI — нач. XVII вв.) // Историческое краеведение и архивы. — Вологда, 1997.

Назаренко В.А., Овсянников О.В., Рябинин Е.А. Средневековые памятники чуди заволочской // Совет. археология. — 1984. — № 4.

Наказ воеводе Василию Дикову (1664 г.) // Дополнения к актам историческим... — СПб., 1851. — Т. 4.

Наказ воеводе Обьедову (1647 г.) // Дополнения к актам историческим... — СПб., 1848. — Т. 3.

Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. — М., 1909.

Насонов А.Н. "Русская земля" и образование территории древнерусского государства. — М., 1951.

Наш край в документах и иллюстрациях. — Тюмень, 1966.

Немировский Е.Л. Путешествие к истокам русского книгопечатания. — М., 1991.

Никашидзе Н.Т. Русско-английские отношения во второй половине XVI в. — Тбилиси, 1955.

Никитин А.Л. Биармия и Древняя Русь // Вопр. истории. — 1976. — № 7.

Никитин А.Л. Тайна двух Биармий // Север. — 1984. — № 3—4.

Никитин К.И. Казачьи корни уходят в Поморье // Правда Севера. — 1993. — 31 марта.

Никитин Н. И. Сибирская эпопея XVII века: Начало освоения Сибири русскими людьми. — М., 1987.

Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. — Новосибирск, 1988.

Никитин Н.И. Экспедиция Пояркова на Амур // Вопр. истории. — 1981. — № 9.

Никольский И. О древности происхождения Холмогор // Арханг. губерни. ведомости. — 1845. — 17 янв.

Новиков Н.И. О высочайших пришествиях Великого Государя царя и Великого князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца, из царствующего града Москвы на Двину, к Архангельскому городу, троекратно бывших; о нахождении Шведских неприятельских кораблей, на ту же Двину, к Архангельскому городу; о зачатии Новодвинской крепости и освящении нового храма в сей крепости. Иждивением Н.И.Новикова и компании. — М., 1783.

Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. — СПб., 1888.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.; Л., 1950.

Новожилов Ю.К. К вопросу об основании города Архангельска // Уч. зап. / АГПИ им. М.В.Ломоносова. — Архангельск, 1964. — Вып. 16.

Новомберский Н.Я., Гольденберг Л.А., Тихонов В.В. Материалы к истории разведки и поисков полезных ископаемых в Русском государстве XVII в. // Очерки по истории геологических знаний. — М., 1959. — Вып. 8.

Новокомский Павел Иовий. Книга о московитском посольстве. — СПб., 1908.

Новые документы о совещании в ЦК ВКП(б) (1944 г.) // Вопр. истории. — 1991. — № 1.

Носов Н.Е. К вопросу о проведении земской реформы в Двинской земле XVI в. // Из истории феодальной России: Ст. и очерки к 70-летию со дня рождения проф. В.В.Мавродина. — Л., 1978.

Носов Н.Е. Очерки по истории местного самоуправления русского государства первой половины XVI века. — М.; Л., 1957.

Носов Н.Е. Русский город и русское купечество в XVI столетии // Исследования по социально-политической истории России. — Л., 1971.

Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. — Л., 1969.

Овсянников О.В. Архангельский деревянный "город" VI — XVII вв. — форпост России в Беломорье // История и культура Архангельского Севера: (Досовет. период): Межвуз. сб. науч. тр. — Вологда, 1986.

Овсянников О.В. Архангельский клад // Правда Севера. — 1989. — 31 окт.

Овсянников О.В. Важский городок — памятник XV века // История и культура Важского края. — Вельск, 1992.

Овсянников О.В. Путь встреч солнцу // Летописец Севера: Ист.-краевед. сб. — Архангельск, 1990.

Овсянников О.В. Средневековые города Архангельского Севера. Люди. События. Даты. — Архангельск, 1992.

Овсянников О.В. Холмогорский и Архангельский посады по писцовым и переписным книгам XVII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Север. археог. сб. — Вологда, 1970. — Вып. 1.

Оглобин Н. Восточно-сибирские полярные мореходы XVII века // Журн. М-ва нар. просвещения. — СПб., 1903. — Ч. 347.

Огородников Е.К. Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по "Книге Большого чертежа." — СПб., 1877; Зап. Рус. геогр. о-ва по отд-нию этнографии. — 1877. — Т. 7.

Огородников С.Ф. Значение Архангельска при Петре Великом // Петр Великий на Севере: Сб. ст. и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере. — Архангельск, 1909.

Огородников С.Ф. История Архангельского порта. — СПб., 1875.

Огородников С.Ф. Лоцманская артель в Архангельске // Сборник материалов об артелях в России. — СПб., 1873. — Вып. 1.

Огородников С.Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. — СПб., 1890.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М., 1991.

Окладников А.П., Гоголев З.В., Ащенок Е.А. Древний За-
шивинск: Древнерус. заполяр. город. — М., 1977.

Окладников А.П. Младший брат Ильи Муромца // Совет.
Россия. — 1985. — 11 авг.

Окладников А.П. Пенда — забытый русский землепроходец
XVII века // Летопись Севера. — М.; Л., 1949. — Вып. 1.

Окладников А.П. Русские полярные мореходы XVII века у бе-
регов Таймыра. — М., 1957.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Мос-
ковию в Персию и обратно. — СПб., 1906.

Орлов Н. Смутное время (начало XVII в.) и Русский Север
// Изв. Арханг. о-ва изуч. Рус. Севера. — 1913. — № 4.

Осипов К. Первые русские полярные мореходы. — М., 1949.

Основы курса истории России / А.С.Орлов, В.А.Георгиев,
А.Ю. Полунов, Ю.А.Терещенко. — М., 1997.

Остров Розовый в море Белом: Ист.-краёведч. сб. — Северод-
винск, 1992.

Островская М. Земельный быт сельского населения Русского
Севера в XVI—XVIII веках. — СПб., 1913.

Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII
века на северо-востоке Азии: Сб. док. — М., 1951.

Оттар: Науч.-попул. журн. музея г. Тромсё. — 1992. — № 192.
(Норвегия и Россия на Севере).

Очерки истории Ленинграда. — М.; Л., 1955. — Т. 1.

Очерки истории СССР: Период феодализма, конец XV в. —
нач. XVII в. — М., 1955.

Очерки по истории колонизации Севера. — Пг., 1922.

Очерки по истории Коми АССР. — Сыктывкар, 1955. — Т. 1.

Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII века. —
М., 1962.

Павленко Н.И. Петр Великий. — М., 1994.

Павлов П.Н. Об участии и роли различных категорий насе-
ления в сибирском пушном промысле в 40—70-е годы XVII в. // Э-
кономика, управление и культура Сибири XVI—XIX в. — Но-
восибирск, 1965. — Вып. 2.

Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. — Крас-
ноярск, 1972.

Павлова Г.Е., Федорова А.С. Михаил Васильевич Ломоносов:
1711 — 1765. — М., 1988.

Памятная книжка Архангельской губернии на 1861 год. — Архангельск, 1861.

Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868—1969 гг. — Петрозаводск, 1869.

Памятники дипломатических сношений древней России с папским двором и с итальянскими государствами. — СПб., 1871. — Т. 10.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею. — СПб., 1883. — Т. 2.

Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. — СПб., 1890. — Т. 1.

Памятники русского права. — М., 1957.

Панич Т.В. Особенности "Шестоднева" Афанасия Холмогорского // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. — Новосибирск, 1986.

Парфентьев Н.П. Древнерусское певческое искусство в духовной культуре русского государства XVI—XVII вв. — Свердловск, 1991.

Пекарский П.П. История императорской Академии наук. — СПб., 1870. — Т. 1.

Перевалов В.А. Ломоносов и Арктика. — М.; Л., 1949.

Песков В.М. Сказания о Баранове // Комс. правда. — 1991. — 12 окт.

Петр Великий на Севере: Сб. ст. и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере. — Архангельск, 1909.

Петр Первый на Севере. — Л., 1973.

Петров В.И. К вопросу о социальном происхождении сибирского казачества (XVIII — первая половина XIX вв.) // Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. — Новосибирск, 1965. — Вып. 2.

Пименов В.В. Вепсы: Очерк этн. истории и генезиса культуры. — М.; Л., 1965.

Письма и бумаги императора Петра Великого. — СПб., 1887. — Т. 1.

Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVII—XVIII веках. — М., 1925.

Платонов С.Ф. Начало русских поселений на Мурмане // Производительные силы района Мурманской железной дороги. — Петрозаводск, 1923.

Платонов С.Ф. Низовская колонизация на Севере // Очерки по истории колонизации Севера. — Пг., 1922.

Платонов С.Ф. О двух грамотах 1611 г. // Платонов С.Ф. Статьи по русской истории. — СПб., 1903.

Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. — М., 1995.

Платонов С.Ф. Проблема Русского Севера в новейшей историографии // Летопись занятий Археографической комиссии. — Л., 1929. — Т. 35.

Платонов С.Ф. Прошлое Русского Севера. — Пг., 1923.

Платонов С.Ф. Строгановы, Ермак и Мангазея // Русское прошлое. — Пг., 1923. — № 3.

Платонов С.Ф. Учебник русской истории. — М., 1992.

Платонов С.Ф., Андреев А.И. Новгородская колонизация Севера // Очерки по истории колонизации Севера. — Пг., 1922.

Плигузов А.И. Первые русские описания Сибирской земли // Вопр. истории. — 1987. — № 5.

Повесть временных лет. — М.; Л., 1950. — Ч. 1.

Покровский С. Внешняя торговля и внешняя политика России. — М., 1947.

Покровский Н.Н. Государственный феодализм двинской деревни перед началом освоения Сибири поморами: Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). — Новосибирск, 1969.

Покшиевский В.В. Заселение Сибири: (Ист.-геогр. очерки). — Иркутск, 1951.

Полевой Б.П. Амур — “слово московское” // Дальний Восток. — 1972. — № 1.

Полевой Б.П. Забытые сведения спутников В.Д.Пояркова о Сахалине (1644—1645) // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. — М., 1958. — Вып. 6.

Полевой Б.П. Историческое краеведение и архивы. — Вологда, 1997.

Полевой Б.П. История освоения русской Америки и открытий на Тихом океане: новые исторические источники // Историческое краеведение и архивы. — Вологда, 1997.

Полевой Б.П. К истории открытия Татарского пролива // Страны и народы Востока. — М., 1968. — Вып. 6.

Полевой Б.П. Курбат Иванов — первый картограф Лены, Байкала и Охотского побережья (1640—1646 гг.) // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва — 1960. — № 1.

Полевой Б.П. Находка челобитья первооткрывателей Колымы // Экономика и культура Сибири XVI—XIX вв. — Новосибирск, 1965. — Вып. 2.

Полевой Б.П. Новое об амурском походе В.Д.Пояркова (1643—1646 гг.) // Вопросы истории Сибири досоветского периода: (Бахрушинские чтения, 1969). — Новосибирск, 1973.

Полевой Б.П. Новое о происхождении "Сказания о великой реке Амуре" // Рукописное наследие Древней Руси. — Л., 1972.

Полевой Б.П. Новое о Пянде. // Сибирь периода феодализма. — Новосибирск, 1965. — Вып. 2.

Полевой Б.П. О точном тексте двух отписок Семена Дежнева 1655 года // Изв. АН СССР. Сер. геогр. — 1965. — № 2.

Политов В.В. Яренск: Ист. очерк. — Л., 1978.

Полное собрание законов Российской империи. — СПб., 1830. — Т. 4—5.

Полное собрание русских летописей. — М.; Л., — 1949. — Т. 25.

Полное собрание русских летописей: Воспроизводство текста издания 1926 — 1928 гг. / Под ред. Е.Ф. Карского. — М., 1962 — 1982. — Т. 1 — 7, 14, 34, 37.

Полное собрание русских летописей. Т. 33: Холмогорская летопись; Двинской летописец. — Л., 1977.

Поло М. "Книга" Марко Поло / Пер. старофранц. текста И.П. Минаева — М., 1956.

Попов А.Н. Архангельск: История. Культура. Экономика: Крат. краеведч. очерк с прилож. плана. — Архангельск, 1928.

Попов А.Н. Терский берег // Изв. Арханг. о-ва изуч. Рус. Севера. — 1914. — № 1.

Попов Г.П. Ногою твердой стать при море... Штрихи к портр. Арханг. порта. — Архангельск, 1992.

Попова Л.Д. Архангельск: Очерк истории строительства (Конец XVI — нач. XX в.). — Архангельск, 1994.

Послания Ивана Грозного. — М.; Л., 1951.

Постников С. Афанасий, первый архиепископ Холмогорский и Важский (1682-1702). — СПб., 1866.

Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII века. — М., 1956.

Преображенский А.А. Предприниматели Тумашевы в XVII в. // Русское государство в XVII веке. — М., 1961.

Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в годы крестьянской войны под предводительством С.Т. Разина // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России: Сб. ст. памяти И.И. Смирнова. — Л., 1967.

Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. — М., 1972.

Пришвин М.М. Из дневника. 1947—1953: К истории создания романа "Осударева дорога" // Север. — 1981. — № 8.

Прозоровский Д. Старинное описание солеваренного снаряда // Изв. Археол. о-ва. — СПб., 1868. — Т. 6.

Прокофьев Н.Г. Ненецкий (юрако-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. — М.; Л., 1937. — Ч. 1.

Прокофьев Г.Н. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. — Л., 1935.

Пронштейн А.П. Великий Новгород в XVI в. — Харьков, 1957.

Псковские летописи. — М.; Л., 1955. — Вып. 2.

Путешествие и журнал Избраннедеса // Древне-Российская Вивлиофика. — СПб., 1879. — Т. 13.

Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф.П.Врангеля. — М., 1948.

Путешествия русских послов XVI—XVII вв.: Статейные списки. — М.; Л., 1954.

Пушкарев И. Описание Российской империи. Т. 1, кн. 2: Арханг. губерния. — СПб., 1845.

Пушкарев И. Описание Российской империи. Т. 1, кн. 4: Вологод. губерния. — СПб., 1846.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч. — М., 1965. — Т. 9.

Радищев А.Н. Избранные сочинения. — М., 1952.

Разин В. История военного искусства. — М., 1940. — Ч. 2.

Раменский О.Е. Архангельский духовный пастырь, писатель и просветитель XVIII века // Ломоносов и российская культура. — Северодвинск, 1996.

Распутин В.Г. Сибирь без романтики // Роман-газета. — 1984. — № 17.

Резников Ф.И. Землевладение в бассейне Северной Двины в XVII — XVIII вв. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. — М., 1960. — Сб. 4.

Рейнеке М.Ф. Гидрографическое описание Северного берега России, составленное капитан-лейтенантом М.Рейнеке в 1833. — СПб., 1883. — Ч. 1.

Ремезов С.У. Приложение к чертежной книги Сибири. — СПб., 1882.

Репин Н.Н. Коммерческое судостроение в России в конце XVII — первой половине XVIII в. // Вопр. истории. — 1978. — № 1.

Рогожин Н.М. Око всей великой России // Око всей великой России. Об истории рус. дипломат. службы XVI—XVII веков. — М., 1989.

Рождественский С.В. Двинские бояре и двинское хозяйство XIV — XVI веков // Изв. АН СССР. Сер. 7. — 1929. — № 1—2.

Рожков Н. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. — М., 1889.

Розен Б. Северная соль. — Архангельск, 1957.

Романов М. История одного северного захолустья. — В. Устюг, 1925.

Ромодановская Е.К. Строгановы и Ермак // История СССР. — 1976. — № 3.

Ромодановская Е.К. Синодик ермаковым казакам // Изв. Сибир. отделения АН СССР. Сер. обществ. наук. — 1970. — № 11, вып. 3.

Россия и Нидерланды: Контакты и взаимное видение: Учеб. пособие. — Мурманск, 1995.

Россия и США: становление отношений (1765—1815). — М., 1980.

Ружникова Е.И. Портреты Афанасия Холмогорского в собрании Архангельского музея изобразительных искусств // Холмогоры — центр художественной культуры Русского Севера. — Архангельск, 1987.

Русская Америка: По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев. — М., 1994.

Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю.Н. Щербачевым // Русская историческая библиотека. — СПб., 1897. — Т. 16, № 49.

Русская историческая библиотека. — СПб., 1894. — Т. 14.

Русские арктические экспедиции XVII—XX вв. // Вопросы истории изучения и освоения Арктики. — Л., 1964.

Русские мореплаватели. — М., 1953.

Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: Сб. док. — М; Л., 1952.

Русские старожилы Сибири: Ист.-антропол. очерк. — М., 1973.

Русские экспедиции по изучению Северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.: Сб. док. — М., 1984.

Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. — М., 1984.

Русское прошлое: Ист. сб. — Пг., 1923. — № 5.

Рутенбург В.И. Итальянские источники о связях России и Италии в XV в. // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. ст., посвященных 75-летию С.Н. Валка. — М.; Л., 1964.

Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. — М., 1976.

Рыбаков Б.А. Деление Новгородской земли на сотни в XIII веке // Исторические записки. — М., 1938.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. — М., 1982.

Рыбаков Б.А. Начало Русского государства // Вестн. МГУ. — 1955. — № 4—5.

Рыбаков Б.А. Начальные века русской истории // История России. — М., 1995. — Т. 1.

Рыбаков Б.А. Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII вв. // Вопр. истории. — 1962. — № 4.

Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV — начала XVI века. — М., 1974.

Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. — М., 1978.

Рыдзевская Е.А. Сведения по истории Руси XIII в. в саге о короле Хаконе // Исторические связи Скандинавии и России, IX—XX вв. — Л., 1970.

Рябинин Е.А. О средневековых древностях Заволочья // Совет. археология. — 1981. — № 3.

Рябинин Е.А. Чудь заволочская // Природа. — 1993. — № 8.

Савельев П. Мухаммеданская нумизматика. — СПб., 1847.

Савельева Н.В. Библиотека пинежан Поповых // Книжные центры Древней Руси, XII в.: Разные аспекты исслед. — СПб., 1994.

Савельева Э.А. Книга Олауса Магнуса "История северных народов" и ее известия о России // Исторические связи Скандинавии и России, IX—XX вв. — Л., 1970.

Савельева Э.А. Олаус Магнус и его "История северных народов". — М., 1983.

Савельева Э.А. Пермь вычегодская: К вопр. о происхождении народа коми. — М., 1971.

Савельева Э.А. Происхождение народа коми // Родники пармы. — Сыктывкар, 1989.

Савич А.А. Соловецкая вотчина XV — XVII вв.: Опыт изуч. хоз-ва и соц. отношений на Крайнем Рус. Севере и Древней Руси. — Пермь, 1927.

Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. — М.; Л., 1950.

Сафронов Ф.Г. Ерофей Хабаров — зачинатель земледелия на Лене // Учен. зап. / Якут. Гос. пед. ин-т. — Якутск, 1955. — Вып. 4.

Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. — М., 1978.

Сафронов Ф.Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. — М., 1980.

Сборник грамот Коллегии Экономии. — СПб., 1922—1929. — Т. 1—2.

Селезнев А.С. Экспедиции по историческим местам Архангельска и Архангельской области. — Архангельск, 1961.

Селькова М.Л. Правовое положение ненцев в России до конца XIX века // История и культура ненцев европейских тундр: Ист.-краевед. сб. — Нарьян-Мар, 1998.

Сербина К.Н. Книга Большому чертежу. — М.; Л., 1959.

Сербина К.Н. Развитие русского летописания в Поморье XVI—XVIII вв. // История и культура Архангельского Севера: (досовет. период): Межвуз. сб. науч. тр. — Вологда, 1986.

Сербина К.Н. Устюжское летописание, XVI—XVIII вв. — Л., 1985.

Сергеев А.Н. Опыт объяснения названия русских городов // Сборник в память первого русского статистического съезда 1870. — СПб., 1875.

Сергеев В.И. Происхождение и эволюция понятий “Сибирь” // Актуальные проблемы истории СССР. — М., 1979.

Серебренников Б.А. Почему трудно разрешить проблему происхождения верхних слоев северорусской гидронимии? // Вопр. языкознания. — 1970. — № 1.

Сибирские летописи. — СПб., 1907.

Сибирцев И.М. Исторические сведения из церковно-религиозного быта г. Архангельска в XVII и первой половине XVIII века. — Архангельск, 1894.

Сидоров М.О. О мореходстве и торговле бывшего Печенгского монастыря // Тр. о-ва для содействия рус. пром-сти и торговле. — СПб., 1884. — Ч. 14.

Симони П.К. Заметки Ричарда Джемса о чуди, лопарях, самодах и черемисах // Сборник Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей. — Л., 1929. — Т. 1.

Симченко Ю.К. Культура охотников на оленей Северной Евразии. — М., 1976.

Скалон В.Н. Русские землепроходцы и исследователи Сибири XVII века. — М., 1951.

- Скрынников Р.Г. Ермак. — М., 1992.
- Скрынников Р.Г. История российская IX—XVII в. — М., 1997.
- Скрынников Р.Г. Начало опричнины. — Л., 1966.
- Скрынников Р.Г. Подготовка и начало Сибирской экспедиции Ермака // Вопр. истории. — 1979. — № 1.
- Скрынников Р.Г. Россия после опричнины. — Л., 1975.
- Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака // Вопр. истории. — 1980. — № 3.
- Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. — Новосибирск, 1982.
- Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. — М., 1994.
- Случевский К.К. По Северу России. — СПб., 1886. — Т. 1—2.
- Сметанин А. Наш регион между прошлым и будущим: трудные уроки переходного периода // Арханг. обл. ведомости. — 1999. — 26 янв.
- Смирнов И.И. Судебник 1550 г. // Исторические записки АН СССР. — М., 1947. — Т. 24.
- Смирнов М.И. Переславльские соколы помытчики. — Владимир, 1912.
- Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVI века. — М.; Л., 1947. — Т. 1.
- Соболева Н. Старинные гербы российских городов. — М., 1987.
- Соболевский А.И. Образованность Московской Руси в XV — XVII веках. — СПб., 1894.
- Собрание Государственных грамот и договоров. — М., 1828. — Ч. 4.
- Соколов М. Описание города Холмогор с очерком древней истории Двинского края. — СПб., 1875.
- Соколова З.П. Ханты // Вопр. истории. — 1971. — № 8.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен: В 18 т. — М., 1988 — 1995. — Кн. 1, т. 1—2; Кн. 4, т. 7—8; Кн. 5, т. 9—10; Кн. 6, т. 11—12.
- Соломбальская верфь, 1693—1862. — Архангельск, 1993.
- Спасский Г. Владимир Атласов, покоритель Камчатки // Вестн. Рус. геогр. о-ва. — 1858. — Т. 24. Ч. 2.
- Список населенных мест Российской империи. Т. 1: Арханг. губерния. — СПб., 1864.
- Справочная книжка Архангельской губернии на 1870. — Архангельск, 1870.

Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка (X—XV). — СПб., 1882.

Старцев Г.А. Самоеды (ненча): Ист.-этнограф. исслед. — М., 1930.

Степанов Н.Н. Первая русская экспедиция на Охотском побережье в XVII веке // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. — 1958. — Т. 90 — № 5.

Стринингольм А.М. Походы викингов, государственное устройство, нравы и обычаи древних скандинавов. — М., 1861.

Стурлусон С. Круг земной. — М., 1980.

Судебники XV—XVI веков. — М.; Л., 1952.

Сухогрузов П.Г. Путь московского войска на Печору и за Урал в походе 1499—1500 годов // Родники пармы: Науч.-попул. сб. — Сыктывкар, 1989.

Сыроечковский В.Е. Гости-суржане. — Л., 1935.

Такташова Л.Е. Мастера "строгановской школы" иконописи: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. — Л., 1981.

Таможенные книги Московского государства XVII в. — М.; Л., 1950. — Т.1.

Тарашенко Н.М. Материалы по языку ненцев. — М., 1956.

Тарле Е.В. Русский флот и внешняя политика Петра I. — М., 1949; СПб., 1994.

Тарханов А.Е. Почему Евгений Онегин? // В мире книг. — 1979. — № 6.

Татищев В.Н. История Российская. — М., 1994—1995. — Т. 1, 4.

Тацит К. Малые произведения. — СПб., 1993. — Т. 2.

Теребихин Н.М. Мифологическая история и социология крестьянского мира на Русском Севере // Семиотика культуры: Тез. докл. Всесоюз. шк. — семинара, 18—28 сент. 1989 г. — Архангельск, 1989.

Теребихин Н.М. Образ Петра I в ономастике сакральной архитектуры Русского Севера (храмы, лабиринты, корабли) // Памятники архитектуры Русского Севера: Сб. ст. — Архангельск, 1998.

Теребихин Н.М. Семиотика пространства культуры народов Европейского Севера: Дис. в виде науч. докл. на соиск. учен. степ. док. филос. наук. — СПб., 1995.

Терентьев. Начало и развитие рыбных промыслов на Мурманском берегу // Арханг. губерн. ведомости. — 1876. — 7 апр.

Тиандер К.Ф. К истории города Холмогоры. — СПб., 1900.

Тиандер К.Ф. Посадки скандинавов в Белое море. — СПб., 1906.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. — СПб., 1884. — Т. 1.

Титов А. Летопись Великоустюжская. — М., 1888.

Титов А. Летопись Двинская. — М., 1889.

Титов А. Сибирь в XVII в. — М., 1890.

Тихомиров М.Н., Щепкина М.В. Два памятника новгородской письменности. — М., 1952.

Тихомиров М.Н. Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. — 1951. — Т. 7.

Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. — М., 1962.

Токарев С.А. Этнография народов СССР. — М., 1952.

Томилов Ф.С. Север в далеком прошлом. — Архангельск, 1947.

Тонков В. Архангельск. — Архангельск, 1937.

Трапезников В. Очерк истории Приуралья и Прикамья в эпоху закрепощения (XV—XVII вв.) // Изв. Арханг. о-ва изуч. Рус. Севера. — 1911. — № 13—15, 23.

Троицкий С.М. Архангельский хлебный рынок в 1-й четверти XVIII в. // Труды / Моск. Гос. ист.-архив. ин-т. — М., 1957. — Т. 9.

Трофимов П.М. Очерки экономического развития Европейского Севера России. — М., 1961.

Труд в России. — Л., 1924. — Кн. 1.

Труды Архангельского статистического Комитета. — Архангельск, 1865. — Кн. 1.

Тунгусов А. Владения чудского князя на реке Вые // Заря. — 1971. — 20 февр.

Тунгусов А. Упомянуты не в летописи, а в уставе // Правда Севера. — 1997. — 13 мая.

Тупиков Н.М. Литературная деятельность царевича Ивана Ивановича // Журн. М-ва нар. просвещения. — 1894. — Дек.

Угрюмов А.А. Кокшеньга — край чуди-заволочской // Север. — 1981. — № 4.

Угрюмов А.А. Финно-угорские заимствования в языке жителей Тарногского района Вологодской области // История и культура Важского края. — Вельск, 1992.

Ульянов Н.И. Очерки истории народа коми. — М.; Л., 1932.

Устав морской, о всем, что касается к доброму управлению в бытности флота на море. — СПб., 1993.

Устрялов Н.Г. Именитые люди Строгановы. — СПб., 1842.

Устюгов Н. Из истории Поморья в первой половине XVII в. // *Вопр. истории.* — 1946. — № 2—3.

Устюгов Н.В. К вопросу о социальном расслоении русской чернотинской деревни XVII в. // *История СССР.* — 1961. — № 6.

Устюгов Н.В. Научное наследие. — М., 1974.

Устюгов Н.В. Основные черты русской колонизации Южного Зауралья в XVII в. // *Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока.* — Новосибирск, 1961.

Устюгов Н.В. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. // *Исторические записки.* — М., 1950. — № 34.

Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. : (К вопросу о генезисе капиталист. отношений в рус. промышленности). — М., 1957.

Устюжский летописный свод: (Архангелогород. летописец) / Под ред. К.Н.Сербиной. — М.; Л., 1950.

Ушаков И.Ф. Кольская Земля. — Мурманск, 1972.

Ушаков И.Ф. Кольская старина. — Мурманск, 1986.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. — М., 1987.

Феер П. Архиепископ Афанасий (1641—1702 гг.) // *Календарь знаменательных дат на 1991 год.* — Архангельск, 1991.

Фехнер М.В. Торговля русского государства со странами Востока. — М., 1952.

Филиппов А.М. Голландец Салингер в России в XVI веке // *Лит. вестн.* — СПб., 1903. — Т. 4, кн. 6.

Филиппов А.М. Русские в Лапландии в XVI веке // *Лит. вестн.* — СПб., 1901. — Т. 1, кн. 3.

Финченко А.Е. Традиционная хозяйственная деятельность кокшаров, устьян, ваганов в конце XIX — первой трети XX в. // *Русский Север: Ареалы и культ. традиции.* — СПб., 1992.

Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. — СПб., 1774.

Флетчер Д. О государстве русском. — СПб., 1906.

Фроянов И.Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // *Вопр. истории.* — 1992. — № 4—5.

Фруменков Г.Г. Все флаги в гости... // Архангельск: 1584 — 1984: Фрагменты истории. — Архангельск, 1984.

Фруменков Г.Г. За честь и славу россиян // Слово о Ломоносове. — Архангельск, 1983.

Фруменков Г.Г. Западноевропейские проекты XVI—XVII вв. Завоевания Поморья и их крах // Историко-краеведческий сборник. — Вологда, 1975.

Фруменков Г.Г. Наш край в годы борьбы с польско-шведской интервенцией и крестьянской войны // Наш край в истории СССР. — Архангельск, 1974.

Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Поморья. — Архангельск, 1975.

Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Поморья в XVI—XIX вв. — Архангельск, 1963.

Фруменков Г.Г. Узники Соловецкого монастыря. — Архангельск, 1980.

Фруменков Г.Г. Федот Иванович Шубин: (К 250-летию со дня рождения) // Памятные даты Архангельской области, 1990 г. — Архангельск, 1989.

Фруменкова Т.Г. Афанасий Холмогорский (К 350-летию со дня рождения) // Памятные даты Архангельской области, 1991 г. — Архангельск, 1990.

Фруменкова Т.Г. "Вести из-под Азова" Афанасия Холмогорского // Спорные проблемы истории русской общественной мысли (до нач. XIX в.): Науч. конф. Москва, 12—14 мая 1992 г.: Тез. докл. / РАН. Ин-т Рос. истории. — М., 1992.

Харузина В. Лопари. — СПб., 1902.

Хлебников К.Т. Русская Америка в неопубликованных записках К.Т.Хлебникова. — Л., 1979.

Хомич Л.В. Ненцы. — М.; Л., 1966.

Хорошкевич Л.Л. Внешняя торговля Руси XIV—XVI вв. в освещении буржуазной историографии // Вopr. истории. — 1960. — № 2.

Хребтов А.К. Положение жемчужной промышленности в России. — СПб., 1897.

Челищев П.И. Путешествие по Северу России в 1791 году. — СПб., 1886.

Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. — М.; Л., 1961. — Ч. 1.

Чесноков И. Архангельского порта лоцман // Архангельск. — 1998. — 23 июня.

Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI веке. — СПб., 1889.

Чикачев А.Г. Русские на Индигирке. — Новосибирск, 1990.

Чиркин Г.Ф. Историко-экономические предпосылки колонизации Севера // Очерки по истории колонизации Севера. — Пг., 1922.

Чождмор. В поисках исторической правды // Зап. о-ва изуч. Коми края. — Сыктывкар, 1929. — Вып. 3.

Чулков М. Историческое описание Русской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной Государя Императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей Государыни Императрицы Екатерины Великой. — СПб., 1781. — Т. 1, кн. 1.

Чулков Н.П. Княгиня Татьяна Васильевна Хованская и ее дети. — М., 1911.

Шабанова А.М. Государственные повинности частновладельческих крестьян Северо-Запада России в первой четверти XVIII в. // Из истории феодальной России. — Л., 1978.

Шаляпин С.О. Миссионерская деятельность православной церкви среди саамов и ненцев в первой половине XIX в. // Россия и Норвегия: История и культура. — Архангельск, 1992.

Шаляпин С.О. Монастыри в истории Беломорского Севера // Оттар: Науч.-попул. журн. музея г.Тромсё. — 1992. — № 192.

Шаляпин С.О. Никольский причал // Летописец Севера: Ист.-краевед. сб. — Архангельск, 1990.

Шаляпин С.О. Проблемы истории монастырской ссылки в русской историографии XIX — начала XX в. // Слово о людях и земле Поморской. — Архангельск, 1995. — Вып. 2.

Шаляпин С.О. Тюрьма Николо-Корельского монастыря и Соловки в XVII—XVIII // Культура и политика в современном мире: Тез. докл. II Соловецк. обществ.-полит. форума, 9—13 сент. 1990 г. — Архангельск; Соловки, 1990.

Шапошников А.Н. Холмогорский скот. — М., 1951.

Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XIII веке. — Л., 1978.

Шаскольский И.П. Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. — М., 1945. — Т. 14.

Шаскольский И.П. О возникновении города Колы // Исторические записки. — М., 1962. — Т. 71.

Шаскольский И.П. О первоначальном названии Кольского полуострова // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. — 1962. — Т. 84, вып. 2.

Шаскольский И.П. Об одном плавании древнерусских мореходов вокруг Скандинавии // Путешествия и географические открытия. — М.; Л., 1965.

Шаскольский И.П. "Описание трех путей" Афанасия Холмогорского // Труды / ИРЛИ АН СССР, Отд. древнерус. лит. — 1958. — Т. 14.

Шаскольский И.П. Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX—XX. // Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв. — Л., 1970.

Шахматов А.А. Исследование о двинских грамотах XV в. — СПб., 1903. Ч. 2.

Шахматов А.А. "Повесть временных лет" и ее источники // Труды / ИРЛИ АН СССР, Отд. древнерус. лит. — М.; Л., 1949. — Т. 4.

Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке. — М., 1997.

Швейковская Е.Н. Нормы обычного права в земельно-распорядительных сделках крестьян Русского Севера первой половины XVII в.: (по материалам Сольвычегодского уезда) // История СССР. — 1985. — № 2.

Шейнфильд М.Б. Историография Сибири. — Красноярск, 1973.

Шергин Б.В. Поэтическая память. — М., 1978.

Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. — Иркутск, 1949. — Т. 1.

Шильниковская В.П. Великий Устюг. — М., 1987.

Шляпин В.П. Из истории заселения нашего края // Зап. Северо-Двин. о-ва изуч. мест. края. — 1928. — Вып. 5.

Шмигельский А.Г. Переключка времен // Северодвинск: Испытание на прочность. — Северодвинск, 1998.

Шмигельский А. Порт святого Николая // Правда Севера. — 1996. — 18 мая.

Шмидт С.О. Неизвестные документы XVI в. // Ист. архив. — 1961. — № 4.

Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. — М., 1925.

Штаден Г. О Москве Ивана Грозного: Зап. немца опричника. — М., 1915.

Шумилов Н.А. Архангельская губерния: (К 280-летию со дня образования) // Памятные даты Архангельской области, 1988 г. — Архангельск, 1987.

Шуиков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири: (XVII в.). — М., 1956.

Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков. — М.; Л., 1946.

Шунков В.И. О феодальном строе сибирской деревни в XVII веке // Вопр. истории. — 1952. — № 6.

Щапов А.П. Незданные сочинения // Изв. о-ва археологии и этнографии при Казан. ун-те. — Казань, 1926. — Т. 33, вып. 2.

Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири, 1032 — 1882. — Сургут, 1993.

Экспедиция Беринга : Сб. док. — М., 1941.

Эристов Б. "Чертеж всей Сибири" // Отечество: Краеведч. альм. — М., 1995.

Этнография русского крестьянства Сибири, XVII — сер. XIX в. — М., 1981.

Юдин А.А. Русская традиционная народная духовность. — М., 1994.

Юшкин Ю. Н.И.Ульянов // Образ. — 1996. — № 2 (6).

Юшков С.В. Очерки по истории приходской жизни на Севере России XV—XVII вв. // Летописные занятия Археографической комиссии. — М., 1913.

Яковлева А.И. Приказ сбора ратных людей. — М., 1917.

Якутия в XVII в.: Очерки. — Якутск, 1953.

Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. — М., 1981.

Янин В.Л. Новгородские акты, XII—XV вв. — М., 1991.

Янин В.Л. Новгородские посадники. — М., 1962.

Янин В.Л. Я послал тебе бересту... — М., 1975.

Янинова Л.И. Русское шитье жемчугом. — М., 1955.

Яхонтов И. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. — Казань, 1881.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Поморье	16
Школа права и самоуправления	45
Первая столица Поморья	68
Гавань Святого Николая	107
Поморье в "смутное время"	134
Первый ворота России	155
Россия молодая	189
"Муж слова и разума"	215
"Парадиз" Петра Великого	233
Послесловие	257
Приложение	260
Известия иностранцев о России. Записка о путешествии в Россию Жана Соважа Диепского в 1586 году	260
Исторические сведения об архангельских лоцманах	268
Иллюстрации	274
Указы Петра Великого	284
Список использованной литературы	293

УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ

БУЛАТОВ
Владимир Николаевич

РУССКИЙ СЕВЕР

книга третья

ПОМОРЬЕ (XVI — начало XVIII в.)

Ответственный за выпуск *В. П. Базаркина*

Редактор *Е. Ш. Галимова*

Художник *Р. С. Климов*

Библиограф *Э. В. Истомина*

Компьютерный набор *С. В. Сайданова*

Сканирование иллюстраций *Ю. Г. Гринюк*

Изд. лиц. № 020050 от 23.12.96. Сдано в набор 24.02.99

Подписано в печать 23.06.99

Формат 84 x 108/32. Бумага писчая. Гарнитура академическая.

Печать высокая. Усл. печ. л. 17,64. Уч.-изд. л. 12,09

Тираж 5000 экз. Заказ № 382

Издательство Поморского государственного университета
имени М.В.Ломоносова

163006, г. Архангельск, пр. Ломоносова, 6.

Издательско-полиграфическое предприятие "Правда Севера".

163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.

В.М. Третьяков, Н.П. Лаверов.